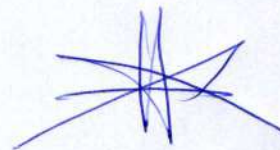

ФГБОУ ВО «Калужский государственный университет
имени К.Э. Циолковского»

На правах рукописи

КУЗНЕЦОВ Андрей Владимирович

**КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ОПЫТА
В РАЦИОНАЛЬНОЙ КАРТИНЕ МИРА**

5.7.8 Философская антропология, философия культуры

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание учёной степени
доктора философских наук

Научный консультант
доктор философских наук, доцент
В.В. Лыткин

Калуга-2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. Философское понимание антропологического опыта в категоризации науки и культуры	20
1.1. Первичная категоризация концепта «антропологический опыт» в философии Нового времени	20
1.2. Концептуализация и символизация антропологического опыта в познании реальности	55
ГЛАВА II. Предметность категорий мышления человека в рациональном осмыслении реального мира	99
2.1. Логико-вербальные и пространственно-образные формы категоризации антропологического опыта в познании мира	99
2.2. Категориальные принципы как схемы концептуализации антропологического опыта в рациональной картине мира	126
ГЛАВА III. Экспликация антропологического опыта в рациональной картине мира	144
3.1. Системный дискурс в категоризации антропологического опыта и понимании реальности	144
3.2. Культурно-генетическая репрезентация антропологического опыта в рациональном познании мира	178
ГЛАВА IV. Эмпирический и теоретический категориальный синтез антропологического опыта	208
4.1. Чувственно-созерцательные схематизмы в рационализации антропологического опыта	208
4.2. Антропологический опыт в рациональной реконструкции теоретического знания	238
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	276
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	301

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Философские проблемы, связанные с концептуализацией антропологического опыта в рациональной картине мира, образуют междисциплинарное предметное поле философов, культурологов, науковедов, когнитологов и других ученых в специальных областях знания. Компендиум обоснования знания расширяется, таким образом, за счет проблематики, имеющей отношение к генезису рациональной картины мира, как результату когнитивной деятельности человека и продукта социокультурных факторов.

Техногенный и технологический аспект культурно-цивилизационных систем обуславливает, в известной степени, пиетет науки в ее статусных и символических аспектах. Широко представленный в современном философском и научном дискурсе концепт «картина мира» и полемика относительно его понятийного, гносеологического и методологического содержания свидетельствует о наличии разногласий концептуального характера. Единство рационального знания, его концептуализация, обусловлены неоднозначностью роли субъекта, изучением онтологических, философско-антропологических, философско-культурологических и других характеристик бытия человека в мире и в комплексе смысловых и структурных связей. Обращение к философско-антропологической рефлексии способствует многоаспектному осмыслению сфер человеческой деятельности в контексте социокультурной динамики науки.

Философско-антропологическая, философско-культурологическая и философско-методологическая рефлексия направлена на выявление механизма образования общего поля понимания конструктивных решений, находящихся свое отражение в концептуализации рациональных картин мира; конструировании научно-философского современного миропонимания, обуславливающего первостепенное мировоззренческое значение для развития культуры, философии и науки.

С позиций философско-антропологического дискурса знание непосредственно связано с культурно-историческим генезисом научных принципов, входящих в основания рациональной картины мира, с его последующей концептуализацией, что и определяет актуальность понимания роли антропологического, человеческого опыта в осмыслении мироздания. Это позволяет решить такие чрезвычайно актуальные проблемы философской антропологии как взаимосвязь структур логико-вербального и пространственно-образного мышления, объективная взаимообусловленность способности сознания генерировать идеальные конструкты, концептуальные системы и аналитические стратегии мышления.

В рамках настоящего исследования актуализирована задача исследования в философско-культурологическом, философско-антропологическом, контекстно-смысловом измерениях общего поля понимания конструктивных решений, находящих свое отражение в содержательной взаимосвязи рациональной и языковой картин мира с человеческим опытом, в том числе с социокультурной средой и экзистенциальной повседневностью.

Степень научной разработанности проблемы. Тематика концептуализации опыта человека в рамках аналитических стратегий мышления при формировании рациональной картины мира так или иначе ставилась и решалась в классической философии А. Бергсона, Дж. Беркли, Ф. Бэкона, Л. Витгенштейна, Г. В. Ф. Гегеля, Дж. Гоббса, Ж. Делёза, Р. Декарта, И. Канта, Дж. Локка, Б. Рассела, Л. Фейербаха, П. Фейерабенда, И. Г. Фихте, В. Й. Шеллинга, Д. Юма и других мыслителей, на работы которых ориентировался автор в своём философском поиске.

Взаимосвязь опыта, «фактов» научного знания и их рационально-логической экспликации была центральной в философском позитивизме во всех его исторических формах. Первые позитивистские школы сам этот «опыт» и «эмпирические факты» понимали или в сциентистских формальных измерениях, или узко прагматически. Но особенно данная проблематика

актуализировалась под влиянием Г. Фреге и Б. Рассела в логическом позитивизме (Венский кружок) под эгидой М. Шлика, основным манифестом которых стала достаточно утопическая идея создания некоей «унифицированной науки».

Первым выступил против абсолютизации «достоверного эмпирического опыта» как достаточного рационального основания «научной картины мира» К. Поппер. Он усомнился в эффективности неопозитивистского принципа верификации и логического описания «эмпирического опыта», которые не дают истинно рациональных оснований научного знания даже при получении индуктивного знания из «опыта реального мира». К. Поппер противопоставил неопозитивизму свой «критический рационализм» с его принципом фальсификации, опорой на «здоровое, критическое мышление», «обыденный опыт». Он утверждал, что невозможно полностью рационализировать наше знание и познание, так как в любой науке мы не можем до конца формализовать «ментальный мир» человека, поэтому в любой рациональной «картине мира» остаётся неискоренимый иррационализм и «метафизический осадок».

Проблема взаимосвязи языка, обыденного человеческого опыта и знания с логическим мышлением учёного и философа нашла своё отражение уже в «Логико-философском трактате» Л. Витгенштейна, который также не вписывался в философско-логический эмпиризм Венского неопозитивистского кружка. Л. Витгенштейн выдвинул идею идентичности логической структуры языка онтологической логике мира, что и позволяет нам в простых логических высказываниях рационализировать эмпирические, наблюдаемые факты. Но в ряде мыслительных систем, таких как искусство, этика и метафизика, язык обнаруживает порой бессмысленность, так как касается описания не наблюдаемых (иррациональных) фактов, поэтому здесь лучше молчать (перед самим фактом возможной «бессмысленности языка»). В «Философских исследованиях», опубликованных посмертно, Л. Витгенштейн ещё больше погрузился в иррациональную стихию

повседневного языка человеческого общения и роли языковых игр в создании обыденной картины мира, что позволило говорить о том, что он сводит философию и логику к психотерапевтическим практикам. В поздних рукописях философ прямо обращается к иррациональным и экзистенциальным проблемам человеческого бытия в их языковой осмысленности или бессмысленности, в чем сказалось, несомненно, его раннее увлечение идеями А. Шопенгауэра и С. Кьеркегора.

Несомненно, что идеи Л. Витгенштейна повлияли в первой трети XX века на теории лингвистической относительности, роли категорий языка и когнитивных категорий в построении картин мира Э. Сепира и Б. Уорфа, которые в свою очередь можно соотнести с поисками западной антропологии во главе с Ф. Боасом социокультурной обусловленности архаических картин мира. Возможно, идеи Витгенштейна, гипотеза Сепира–Уорфа, а также работы американской культурной антропологии были восприняты в исследованиях советской школы культурно-исторической психологии, основание которой заложил Л.С. Выготский в 30-е годы прошлого века.

В конце предыдущего столетия зарубежные философы развивали обозначенное тематическое пространство в рамках истории и социологии науки, социологии познания, образования и экономики знания, которые дали многочисленные идеи о социокультурной, социально-экономической и культурно-исторической детерминации повседневной и рациональной картин мира человека. Проблема антропологического опыта и его социокультурной обусловленности в концептуализации рациональной картины мира в той или иной степени присутствует в работах и идеях таких авторов, как П. Бурдьё, Дж. Бернал, Э. Гидденс, А. Горц, Ф. Гватари, Ж. Делёз, Д. Дьюи, Б. Р. Кларк, Т. Кун, И. Лакатос, Б. Латур, К. Манхейм, Р. Мертон, М. Мид, Дж. Нидхэм, Д. Прайс, М. Полани, Ст. Тулмин, П. Фейерабенд, М. Фуко, Р. Шеннон, К. Ясперс и многие другие авторы.

Если не считать критику (в основном часто догматическую) идей западной философии, культурной антропологии и лингвистики о связи языка,

когнитивных структур, мировоззрения человека и картины мира (в том числе научной), которую мы обнаруживаем в советской философии 60/80-х годов прошлого века, то данная проблематика была инкорпорирована в дискурсе отечественной философии и методологии науки. При этом основные достижения были получены уже в современных работах тех авторов, которые своё внимание сосредоточили на философско-антропологических и философско-культурологических аспектах культурно-исторической эпистемологии (Н.С. Автономова, П.П. Гайденоко, В.А. Лекторский, В.П. Зинченко, В.В. Ильин, С.Б. Крымский, Л.А. Микешина, Н.В. Мотрошилова, В.Н. Порус, Б.И. Пружинин, В.С. Степин, В.С. Швырев, Т.Г. Щедрина, Б.Г. Юдин и многие другие).

В российской философии с опорой на философскую антропологию и философию культуры, герменевтику и когнитивистику, культурно-историческую эпистемологию и культурно-историческую психологию большое наполнение в работах многих авторов получили теория научных и ненаучных форм знания, социологии знания и познания, социологии и психологии науки, антропологии науки и паранауки, явного и неявного знания и так далее. Это тематическое поле, как и проблемы формирования концептуального и рационализованного опыта, его роли в выработке социокультурных и культурно-антропологических и философско-культурологических стратегий познания мира, присутствует во многочисленных публикациях В.С. Библера, П.С. Гуревича, В.Е. Давидовича, Г.В. Драча, А.Н. Ерыгина, Е.В. Золотухиной-Аболиной, И.Т. Касавина, С.П. Курдюмова, В.Н. Князева, Е.Н. Князевой, Т.Г. Лешкевич, Т.П. Матяш, Н.Н. Моисеева, Н.В. Мотрошиловой, М.К. Петрова, В.Н. Поруса, Б.И. Пружинина, Е.Я. Режабека, В.П. Римского, В.М. Розина, Т.В. Торубаровой, А.Я. Флиера, С.П. Щавелёва и многих других отечественных исследователей.

Вопросы, поднятые в работах выше названных авторов, говорят о необходимости расширить горизонты и глубины исследования в понимании

роли языка, повседневного антропологического опыта и когнитивных структур сознания на рационализацию не только научной, но и обыденных «картин мира», связанных с экзистенцией человека. Это также напрямую связано с ролью антропологического опыта в рационализации современного мировоззрения и картины мира, которая оказывается гораздо объёмнее её научного ядра, одного из многих концептуальных и ментальных формообразований.

Однако, именно концепт «антропологический опыт» остаётся мало отрефлексированной философской конструкцией. Всё это и обозначило философско-антропологическое и философско-культурологическое тематическое поле данного диссертационного исследования.

Объект исследования – *антропологический опыт в целостной картине мира современного человека.*

Предмет исследования – *когнитивно-аналитические и языковые стратегии мышления в концептуализации антропологического опыта в картине мира.*

Цель диссертационного исследования – *реконструкция и понимание концептуально-категориальных форм антропологического опыта в конструировании рационального познания действительности.*

Достижение этой цели подчинено решению следующих исследовательских **задач**:

– на основе историко-философской интерпретации диалога рационализма и сенсуализма в классической философии Нового времени разработать первичное авторское определение концепта «антропологический опыт»;

– обосновать значение философской и междисциплинарной концептуализации антропологического опыта в познании реальности как признание эквивалентности и сопряжения естественнонаучного и социально-гуманитарного дискурсов науки;

– на основе философско-антропологического и философско-культурологического подходов выявить логико-вербальные и пространственно-образные формы антропологического опыта в познании мира в контексте неэпифеноменальности, социокультурной обусловленности сознания человека;

– определить когнитивные параметры категоризации и концептуализации антропологических репрезентаций реальности в ментальных формах творческой активности человека;

– соотнести системный дискурс в осмыслении картины мира человека с философско-антропологической категоризацией реальности в антропологическом опыте;

– раскрыть механизмы концептуализации антропологического опыта в рамках исторического и культурно-генетического понимания генезиса и развития познания реального мира конкретно-историческим человеком;

– соотнести чувственно-созерцательные схематизмы (категории) с концептуальной трансдукцией, переносом и инкорпорированием антропологического опыта человека в структуры эмпирического обоснования рационального познания;

– установить особенности теоретической концептуализации и категоризации антропологического опыта человека в рациональном познании как базовой основы конкретно-исторических, мировоззренческих и научных картин мира.

Теоретико-методологические основания диссертационного исследования связаны с осмыслением историко-философских и историко-научных первоисточников с целью разработки авторского философско-антропологического определения понятий «антропологический опыт» и «картина мира». Данная проблематика нами изучалась, прежде всего, в рамках философско-антропологического, социально-когнитивного и историко-генетического подходов в осмыслении категориально-понятийного поля диссертации.

Познание исторической и логической подвижности рационального знания и философии как содержательного ядра в формировании мировоззрения и картины мира современного человека предполагало опору на диалектическую методологию с её основными принципами универсальной взаимосвязи, системности и развития, понимаемых как его противоречивость и переход количественных изменений в качественные, восхождения от абстрактного к конкретному, историзма в единстве исторического и логического, а также объективности и конкретности истины.

В исследовании человеческого сознания, мышления и познания, фактов научного и обыденного опыта в концептуализации и рационализации картины мира мы использовали методологический потенциал философской феноменологии и герменевтики, методологию системно-структурного, системно-функционального, контекстно-смыслового подходов, социокультурной обусловленности мышления, познания и творческой активности человека в познавательном процессе, наполненном экзистенциальными смыслами.

Новизна научного направления, представленного в диссертации, заключается в решении крупной философско-теоретической проблемы конструктивного и концептуального обоснования рациональной картины мира в горизонте категоризации и реконструкции культурно-исторического развития антропологического опыта как основания знания в оптике философско-антропологического и философско-культурологического подходов.

Основные результаты научной новизны исследования:

1. Разработано первичное авторское категориальное определение концепта «антропологический опыт», как ментального поля творческо-познавательной активности конкретно-исторического учёного, мыслящего и познающего человека, выявляющего практическое содержание знания в личностном опыте на основе осмысления множества внеэмпирических (метафизических, культурно-коммуникативных и т.п.) критериев истины,

сопряженных с философскими установками, экзистенциальными и аксиологическими смыслами.

2. Обосновано, что структурно-функциональные элементы категориально-понятийной системы знания связаны в реальном мышлении человека с образами, концептами, знаками и символами, как специфическими мыслеформами (неформализованными понятиями или не рационализированными образам), предполагающими процедуры моделирования знаково-символических систем в формах ментального хронотопа.

3. Определены предметность мышления человека в контексте социокультурного онтогенеза сознания и признаки внеэмпирического содержания концептуальных форм знания как репрезентаций индивидом логической целостности мира в антропологическом опыте постижения реальности.

4. Эксплицированы когнитивные параметры категоризации и концептуализации антропологических репрезентаций реальности в ментальных формах, что позволило дать характеристику специфической взаимосвязи философских и научных принципов в системе рационального знания о мире.

5. Предметно концептуализирован принцип структурности картины мира человека в его соотнесённости с философско-антропологической проблемой категоризации реальности в антропологическом опыте.

6. Содержание и механизмы историзма антропологического опыта в рамках темпоральной дивергенции и культурно-генетического обоснования отражают историческую динамику в познавательных императивах человека и рациональной картине мира.

7. Доказана связь концептуализации и категоризации в познании через соотнесение, синтез и перенос антропологического опыта на структуры эмпирического обоснования рациональной картины мира.

8. Установлены особенности теоретической концептуализации и категоризации антропологического опыта в рациональном познании как базовой основы картины мира.

Положения, выносимые на защиту

1. Историко-философская рефлексия позволила описать антропологический опыт, как самосознание и формы ментальности конкретно-исторического, «живого» учёного, который на всех этапах собственной рационально-познавательной деятельности осуществляет критическое и самосознательное осмысление собственной ментальной творческой активности, нагруженной экзистенциальными и аксиологическими смыслами. Антропологический опыт в экзистенциально-культурном контексте является результатом и источником когнитивной эволюции человека: от филогенетического истокового приспособления к условиям среды и формирования идеальных познавательных структур к реальным способам мышления. Преобразование природы и создание культуры и техносферы, как второй природы, не позволяет нам в полной мере утверждать о процессах адаптации человека к объекту (окружающая действительность, бытие человека в природе), так как он сам не остается неизменным. Техносферное искусственное бытие человека в мире неизменно порождает культуру такого порядка, которая посредством духовной самореализации человека в определенных исторических условиях преобразует его природу, что ведёт к изменению не только субстратной основы человека, но и его когнитивных установок и ментальности в целом.

2. Метаязыковые высказывания, к которым мы прибегаем для описания и интерпретации любой теории (выступающей объектным языком), латентно погружены в лингвистический и общекультурный контекст. При этом символический язык в научном познании (как и в случае художественного мышления) создаётся не в отрыве от естественного языка, но конструируется с учетом наличных форм знания и логических процедур. Взаимосвязь структур логико-вербального и пространственно-образного мышления в

формах концептуального знания предполагает дискурсивное использование логических понятий и концептов, как неформализованных образов, с целью регламентации познавательной деятельности. Культурно-коммуникативный и личностный контекст определяет семантические границы описания рациональной картины мира при осуществлении познания реальности, когда категории и понятия, слова и термины не существуют в отрыве от антропологического опыта.

3. Эмпирическое, априорное и неэмпирическое содержание концептуальных форм человеческого знания связаны с фактами коллективной лингвокультурной деятельности сообществ и человека на основе взаимосвязи структур логико-вербального и пространственно-образного мышления, что предполагает организацию фрагментарного антропологического опыта через декодирование первичных и вторичных знаково-символических систем в конкретно-историческом мышлении человека. Любые формы научного общения предполагают наличие коммуникативной стратегии в сознании «живого» исследователя и мыслителя. Феномены и эпифеномены познавательной активности сознания выступают реальными элементами в ментальной деятельности человека, а образы сознания получают статус идеальной меры в рационализации антропологического опыта как учёного, так и массового потребителя научного знания.

4. Категоризация и концептуализация антропологических репрезентаций реальности связана с философскими и научными принципами системы знаний о мире, которые выполняют селективную роль в отборе фактора антропологического опыта в рационализации картины мира. Именно здесь присутствует тот «метафизический осадок» (К. Поппер), который предполагает аксиоматику научных постулатов, основанную на «вере» и прагматической «эффективности» так обоснованного знания. С позиции философско-антропологической взаимообусловленности принципа и контекста явления окружающего мира имеют для нас значение в той степени,

которая определяет для нас возможность действия, приводящего к некоторому изменению мира. Множество сопоставлений действий с явлением становится для нас его признаками, то есть при/знак является для нас тем, что указывает на знак, или сущность явления, становится его смыслом. И само понятие/категория с необходимостью, концептуализируется, то есть приобретает в антропологическом опыте концептуальную трансформацию, сопряженную с созданием контекста данного понятия. Процесс концептуализации в контексте категоризации формирует некий код, меняющийся в зависимости от расширения контекстного поля области референтных значений объектов философского анализа.

5. Концептуализация системно-структурной картины мира человека связана с осуществлением категоризации реальности как в антропологическом опыте, так и в его теоретико-логических конструкциях. Человек не воспринимает мир как набор изолированных элементов, а как картину мира, которую составляет описание и понимание как материальных предметных систем, так и социально-идеальных предметностей, наличных в любой пространственно-временной точке реальности. Системно-структурное единство рациональной картины мира основывается на категориальных принципах, отражающих всеобщие законы организации и самоорганизации природных и социокультурных систем. Это опровергает дихотомию систем убеждений, основанных на неизменных принципах (метафизика), и философской позиции, утверждающей, что реальность является по своей сути духовной или ментальной, связанных с противопоставлением трансцендентного и земного.

6. Концептуализация антропологического опыта предполагает учёт историзма в рамках темпоральной дивергенции и культурно-генетического обоснования антропологического опыта человека в познавательных императивах рационализации актуальной картины мира. Принцип историзма и культурно-генетический подход не столько противопоставляются

неисторическому дискурсу и основанному на нём системно-структурному подходу, сколько дополняют его. Процесс познания, когниция, рассмотрен в его культурно-историческом генезисе и развитии знания, как переход от непознанного к познанному, что позволяет реализовать понимание рационально-познавательной деятельности человека, конкретного представителя своей эпохи, самосознательной личности, а не абстрактного «субъекта» философской гносеологии. При таком ракурсе объект и субъект познания оказываются взаимосвязанными, сопряжёнными (конфлюэнтными, перетекающими друг в друга), а функционирование ментально-познавательной системы задаётся её социокультурной обусловленностью.

7. Эмпирическая концептуализация и категоризация антропологического опыта реализуется, прежде всего, в рациональном познании. При этом по способам отражения и конструирования действительности, приобретения и формирования, проверки и подтверждения действительности в антропологическом опыте необходим учет особенностей рационального мышления и строгое разграничение эмпирического и теоретического знания. Контакт человека с реальной действительностью посредством наблюдения и эксперимента обуславливает формирование эмпирического знания в антропологическом опыте, который аккумулируется в различных формах знания. В переходе от перцептивного плана антропологического опыта к эмпирическим обобщениям на основе выявления признаков (общих свойств) при классификации достаточно большого множества однотипных объектов формируются основания гипотез, определяющие комплекс познавательных установок. Наглядность специфических образов действительности необходима как для объяснения, так и для понимания изучаемого явления, объекта в процессе познания, так как наглядные образы как категории-схемы апеллируют к чувственным формам отражения и осмысления реальности в ходе диалектического движения к понятийному мышлению.

8. Теоретическая концептуализация и категоризация происходит с участием антропологического опыта: объяснительный базис корреляции данных эмпирической регрессии осуществляется посредством осмысления выборки на основе классификации верифицируемых эмпирических фактов. Конструктивная особенность сознания человека обуславливает возможность эмиссии в концептуальные структуры знания специфических понятий и терминов, не выводимых эмпирическим путем, но имеющих соответствующее эмпирическое обоснование. Учёный предписывает идеальному объекту его свойства и соотносит эту интеллектуальную конструкцию как схему с реальным объектом или с набором его свойств, как ментальным выражением субъектно-объектных отношений и эпистемологической репрезентацией антропологического интервала свой/чужой. Такая рациональная форма освоения действительности реализует переход от одного уровня понимания к другому, наше стремление видеть в объективном сложном невидимое простое, но ясное для ума («oculi mentis»): интенция к неизменности и фундаментальности человеческой жизни проецируется на «топографию» единой рациональной картины мира.

Теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования. Получены авторские научные результаты, связанные с процедурами применения методик конструктивного обоснования концептуальных форм естественнонаучного и социально-гуманитарного знания для целей реконструкции и анализа принципов культурно-исторического развития науки.

Результаты работы дают возможность разрабатывать образовательные проекты разного уровня с опорой в учебном и просветительском процессе на выявления взаимосвязи структур логико-вербального и пространственно-образного мышления.

С позиций философско-антропологического анализа могут быть разработаны образовательные курсы для глубокого понимания философских факторов развития специального научного знания. Результаты

диссертационного исследования актуальны в практическом применении в философских, методологических и науковедческих курсах по программам бакалавриата, магистратуры и аспирантуры; при реализации различных программ в сфере интеллектуальной собственности, прикладных инноваций и других форм прагматического внедрения науки.

Достоверность и обоснованность научных результатов диссертационного исследования базируются на большом историко-научном и историко-философском материале, который содержится в освоенных трудах западных и отечественных философов и учёных.

Работа основана на междисциплинарных стратегиях мышления, а также предполагала использование философско-антропологического, историко-генетического, контекстно-смыслового, структурно-системного, компаративистского, функционально-логического подходов и методов.

Личный вклад автора связан с новаторским подходом к проблеме включения в понимание картины мира нового концепта «антропологический опыт», что позволило привлечь к проблематике материал социокультурной эпистемологии, когнитивной лингвистики и культурной антропологии при разработке методологического инструментария построения и обоснования (на основе экспликации и обоснования границ применимости понятия «антропологический опыт») новой философской концепции по концептуализации антропологического опыта в рациональной картине мира с позиции концептуальных систем, аналитических стратегий мышления применительно к проблемам концептуализации опыта человека в рамках диалектики, философской антропологии, философии культуры, междисциплинарного, системного и культурно-генетического подходов.

Соискатель внес общественно значимое авторское решение в понимание механизма образования общего поля конструктивных решений, находящихся свое отражение в психолингвистическом содержании и взаимосвязи картины мира с естественными и искусственными знаково-символическими системами, в аспекте функционирования языкового знания

и сознания в познании природной, социальной и человеческой реальности. Результаты диссертационного исследования достигнуты автором самостоятельно, начиная от определения проблемного поля и заканчивая понятийным осмыслением и решением поставленных задач.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности.

Работа выполнена самостоятельно и соответствует паспорту специальности 5.7.8 «Философская антропология, философия культуры»: 5. Человек и его сознание. Символические и иные теории сознания. 6. Философские проблемы исследования антропогенеза. 10. Феномены человеческой субъективности. 16. Экзистенциальная антропология. 17. Философские основания сциентических концепций человека. 21. Культурно-философская антропология. 20. Философско-биологическая антропология. 22. Психоаналитическая антропология. 65. Культура и наука. 70. Семиотика культуры. 80. Символическое в культуре.

Апробация исследования. Достоверность полученных результатов прошла проверку в ряде докладов, представленных на научных конференциях различного уровня: Международная научная конференция «XXIX Петровские чтения. Наследие М.К. Петрова: история философии, культурология, науковедение и регионалистика» (г. Белгород – 21 апреля 2016 г., Ростов-на-Дону – 25-26 апреля 2016 г.); Международная научно-практическая конференция «Традиционные культуры народов мира: история, интерпретация, восприятие» (г. Белгород, 18 ноября 2016 г.); Международная научно-практическая конференция «Искусственный интеллект: этические проблемы «цифрового общества»» (г. Белгород, 11–12 октября 2018 г.); Международная научная конференция «Что такое сообщество? Социальная герменевтика, власть и медиа», (г. Белгород, 21–22 октября, 2019 г.); Международная научно-практическая конференция «Философские и социально-экономические проблемы исследования инновационных технологий и искусственного интеллекта» (г. Белгород, 15–16 октября 2020 г.); VII Международная научно-практическая конференция «Творческое

наследие композиторов венской школы: история, педагогика, интерпретация» (г. Белгород, 17 мая 2024 г.); II Всероссийская научно-практическая конференция «Практическая эпистемология и технологии естественнонаучного образования» (г. Белгород, 20 апреля 2022 г.); Национальная научно-практическая конференция с международным участием «Наука XXI века: приоритетные направления исследований и междисциплинарные подходы» (г. Белгород, 14 июня 2024 г.) и многие другие.

Результаты диссертационного исследования применены автором при разработке и чтении студентам, магистрантам и аспирантам лекционных курсов «Актуальные проблемы философской антропологии», «История и философия науки», «Методология философско-антропологических исследований», «Проблема сознания в современной зарубежной и отечественной философии», «Философия Канта и неокантианство», «Философские и научные картины мира», «Философские и психологические проблемы творчества», «Нейрофилософия в контексте современной зарубежной и отечественной науки» и другие.

Основные положения и результаты исследования отражены в 68 публикациях, включая 1 авторскую монографию, 1 коллективную монографию, 15 статей в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ, 9 статей, входящих в перечень базы данных Scopus и Web of Science, 2 статьи в иных зарубежных изданиях.

Диссертация обсуждалась на заседаниях кафедры философии, культурологии и социологии ФГБОУ ВО «Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского» и рекомендована к защите.

Структура и объём работы. Диссертация включает в себя введение, четыре главы по два параграфа, заключение, библиографический список.

ГЛАВА I. Философское понимание антропологического опыта в категоризации науки и культуры

В данной главе мы на основе историко-философской интерпретации диалога рационализма и сенсуализма в классической философии Нового времени формулируем авторское первичное определение концепта «антропологический опыт».

Далее нами обосновывается значение междисциплинарного подхода в горизонте философской оптики для решения проблем концептуализации антропологического опыта в познании реальности как признание эквивалентности и сопряжения естественнонаучного и социально-гуманитарного дискурсов науки.

Это позволило далее провести философский анализ теоретических и категориально-понятийных аспектов, а также функциональных и структурных элементов научного познания в форме концептов, как специфических мыслеформ (неформализованных понятий или рационализированных образов), что связано с экспликацией процедуры моделирования знаково-символических систем с пространственно-временными характеристиками.

1.1. Первичная категоризация концепта «антропологический опыт» в философии Нового времени

В эпоху Возрождения зарождается идея о человеке как о «микрокосме», который отражает устройство всего мироздания. Такие мыслители, как Леонардо да Винчи и Николай Кузанский, исследовали человека через призму его возможностей и бесконечности его природы. Подчеркивалось, что человек обладает уникальной способностью к самосовершенствованию, а его интеллектуальные и творческие способности позволяют переосмыслить мир и себя в нем.

Реформация и Гуманизм усилили интерес к человеку, его внутреннему миру и духовным поискам. В философии эрзац-эпохи человеческая индивидуальность выходит на первый план, акцентируется внимание на личных качествах, возможности выбора и моральной ответственности. Данный период характеризуется стремлением лучше понять человеческую природу через изучение психологии, эмоций и разума.

Философско-антропологическая мысль философии Нового времени свидетельствует о значительных трансформациях восприятия человека и человечества, которые в корне различаются от средневекового понимания человеческой природы. Эволюция антропологических концепций протекала в контексте отхода от теоцентризма к антропоцентризму, где человек становится мерой всех вещей и центральной фигурой вселенной.

В Новое время философия переживает глубокие трансформации, нацеленные на переосмысление человека и его места в мироздании. Антропологический опыт, занимающий центральное место в дискуссиях того времени, становится ключом к пониманию сущности человека и его взаимодействия с окружающим миром, прежде всего, познавательного. В контексте философии Нового времени антропологический опыт выступает не только как предмет анализа, но и как основание для развития новых методологических подходов к познанию.

Обращение к проблемному полю в философии Нового времени (в её двух ипостасях рационализма и эмпиризма), задает основные парадигмы в осмыслении науки, научного и паранаучного знания в осмыслении природного, социального и человеческого измерений в мироздании, а также роли антропологического опыта в этом познании. Да и наука в прямом смысле этого слова возникла именно в это время, в то время как античность и Средние века дают нам лишь предпосылки научного познания, те формы рационального, достаточно понятийного и логического знания, которые и легли в основание современной науки.

Это время отмечено стремлением к объективации человеческого опыта, что приводит к формированию различных философских школ и направлений, акцентирующих внимание на изучении человека. Фигуры таких мыслителей, как Декарт, Локк, Гоббс, и позднее Кант, вносят значительный вклад в развитие философско-антропологической мысли, предлагая различные взгляды на природу человека и его познание, свободу воли, мораль и эстетические интуиции в рациональном познании. Их работы легли в основу современного понимания человека как активного субъекта, стремящегося к познанию себя и мира.

Познание с античных времен скептиками определялось как некоторый вид сомнения, который объединял в себе рациональные и чувственные аспекты восприятия мира природы и общества как интуитивно единого. Современная наука, являясь дериватом человеческой культуры, обращается сходным образом к тем же античным проблемам философско-антропологического характера, в том числе идее целостности мира и человека.

Одним из краеугольных камней в изучении философских аспектов человеческого бытия является проблематика сознания. Р. Декарт, с его знаменитым высказыванием «*Cogito, ergo sum*» («Я мыслю, следовательно, существую»), положил начало современной философской мысли о природе человеческого сознания, подчеркнув важность разума и сомнения в процессе познания. Этот подход отделил сознание от физического мира, подчеркнув уникальную способность человека к рефлексии как основу его бытия и истин.

Данная идея в аспекте *диалога рационализма и эмпиризма* приобретает статус философской проблемы, определяя Декартов порядок (бытие разумно) в рамках антропологического опыта как особенность нашего сознания воспринимать реальность определенным образом. Вместе с тем, считая традиционно Р. Декарта родоначальником рационализма, сопоставление картезианской гносеологии с современной философией, по нашему мнению,

необходимо по ряду причин, которые мы в данной связи находим весьма существенными в своей новизне. И эти причины мы находим весьма взаимосвязанными, так как почти все философы Нового времени (даже эмпирики в своём споре с рационализмом) в целом следуют Р. Декарту во всех указанных им способах мышления. При этом выбранный способ мышления совсем не обязывает в полной мере следовать доктринам самого Р. Декарта, выражая лишь согласие с её основными положениями или конкретными деталями.

В первую очередь философия Р. Декарта является примером *субъективистского поворота* в человеческом мышлении, который происходил в западной культуре в целом и в философии в частности. Само по себе желание Р. Декарта знать «кто я такой» выступает предпосылкой более самосознательного отношения к «объективной истине», которую философ различает как естественную, так и сверхъестественную. А именно эта «самосознательность», «рефлексивность» и включает в рациональное мышление учёного и философа его антропологический опыт, не всегда рациональный, а часто и иррациональный, и бессознательный (чего стоит любая «вера» в мышлении и сознании?).

Во-вторых, подобная самосознательность (рефлексивность) Р. Декарта делает его в некоторой степени одержимым проблемой «достоверности», что не всегда совпадает в практиках научного поиска с «истинностью». Насколько достаточными являются основания *принятия на веру* положения в рамках авторитетных заявлений, имеющих в качестве подтверждения и убеждения лишь «авторитетное мнение», «*magistr dixit*»? «Авторитетное мнение» в это время и оформляется в эту эпоху в качестве «научного цитирования», как в Средние века похожей «достоверностью» были цитаты из Библии и Святоотеческого наследия.

Скорее Р. Декарт спросил бы своих учителей «откуда ты это знаешь?» только потому, что необходимым условием достижения объективной истины для него выступает обретение личной уверенности, поэтому он и настроен

критически, не испытывая доверия [то, что *до веры*]. Иными словами, Р. Декарт начинает с *методологического сомнения* и скептицизма как универсального принципа: «Коль скоро мы поняли, что мы – вещи мыслящие, это становится первичным понятием, не требующим для себя никакого предварительного силлогизма»¹. Веру, опыт или здравый смысл мы обнаруживаем в качестве консеквента – причины и результата сомнений Р. Декарта в поиске «истины».

Большинство самых умных философов той эпохи, начала XVII века, на самом деле были настоящими скептиками, такими же как Монтень. И даже Паскаль, величайший религиозный апологет современности, написал свое знаменитое пари для скептиков, применяя к вере рациональные аргументы. Ирландский поэт Уильям Батлер Йейтс впоследствии написал: «Я думал лишь о символах – и мало / О том, что их реально наполняло.../ Пора вернуться на круги своя, в каморку сердца – лавочку старья»². Аллегорически Йейтс указывает нам, что человек может воплотить истину, но он не может знать ее. Иными словами, истина обладает внеэмпирическими критериями, среди множества которых выступает красота и внутреннее совершенство.

Сам Р. Декарт пытался опровергнуть скептицизм, но если эта попытка приведет его на круги своя, то он окажется в скептическом колодце, том основании, в котором будет вынужден отказаться от оценочного восприятия, обусловленного антропологическим опытом, здравым смыслом, традицией, какой-либо верой или каким-либо авторитетом. И если его культура мышления, которая во многом определила западную ментальность и продолжает в ней присутствовать, то возможно именно этим вектором движется и наша современная культура.

В-третьих, когда Р. Декарт действительно находит свою первую уверенность, это касается не Бога или мира, а его самого, ибо сомневаться в

¹ Декарт Р. Сочинения в 2 т.: Пер. с лат. и фр. Т. 2. М., 1994. С. 112.

² Йейтс У. Б. Избранные стихотворения, лирические и повествовательные. М., 1995. С. 155.

себе означает для него сомнение и в самой возможности познания. Его ответом на скептицизм и предпосылкой для остальной части всей его философии является его знаменитый аргумент – *ego cogito ergo sum*: «... на самом же деле он познаёт эту посылку скорее из собственного опыта, свидетельствующего, что, если бы он не существовал, он бы не мог мыслить. Уж такова природа нашего ума, что общие положения он образует на основе познания частностей»³. Р. Декарт, таким образом, следует антропоцентризму, ставит себя в центр своей мысли, рефлекслируя собственный антропологический, экзистенциальный опыт.

В-четвертых, Р. Декарт фокусируется на методе и дает нам новый метод достижения уверенности, который по сути является научным методом, применяемым к философии (с него начинается претензия создать «научную философию»). Его самой популярной книгой было «Рассуждение о методе». И научный метод на самом деле является величайшим открытием в истории науки, универсальным для всех видов наук. Декарт воочию наблюдал первичный социогенез науки и поразительный прогресс, достигнутый всеми науками в его время, благодаря этому новому методу. Таким образом он применил этот метод или попытался применить его также и к философии, хотя в философии всегда остаётся неуничтожимый метафизический осадок, как считал великий позитивист К. Поппер, а методологический анархист П. Фейерабенд писал о неустранимом мифе в науке.

В-пятых, свой главный поиск Р. Декарт начинает с теории познания, а не с метафизики. Иными словами, начинает со стратегии познания истины, с размышлений о мышлении, а не о бытии, то есть не с того, что представляет собой «истина сама по себе». Эта рефлексия остаётся особенностью и современной философии. Р. Декарт совершенствует свой методологический инструментарий, прежде чем строить здание науки. Он изучает сам разум, позволяя себе воспользоваться им практически по отношению к чему-либо. Концептуальность философии Р. Декарта заключается в том, что прежде

³ Декарт Р. Сочинения в 2 т.: Пер. с лат. и фр. Т. 2. М., 1994. С. 112.

веры во что-либо, должно возникнуть «доверие к разуму». Но каким образом разум может подтвердить сам себя? Ведь не представляется возможным сходным образом выделить из перечня аргументов тот самый, единственный, с позиции которого как некоего эталона допустимо судить о справедливости остальных аргументов.

Определяя в целом теорию познания как раздел философии, который изучает человеческое мышление, мы имеем дело с наиболее абстрактным и тонким, чисто теоретическим разделом философии. И хотя для понимания обыденной жизни изучение самого познавательного акта менее конкретно для большинства людей, но и с практической точки зрения всё, что мы можем знать является результатом познания и, следовательно, подпадает под эпистемологию точно так же, как и всё, что мы знаем о реальности. И то, что является примером реальности или бытия, следовательно, подпадает под метафизику. Но главный вопрос теории познания для нас заключается в том, откуда мы это можем знать. Это означает две вещи: поиск определенности и поиск метода. Первое – это поиск опровержения скептицизма, который отрицает нашу уверенность. А второе – это позитивная «дорожная карта», алгоритм достижения нашей уверенности: «вся природа ума заключена в мышлении»⁴.

Фундаментальный спор классической философии от Р. Декарта до Г. Гегеля, с начала XVII века и по начало XIX века, заключался в правильном соотношении между двумя имеющимися у нас силами познания, соотношения рационального и чувственного. В данной связи рационализм отдаёт приоритет разуму, как минимум в трех аспектах: 1) во временном плане это говорит о том, что разум занимает первое место; 2) разум судит о чувствах и в этом суть рационализма; 3) разум безграничен и неограничен опытом. У нас есть врожденные идеи, врожденные логические принципы, которые мы не усваиваем на собственном опыте. В качестве таких принципов мы выделяем закон непротиворечивости и принцип причины и следствия.

⁴ Декарт Р. Сочинения в 2 т.: Пер. с лат. и фр. Т. 2. М.: Мысль, 1994. С. 281.

Мы знаем, что эти принципы верны, но мы все же не выводим их из опыта. Мы применяем их на практике.

В свою очередь эмпиризм Ф. Бэкона, как известно, отдаёт приоритет нашему чувственному опыту во всех трёх этих аспектах: 1) с точки зрения времени чувственный опыт всегда занимает первое место; 2) опыт оценивает рациональные теории также, как теории оцениваются во всех науках за исключением математики; 3) в широком смысле эмпиризм утверждает, что разум ограничен опытом.

Таким образом, рационализм и эмпиризм противоречит друг другу по трём взаимосвязанным вопросам, которые сравнивают разум с антропологическим опытом: 1) кто занимает первое место? 2) каков стандарт оценки рационализма со стороны эмпиризма и, наоборот, эмпиризма со стороны рационализма? 3) ограничен ли разум опытом или нет?

Р. Декарт и последователи рационализма в итоге утверждают, что в разуме содержится нечто большее, чем то, что мы думаем. Эмпирики же утверждают обратное, что разум меньше, чем то, что мы думаем. С этих позиций к таким же рационалистам как Декарт, можно отнести Платона, Б. Спинозу, Г. Лейбница и Г. Гегеля. Эмпириками же будут Ф. Бэкон, Дж. Локк и Д. Юм.

Что касается Аристотеля, то он всегда избегал противоположных крайностей и был где-то посреди этого спора, как и почти во всех спорах: «Он был верный, нежный и постоянный друг, хороший семьянин и вообще любил людей и желал им добра несмотря на то, что клевета преследовала его постоянно»⁵. Возможно, личные черты его характера и позволили часто говорить о нем как скорее о мягком эмпирике, чем о жестком эмпирике. Аристотель утверждал, что всё человеческое знание начинается с чувственного опыта, но, вместе с тем оно им не ограничивается, поскольку

⁵ Литвинова Е.Ф. Аристотель. Его жизнь. Научная и философская деятельность. ЖЗЛ. Биографическая библиотека Ф. Павленкова. С. 11.

может абстрагироваться в универсальные неизменные и определённые принципы из опыта конкретных примеров.

Убеждённые эмпирики, напротив, отрицают это в эпистемологии, и они также почти всегда являются номиналистами в метафизике. То есть они отрицают, что универсалии объективно реальны. Средневековый спор в метафизике между реалистами и номиналистами, параллелен в отражающем пуле эпистемологии спору рационалистов и эмпириков.

При сравнительном анализе эпистемологии и методологии Р. Декарта с теорией Ф. Бэкона, мы видим более глубокое и гораздо более интересное единство между этими двумя философами. Малоизвестный факт, но Ф. Бэкон возглавлял тайное теологическое и мистическое общество, в котором состоял Декарт, как и многие другие известные ученые того времени.

Таким образом, то общее, что можно отметить между Ф. Бэконом и Р. Декартом находится не в эпистемологии, а что удивительно, в самом важном вопросе Этики, в сфере духовных исканий человека, а именно, в сфере того, что должно являться величайшим благом в человеческой жизни. Декарт начинает свое рассуждение о методе с того, что переосмысливает значение разума и делает его более требовательным с технической точки зрения. За всю историю человеческой мысли это происходило, как минимум, несколько раз.

Сократ требовал логических доказательств, а не просто принятия идей, основанных на авторитете или традиции. Платон уже требовал определений, так называемых платоновских идей, платоновых тел/форм или вечных сущностей. Далее Аристотель объединил разум с ощущением, рассматривая силу разума, как своего рода отпечаток или, говоря технически современнее, рентгеновский снимок чувственного опыта, чтобы идентифицировать абстрактные универсальные формы или виды из конкретных материальных примеров, конкретных вещей. Он придавал формам Платона новый, более земной и конкретный смысл.

В Средние века христианские философы определяли веру в сверхъестественном божественном откровении как дополнение естественному человеческому разуму на пути к истине. Впоследствии это нашло определенное оформление в концепции двойственности истины У. Оккама.

В Новое время Р. Декарт сузил разум до научного разума (рассудка?) как если бы перешел от вопроса «Зачем?» к вопросу «Как?». Иными словами, применив научный метод к философии или, по крайней мере, его математический аспект с учетом требования того, что он называл ясными отчетливыми идеями. Для естествоиспытателя математика – это единственный универсальный и недвусмысленный язык. И следуя подобной аналогии, свой новый метод Р. Декарт строил как экстраполяцию подобных «грамматических правил» универсального языка на философию, чтобы положить конец разногласиям, которые всегда мучили философов. Ведь по наблюдению Р. Декарта все другие науки тайно устраняли научные разногласия, в основном, путем нивелирования или сужения объемов понятий, особенно тех, которые мы называем трансцендентными. В частности, Р. Декарт низводил понятие Дух (Geiſt) до понятия Сознания как более суженной обьективированной его формы. Нет необходимости говорить, что этого не произошло подобно тому, как это осуществлялось отсечением всего лишнего, следуя аллегорическому тексту о Прокрусте, записанному Диодором Сицилийским в I в. до н.э. Впоследствии, убежденные эмпирики, такие как Д. Юм и, так называемые позитивисты, стали ограничивать разум упорядочиванием чувственных данных. Они использовали другой аспект научного метода, а именно использование эмпирических данных для оценки всех гипотез, в том числе при обосновании изучения человека на научной основе, акцентируя внимание на социальных аспектах его существования.

В свою очередь, И. Кант переосмыслил разум, как познание, конструирующее свой объект, а не «открывающее» его; навязывающее

форму материи, а не абстрагирующее форму от материи. Метафорически его можно сравнить с Аристотелем, вывернутым наизнанку, что сужало кругозор исследователя природы, делая фактически невозможным даже вероятностное знание объективной реальности или вещей как таковых.

Наряду с этим, современная наука и техника предоставляет нам все больше опытных данных, например, компьютерная обработка огромных массивов данных и вычислительная математика на ее основе подталкивает человечество к пересмотру определений разума, сути рассуждений или вычислений. И это равноправно относится как цифровым технологиям, так и математике. Компьютеры не могут понимать качество, они используются только при обработке величин. К тому же нам не известны алгоритмы понимания аналогий, которые нам интуитивно понятны. Все слова на всех языках за исключением чисел мы используем аналогичным образом, то есть широко используя аналогии. Вот и новое определение разума, предложенное Декартом, которое он проясняет посредством другого понятия – здравого смысла, определяя его не только как нечто общее для всех людей, говорящих на разных языках, но и одинаковое для всех.

Но очевидно, что мудрость или понимание, а также интуиция или то, что мы могли бы назвать философской эмпатией, не у всех одинаковы. Именно по этой причине философы в значительно большей степени расходятся в мнениях в отличие от ученых в области естествознания или технических наук. Научный метод, каким его представляет Р. Декарт, не опирается на интуицию правого полушария или орбитальнофронтальной коры головного мозга и не апеллирует к ней, а опирается только на сенсорные данные, точные количественные измерения и логические вычисления.

Способность выполнять эти три действия действительно одинакова для всех, поскольку у нас одинаковые органы чувств, одинаковая математика и одни и те же правила логики. Но мы не обладаем одинаковым пониманием или интуитивной мудростью. В данной связи, именно сужение кругозора

приводит науку к согласию. И Р. Декарт думает, что он может применить это и к философии и таким образом положить конец разногласиям и, возможно, даже войнам, которые всегда начинаются с глубоких разногласий, кажущихся неразрешимыми. Но, возможно, разногласия и окажутся не такими неразрешимыми, если мы все согласимся использовать эту новую, как полагает Р. Декарт, более узкую, строгую, более научную версию разума.

И это, по сути, является верой так называемого просветления/просвещения: «Мы видим в исторической ретроспективе, именно идеи рационализма играли чрезвычайно важную роль в дальнейшем формировании идеологии Просвещения, связавшей исторический прогресс с развитием рациональных начал человеческого бытия»⁶. И в данной связи философия Нового времени также не обходит стороной и социальные аспекты человеческого бытия. Т. Гоббс, с его «левиафановым» пониманием общественного договора, воздействует на представление о том, как человек может существовать в равновесии внутри общественных структур. Он утверждал, что в основе человеческого бытия лежит стремление к самосохранению, которое в условиях естественного состояния приводит к «войне всех против всех». Таким образом, создание сильного государства и общественного порядка является необходимым условием для мирного сосуществования людей. Необходимо отметить, что историческим фоном рефлексии в философии Нового времени были события, затронувшие в той или иной степени практически все европейские страны (регионы) и государства, приобретшие форму крупного военного конфликта на протяжении тридцати лет. По сути идея Гоббса, отчасти и реализовалась в новой системе международных отношений (Вестфальский мир), как итог тридцатилетней войны.

⁶ Кузнецов А.В. Идеи рационализма в классицизме / А. В. Кузнецов // Фортепианное наследие композиторов венской школы: история, педагогика, интерпретация: сборник материалов I Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции, Белгород, 13 мая 2018 года. Белгород: Белгородский государственный институт искусств и культуры, 2018. С. 115.

То обстоятельство, что Р. Декарт был свидетелем и участником 30-летней войны из-за религиозных различий между протестантской Германией и католической Францией, отчасти могло послужить причиной создания своей новой философии по возвращении с полей сражений. Но войны продолжают до сих пор и число их жертв только увеличивается. Так разве не должны мы признать, что этот новый Бог разума и науки, как источник мира, прогресса и небесного счастья на Земле действительно стал, как сказал Ницше о старом Боге, совершенно мертв. Подобное видение человеческого познания и опыта Спиноза реализовал в утверждении своего рода пантеизма, видя в человеке часть абсолютного разума, или Бога. Это позволяло смотреть на человеческое существование как на интегральную часть единого вселенского порядка, что радикально отличалось от дуализма Декарта, разделявшего существование на разум и материю.

Вместе с тем, по вопросам определения основной роли научного метода, Р. Декарт следовал идее, что наиболее важная роль в познании отводится математическим дедуктивным аспектам научного метода, в то время как Ф. Бэкон подчёркивал его эмпирические индуктивные аспекты: «... для наук нужна такая форма индукции, которая производила бы в опыте разделение и отбор и путем должных исключений и отбрасываний делала бы необходимые выводы»⁷. И это различие было главным вопросом, разделявшим философов раннего Нового времени, теоретическим вопросом, характеризующим соотношение рационализма и эмпиризма. Но все они за единственным заметным исключением Б. Паскаля, возлагали очень большие надежды на то, что научный метод произведёт революцию не только в философии, но и в самой человеческой жизни. Этот вопрос, практически разрешаемый в предметах о человеческом счастье, этике, добре и зле, оказывается гораздо важнее теоретического вопроса о том, как мы знаем. Таким образом, эволюция антропологической мысли философии Нового времени представляет собой диалектическое развитие понимания человека,

⁷ Бэкон Ф. Сочинения в двух томах. 2-е испр. и доп. изд. Т. 1. М., 1977. С. 72.

отражающее как изменения во внешнем мире, так и глубинные трансформации в сознании и самосознании человечества. Эти концепции расширяют горизонты знания, открывая новые пути к пониманию самого себя и места человека в мире. Антропологический опыт в философии Нового времени свидетельствует о многообразии видений человеческого бытия, каждое из которых вносит свой вклад в понимание человека как уникальной, разумной, моральной сущности, способной к самопознанию и самоопределению. Этот период знаменует собой переосмысление человека и его места в мире, отходя от средневековых представлений о человеке как о звене в божественной иерархии и перемещая акцент на индивидуальное бытие, разум и свободу.

В период Нового времени антропологический вектор философской мысли претерпел серьёзную эволюцию, став особенно важным из-за социальных, научных и религиозных перемещений, сформировавших контур современной цивилизации. На фоне Ренессанса, который освободил человека от средневековых цепей и утвердил его ценность, философия Нового времени развивала идеи о человеке, его природе, разуме, свободе и месте в мироздании.

И по этому вопросу рационалисты и эмпирики единодушно выступают против классического ответа на величайший из всех этических вопросов, вопроса о высшем благе, о значении счастья или блаженства. Альтернативой становятся вопросы о смысле жизни, что является лучшим, что мы можем сделать в этом мире? И в заключительной главе своего «Рассуждения о методе» Р. Декарт дает нам свою версию ответа на этот вопрос. И это, по сути, тот же ответ, что и у Ф. Бэкона. Его новый ответ – это величайшее изменение, которое никогда не может произойти в культуре, потому что это изменение касается не только средств достижения цели, но и того, что представляет собой конечная цель. И в данном контексте это понятие «цель», происходящее от слова «целое», заставляет нас задуматься о человеке, который и составляет себя как *целое прошлого, настоящего и будущего*,

когда, осознавая конечную цель своих действий, *выстраивает из образа будущего себя настоящего*: «Учёный стремится уподобиться Богу и, во многом именно поэтому, втайне интригует против Него, постепенно вытесняя с привилегированных позиций: из трансцендентности, из нулевой точки системы координат»⁸.

Конечно, метод – это всего лишь средство, но сходным образом многие могут относиться и к философии. Как и сама истина, по Ф. Бэкону, философия может оказаться практически утилитарной, всего лишь средством достижения конечной цели, подобно тому как в Средние века была служанкой богословия, которое заключается не в самой истине, а в той власти над природой, которую она нам дает, то есть благодаря технике, технологии. Может мы, говорит Декарт, когда-нибудь достигнем знаний, которые очень полезны в жизни и которые заменят умозрительную философию, преподаваемую его современниками весьма схоластично. Подобно тому как мы классифицируем различные навыки наших ремесленников, мы могли бы аналогичным образом практически использовать эти объекты для любых целей, для которых они пригодны. И таким образом обретаем ту самую Бэконовскую мощь и силу, чтобы иметь возможность стать, так сказать, хозяевами природы.

Под умозрительным Р. Декарт подразумевает не саму неопределенность, а поиск истины ради нее самой, как цели (от слова целое), а не как средства для использования. Когда Р. Декарт говорит о хозяевах природы, он вторит Ф. Бэкону, который ясно сказал, что цель человеческой жизни на Земле определяется не познанием истины, которая для него является лишь средством, а скорее завоеванием человеком природы или власти, которая и является целью. Подобно тому, как и в более радикальном продолжении Ф. Ницше, в его идее о том, что конечная цель – это просто

⁸ Фатенков А. Н. Внутренний опыт философии и внешний опыт науки: антропологический ракурс // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2012. №1 (25). С. 118.

воля к власти, которая ставит под сомнение даже само существование воли к истине.

И с этих позиций мы обнаруживаем тайное сердце современности, обнаруживаем распространенную ошибку, обусловленную представлениями об исторической разнице между современностью и Средневековьем. С учетом этого отдельные аспекты истории зарождения современной науки понимаются не в полной мере или совсем иначе, чем представляют себе современники Р. Декарта и Ф. Бэкона. При желании мы найдём много источников, в которых описывается магия как пережиток Средневековья, а наука описывается совершенно новой *технэ*, сметающей магию с лица Земли. Но в действительности в Средние века магическими изысканиями занимался весьма ограниченный круг людей.

Именно эпоха Нового времени становится расцветом магии: серьёзные магические усилия и серьёзные научные усилия – это аллегорические Каин и Авель: наука уничтожила магию, но и та и другая имеет одну конечную цель. И все-таки, есть нечто, что объединяет магию, астрологию, алхимию с прикладными науками как технологиями, в то время как, и то и другое мы до сих пор продолжаем отделять от мудрости более ранних эпох. В этом продолжается категориальное различие современной культуры с любой другой, разделенной с нами во времени.

Вместе с тем, для мудрецов древности главной проблемой и высшей степенью ценного, целью человеческой жизни, было то, как приспособить душу к реальности, владея, то есть властвуя, своими телом, чувствами и разумом. И решением этой проблемы были знания, самодисциплина и добродетель. Как для магии, так и для прикладной науки, проблема заключается в том, как осуществить свою цель, подчиняя реальность желаниям людей. Решение заключается в технике, в том числе обслуживающей непродуцируемые общественные потребности, и в такой технологии, которая могла бы существенным образом изменить структуру общественных отношений, создавая новый технологический уклад.

В этом духе Бэкон осуждает тех неразумных, кто ценит знание, как самоцель. Для него аллегорически это означает использование любовницы для получения удовольствия, а супруги для получения потомства. Истинной целью становится расширение власти мужчин. Ведь Ф. Бэкон отвергает магию и астрологию, которые по разумению Бэкона не обладают достаточной силой познания, то есть не работают должным образом, о чем Бэкон и упоминает: «Несколько слов об использовании результатов старой астрологии. Их необходимо очень тщательно проанализировать и, решительно отбросив все, что вступает в очевидное противоречие с физическими основаниями, сохранить и упрочить авторитетом традиции все то, что прекрасно с ними согласуется»⁹.

С позиции критического мышления и нейрофилософии понимание того каким образом мы с детства учимся классифицировать вещи, многое может сказать о нашем категориальном мышлении. Даже в обыденности мы категоризируем практически всегда и зачастую бессознательно. Обратим внимание на то, как мы уже, будучи взрослыми, продолжаем проявлять некую изобретательность или напротив демонстрируем некую стереотипность мышления при классификации таких глобальных четырех проектов, которые конкурировали в раннее Новое время, – время Ф. Бэкона и Р. Декарта. Как мы можем классифицировать науку, технологию, магию и религию?

Почти каждый будет классифицировать по парам, объединяя следующим образом: науку с технологией, а религию с магией. Ведь и наука, и техника используют научный метод и обе апеллируют только к природе, а не к чему-то сверхъестественному. В то время, как магия и религия превосходит как научный метод, так и природу. Но чем глубже категоризация, тем заметнее обнаруживается единство между магией и технологией, а также единство между религией и наукой. Основанием такого фокуса мысли выступает вышеупомянутая конечная цель человека: магия и

⁹ Бэкон Ф. Сочинения в двух томах. 2-е испр. и доп. изд. Т. 1. М., 1977. С. 219.

технология стремятся к власти над природой. Хотя одна использует сверхъестественные средства, а другая – естественные, тем не менее обе стремятся к власти, то есть составляют ненасытную силу, о которой впоследствии говорил Ф. Ницше как о такой сущности жизни, которая проявляет себя как воля к власти, господству.

При этом как наука, так и религия стремятся к истине, стремясь приспособить человеческую душу (сознание и мышление) к объективной реальности. Хотя наука фокусируется на разуме (сознание/Дух) и пытается приспособить его к реальности природы, в то время как религия пытается приспособить душу к реальности Бога. Но цель становится важнее средств, поскольку выбирается сердцем, волей и любовью. А любовь важнее техники и поскольку данный контекст является определяющим в творческой синтезе, то при категоризации самое важное различие заключается не в различии между техникой сверхъестественной магии и техникой естественнонаучных технологий, а скорее в их общей цели или любви, которая заключается в любви к власти.

Наука и религия, с другой стороны, имеют разные подходы и методы, но преследуют одну и ту же цель, а именно адекватное соответствие объективной истины реальной действительности. В данном смысле, наука приводит разум в соответствие с истиной природы, а религия приводит разум, сердце и жизнь в соответствие с истиной Бога.

В последней главе своего рассуждения о методе, посвященной утопическим результатам, которых Р. Декарт надеется достичь с помощью этого метода, он раскрывает свою надежду на возвращение в Эдем путем прогресса как некоей социальной утопии благодаря неограниченным возможностям техники и технологии будущего. Он говорит, что это целесообразно не только ради бесконечного количества приспособлений, которые позволили бы нам без боли наслаждаться плодами Земли и всеми благами, которые можно найти в ней, но и для того, чтобы мы могли избавиться от бесконечного количества болезней, как телесных, так и

душевных и, возможно, также об ослаблении, связанном со старостью. Технически могли бы, если бы человек обладал достаточными знаниями об их причинах и обо всех средствах, которыми природа снабдила нас.

В частном письме Р. Декарт признается в своей самой радикальной мечте завоевать главный козырь природы – саму смерть. В признании Р. Декарта не содержится никаких сомнений в том, что человеческая жизнь могла бы быть продлена на неопределенный срок, если бы мы только владели соответствующим искусством.

И здесь Р. Декарт предсказывает именно то, от чего предостерегают современные философы, называя трансгуманистическое уничтожение человека – антропологическим поворотом. Завоевание природы становится завоеванием человеческой природы, а возможно и путем искусственного бессмертия.

К Рене Декарту мы будем часто обращаться в следующих разделах нашего текста. Здесь же можно отметить, что рационализм и эмпиризм в осмыслении антропологического опыта не ограничивался только философией и наукой, но и своеобразно проявлялся в эстетическом сознании эпохи, а оно в свою очередь невидимо входило в научный и философский опыт. В качестве примера остановимся на влиянии рационализма на эстетику и художественное сознание классицизма. Здесь «тематика рационализма»¹⁰ как мы писали в своих работах ранее, «подразумевает, прежде всего, наличие особой мировоззренческой установки, в соответствии с которой принципы разума являются антецедентом, *verum causa*, составу мыслей и действий человека. Рационализм с его идеей разумности мира становится философской основой классицизма»¹¹. Именно поэтому классицизм и рационализм идейно взаимопроникаемы по отношению к смысловому многообразию сопряженных принципов «разумности бытия», практически в духе

¹⁰ Михина, Ф. Рационализм [Текст] : очерк генеологии, моделей и проблем : пер. с пол. / Франтишек Михина, Брест : Альтернатива, 2010, 247 с.

¹¹ Кузнецов, А. В. Концептуализация рациональной картины мира в абдукции антропологического опыта / А. В. Кузнецов // *Nomothetika: Философия. Социология. Право*. 2022. Т. 47, № 2. С. 389-393.

известного высказывания Томаса Аквината (Фома Аквинский): «*RATIO EST POTISSIMA HOMINIS NATURA*» – разум есть самая могущественная природа человека. И если сделать допущение о рациональной природе человека, то главной задачей философа становится «отыскание способов преодоления духовного разлада, возвышения над физическими обстоятельствами бытия»¹².

Правила, по которым формировался классицизм, существенным образом были обусловлены рационализмом Рене Декарта: «Согласно главным принципам новоевропейского рационализма, как он оформляется в философских построениях Декарта, Спинозы и Лейбница, реальные отношения и связи вещей и событий, характерные для метафизической действительности, тождественны чисто логическим связям и отношениям и потому постижимы при помощи чистого мышления»¹³. Искусство, согласно этим правилам, есть разновидность человеческого творчества и познания и поэтому фундаментальные основы познания вполне применимы и к нему.

Фактически любая энциклопедия связывает классицизм с античным искусством, полагая последнее в качестве опоры классицизма, его идеального эстетического образца, воспринимаемого в той степени, которую ранние греческие и римские поэты описывали как «золотой век». Во Франции XVII века «золотой век» рассматривался как эстетический образец и аллегорически назывался временем Минервы и Марса (Франсуа Малерб), как образец цело/мудрия (Минерва), попирающего Невежество. Когда мы говорим об образце, мы подразумеваем идеализацию определенного рода. Чтобы понять это, достаточно вспомнить, что презрение к древности и, в тоже время, традиционное к ней отношение как опоре, наследию вовсе не было связано с буквальным и слепым подражанием, но с особым творческим пониманием, благодаря которому мы сохраняем и одновременно стремимся превзойти данное наследие древних.

¹² Там же.

¹³ Декарт Р. Человек / Пер. с франц. Б.М. Скуратов; составление, примечания, послесловие Т. А. Дмитриев. – Москва: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2012. – С. 152.

Если мы спросим себя, почему идеализируется Декартом и его последователями именно Античность? То, считалось, что именно во времена Античности человек имел возможности к наиболее полной реализации своих помыслов. В данной связи мы называем классическим искусство Античности, рассматривая его как образец совершенства и правдивости, и, в отличие от искусства эпохи Барокко, наиболее простым и понятным. Понятен философам и тезис о том, что, поскольку фундаментальные принципы рационализма основаны на разуме, то они тождественны принципам философии классической древности и вечны. Этот метафизический обертон рационализма отсылает нас к проблематике вечности, поскольку апеллируют к неизменным вещам: «всеобщность и необходимость – являются не только логическими признаками достоверного знания, но и никак не могут быть выведены из опыта и его обобщений; они могут быть почерпнуты только из самого ума либо из понятий, присущих уму от рождения (теория врожденных идей Декарта), либо из понятий, существующих только в виде задатков, предрасположении ума»¹⁴ (принципов, установок).

А посему разум не ограничен в своем развитии пределом, отсюда следует и определенное почтительное отношение к науке как доминанте культуры, обусловленное ее ролью в жизни людей. И как мы видим в исторической ретроспективе, именно идеи рационализма и их связь с историческим прогрессом стали основанием идеологии Просвещения: «Рассматривая Бога как разумную первопричину мира, человеческую историю – как последовательное действие этой первопричины, ведущее людей от дикости и варварства к цивилизации и нравственности, просветители выдвинули программу социальных преобразований на основе

¹⁴ См.: Декарт, Р. Сочинения в 2 т.: Пер. с лат. и франц. / Рене Декарт [Текст]; Сост., ред., вступ. ст. В. В. Соловьева. – Москва : Мысль, 1989. – Т. 1. – 654 с.

общественного договора, реализуемого целенаправленными усилиями человечества, объединенного принципами разума»¹⁵.

Эпоха Просвещения углубила интерес к человеку, предложив идею его совершенствования и возможности неограниченного прогресса. Просвещение пропагандирует разум, науку и человеческое природное равенство, продвигая веру в то, что человек может и должен стремиться к улучшению как собственного положения, так и общества в целом. Представители таких течений, как утилитаризм, находившие свое выражение в работах Бентама и Милля, стремились рассмотреть человеческие действия через призму их пользы и счастья для наибольшего числа людей.

В культуре Просвещения антропологическое изучение претерпевает новый виток развития. Философы-просветители, такие как Дидро, Руссо и Кант, как вершина Просвещения, уделяют большое внимание социальной природе человека, его свободе и равенстве. И. Кант, например, раздвигает границы антропологии, считая человека не только объектом природы, но и субъектом, способным к моральному самоопределению через применение разума. Кантовская идея «человека в себе» подчеркивает самостоятельность и уникальность человеческой личности. И. Кант, в свою очередь, предложил различие между явлениями и вещами в себе, утверждая, что наше понимание мира формируется структурами самого ума.

Далее «судьба рационализма как в его классической, так и неклассической версии»¹⁶, была обусловлена развитием, в частности, европейской и в целом, общемировой культурой. Разумеется, любой кризис культуры, как отмечает В. В. Порус: «Серьезно затрагивает основания рационализма, критика которого часто приобретает контркультурный характер. Поэтому современный рационализм, отвечая на вызов времени,

¹⁵ Порус В. Н. Рациональность / В. Н. Порус // Эпистемология и философия науки. – 2004. – № 2. – С. 203–208.

¹⁶ Кузнецов А.В. Идеи рационализма в классицизме / А. В. Кузнецов // Фортепианное наследие композиторов венской школы: история, педагогика, интерпретация: сборник материалов I Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции, Белгород, 13 мая 2018 года. Белгород: Белгородский государственный институт искусств и культуры, 2018. С. 115.

эволюционирует к большей адаптивности, ассимилирует диалогические формы взаимодействия культур, отказывается от чрезмерной жесткости и априорности своих границ – и вместе с тем настаивает на основополагающей роли рациональных начал человеческого бытия»¹⁷.

Не останавливаясь пока подробно в спорах и диалогах рационализма и эмпиризма, в том числе в их осмыслении антропологического опыта и его роли в научном познании, обратимся к философии наиболее яркого представителя эмпиризма – Дэвида Юма. В философии Д. Юма удивительным образом сочетается представление о морали и аффективном поведении, обусловленном естественной страстной природой человека. В этом амбивалентном сочетании отражена свобода философа, его честность и пытливый ум: подобные порывы, облакаемые в форме трактата, как правило, не получают признания при жизни автора в полной мере. И несомненно роль трактата Д. Юма «О природе человека» возрастает во времена Бертрана Рассела. И его современники философию Юма воспринимают уже никак иначе – завершением эмпиризма, а самого Юма почитают великим британским эмпириком наряду с Дж. Локком и Беркли.

По мнению Д. Юма, последовавшего за Ньютоном, Вселенная имеет свою собственную природу и динамику, понятную человеческому разуму. Следовательно, человеческий разум может надеяться на простое описание того, как работает Вселенная, посредством систематизации или объединения ряда событий в единое целое. С другой стороны, Д. Юм верит, что все формы знания приходят из опыта, и он пишет: «Я решаюсь выдвинуть в качестве общего положения, не допускающего исключений, то, что знание отношения причинности отнюдь не приобретается путем априорных заключений, но проистекает всецело из опыта, когда мы замечаем, что отдельные объекты постоянно соединяются друг с другом»¹⁸. В данной связи позиция Юма не

¹⁷ Порус В. Н. Рациональность / В. Н. Порус // Эпистемология и философия науки. – 2004. – № 2. – С. 203–208.

¹⁸ Юм Д. Исследование о человеческом познании // Сочинения в 2 т. Т. 2 / Пер. с англ. С. И. Церетели и др.; Примеч. И. С. Нарского. 2-е изд., дополн. и испр. Москва: Мысль, 1996. – С. 23.

совпадает с рационалистической позицией, допускающей существование сверхчувственного или трансцендентного источника знаний. Тем не менее, вывод Юма более скептичен, чем вывод Локка. Локк утверждает, что знание ограничено только тем, что можно испытать на опыте. Для Локка человеческий разум начинается как белый лист (*tabula rasa*), на который опыт наносит свои следы, формируя идеи. Поэтому тема свободы воли и морального выбора также занимает центральное место в философии Нового времени. Д. Локк, например, развивал идею о природных правах человека, которые включают жизнь, свободу и собственность. Это понимание человеческой природы подчеркивает индивидуальную автономию и возможность самоопределения, предполагая, что моральное развитие индивида происходит через рациональные размышления и принятие разумных решений. В действительности, Локк считает, что у разума нет возможности действовать, когда речь заходит об идеях, которые невозможно пережить. К таким он относит идеи свободы и бессмертия души. Это представление подчёркивало значимость внешнего мира и сенсорного опыта в формировании человеческого познания. Такое понимание человека подчеркивало значимость опыта и обучения, открывая новый взгляд на возможности человеческой природы. Сходным образом, Юм считает, что нам нужно воздерживаться от суждений, когда мы углубляемся в темы, далекие от повседневного жизненного опыта.

Влияние философии Юма мы рассматриваем как в теории разума, человеческого понимания или психологии, так и вытекающую из неё моральной философии. Чтобы не уподобляться схоластам и выйти из логики абсурда и суеверий, Юм апеллирует к следующим способностям ума: впечатления и идеи. Однако то, что понимал Локк относительно идей, рождающихся из ощущений и размышлений, Юм уже называет впечатлением. А сами идеи, по Юму, рождаются уже из самих впечатлений.

Впечатления – это как бы сигналы, поступающие от органов чувств, в результате, например, голода или же от эмоций как основополагающих

ощущений ума. А идеи, – это воспоминания об этих впечатлениях, которые неизбежно со временем становятся слабее. Мы получаем впечатление от дерева. Мы вспоминаем идею дерева. Идеи могут объединять впечатления. Мы могли бы увидеть золото, а затем гору, а затем объединить их в золотую гору. Иными словами, Д. Юм утверждает, что из простых идей разум формирует сложные идеи: «Но хотя наша мысль, по-видимому, обладает безграничной свободой, при более близком рассмотрении мы обнаружим, что она в действительности ограничена очень тесными пределами и что вся творческая сила ума сводится лишь к способности соединять, перемещать, увеличивать или уменьшать материал, доставляемый нам чувствами и опытом»¹⁹. Иными словами, способность сознания сочетать произвольные образы, позволяет нам предположить, что идеи можно проследить до первоначальных впечатлений. Именно это утверждение делает Юма эмпириком. Он утверждает, что все знания приходят через органы чувств. Даже идея Бога, например, является выражением мудрости, интеллекта, силы и так далее, вместе взятое и умноженное до бесконечности.

Далее Д. Юм задается вопросом, как мы создаем идеи из впечатлений? Согласно Д. Юму, существует множество идей. И все же все эти идеи связаны между собой, образуют единое целое. По его мнению, это стало возможным благодаря законам ассоциации: «Если бы к этому нас побуждал разум, он руководствовался бы принципом, гласящим, что случаи, которых мы еще не встречали в опыте, должны походить на те, с которыми мы уже познакомились из опыта, и течение природы всегда остается единообразно тождественным»²⁰. Опять же все идеи, какими бы сложными они не были, должны быть связаны какой-то логической связью. Вместе с тем, Юм выделяет три закона ассоциации идей. Первый закон определяет сходство или аналогию. Второй закон определяет смежность во времени или пространстве, то есть смежность предполагает некое тесное

¹⁹ Юм Д. Исследование о человеческом познании // Сочинения в 2 т. Т. 2 / Пер. с англ. С. И. Церетели и др.; Примеч. И. С. Нарского. 2-е изд., дополн. и испр. Москва: Мысль, 1996. С. 16.

²⁰ Юм Д. Сочинения в 2 т. Т. 1. 2-е изд., дополн. и испр. М., 1996. С. 145.

соприкосновение, в результате которого мы могли бы говорить о непрерывности идей в опыте на уровне реминисценций. И, наконец, третий закон Юм связывает с причинностью.

В первом законе Юма сходство обуславливает возможность формирования контекста в опыте человека, то есть сходство близкородственно с похожестью различных объектов, и на этой основе Юм заключает сходство идей, соответствующих этим объектам. К примеру, для определения сходства мы могли бы объединить впечатление от разных растений в одно множество или категорию сходных объектов. В законе смежности (непрерывности) во времени и пространстве, Юм говорит о сходных признаках, связывающих разные объекты.

Для объяснения *причинности* мы видим, как в кастрюле на огне кипит вода и удерживаем эту идею в уме. Все идеи формируются только на основе этих ассоциаций: «Если наш ум переходит от идеи или впечатления одного объекта к идее другого или же к вере в этот другой, то это определяется не разумом, а некоторыми принципами, ассоциирующими идеи этих объектов и связывающими их в воображении»²¹. Логически объединяются эти впечатления посредством сходства, смежности/непрерывности и причинно-следственных связей.

То, что может создать разум, может быть только продуктом либо фактов, либо впечатлений полученных через органы чувств, либо отношений из идей. Важно отметить, что Д. Юм уделяет больше внимания третьему закону причинности. Это то, что посмертно стало известно, как *вилка Юма*: «все утверждения являются исключительно *аналитическими априори* или *синтетическими апостериори*, которые, соответственно, универсально истинны по простому определению или, какими бы кажущимися вероятными они ни были, непознаваемы без точного опыта»²². То обстоятельство, что знания могут быть получены только таким образом, приводит Д. Юма к его

²¹ Там же. С. 148.

²² Georges Dicker, «Hume's fork revisited», *History of Philosophy Quarterly*, 1991 Oct; 8(4): 327–342.

скептицизму. Таким образом, все, что мы знаем, основано на опыте причин и следствий, то есть связано с причинностью.

Мы наблюдаем день и ночь, мы видим, как это связано с движением Земли и Солнца. Мы настолько привыкли к подобной очередности событий, например, восхода и захода Солнца, что нам не приходит мысль об ином возможном порядке вещей. В действительности, закон причинности является одним из самых важных понятий в концепции Юма. Это объясняет почему после разговора о законе причинности Юм переходит к обсуждению восприятия и рассуждения. Согласно Юму, человеческое понимание обеспечивается способностью восприятия и способностью разума. Способность восприятия обеспечивает нам фокус впечатления или идеи. Способность разума формирует суждения, которые представляют собой априорные либо эмпирические утверждения об идеях, либо о фактах соответственно. Так вот отношения идей, согласно Юму, могут быть познаны интуитивно или демонстративно.

Мы всегда пытаемся мыслить имплицитивно, видим только антецедент (предпосылка) А, ведущий к консеквенту (результату) Б. В действительности, настоящая причина чего-либо ускользает от нас. Мы видим, как бильярдный шар ударяется о другой, передавая ему импульс. Но основное событие приводит только к событию Б. Мы не видим необходимой связи, только корреляцию. Эффект не становится необходимой частью вызовов, которые мы иногда определяем как причины. В данном смысле, в бильярдном шаре нет ничего изначально необходимого, что могло бы сравниться по эффекту с вызовами. А наш разум, как заметил Д. Юм, может оперировать только вероятностью того, что события повторятся таким же образом.

Мы уверены в ежедневных восходах Солнца, потому что нет у нас таких прецедентов, чтобы сомневаться в этом. Но формально, этот вопрос до сих пор обсуждается в академической среде и вызывает беспокойство у многих ученых. В академической среде это называется «проблема

индукции». Наш разум действует так, как будто мы можем предсказать будущее (эристика), но даже самые ученые умы руководствуются только прошлым опытом. В этом смысле, наука ничего не гарантирует, она лишь показывает вероятность повторения событий: «Мы всегда переносим свой опыт на случаи, которых еще не знаем из опыта, переносим явно или тайно, прямо или косвенно»²³. Основной скептицизм Юма состоит в том, что антропологический опыт имеет определенные ограничения. Являются ли эти ограничения ограничением процесса познания или ограничением разума, Юм не уточняет. Мы живем по привычке или стереотипно и не можем позволить себе избавиться от этого, поскольку нам кажется, что это и есть эффективность нашей жизни, ее великое руководство. Таким образом, Юм определяет веру в факт комплиментарностью объектов, присутствующих в нашей памяти, либо в ощущениях.

Если мы проводим карандашом по бумаге, на ней остается след. Каждый раз мы повторяем это снова и снова. Это приводит к тому, что в нашем мозге формируется автоматизм модели поведения, называемый нами привычкой и объясняемый нашим сознанием особым образом. Мы можем создать новые обычные привычки, смешивая старый опыт, используя ассоциации, сходства, смежность/непрерывность, причинность. Например, ручка похожа на карандаш, возможно, она делает то же самое. Или, увидав дерево, похожее на то, на котором мы наблюдали птицу, мы предположим, что на нем снова будет сидеть птица, потому что такие деревья и такие птицы соседствуют. Принимая к сведению факт, что все, в том числе и эмоциональные переживания, приходит нам в голову только благодаря впечатлениям извне, Д. Юм на основе ассоциаций приходит к позиции детерминизма.

Все, что мы решаем делать, имеет причину вне нас, и поэтому мы никогда не являемся истинными авторами своих действий. Чем внимательнее

²³ Юм Д. Исследование о человеческом познании // Сочинения в 2 т. Т. 2/Пер. с англ. С. И. Церетели и др.; Примеч. И. С. Нарского. 2-е изд., дополн. и испр. Москва : Мысль, 1996. – С. 161.

вы смотрите, утверждает Д. Юм, тем труднее увидеть свободный выбор. И он говорит, что не существует такой вещи как реальная случайность, ибо случайность, – это всего лишь незнание человеческими органами чувств истинной причины следствия. Однако мы вынуждены выстраивать свои привычки вокруг этой оценки вероятности. Мы чувствуем холод, когда Солнце находится на самом низком уровне, а когда оно находится дальше от Земли, вероятность выпадения снега возрастает. Или, когда дует определенный ветер, мы можем интуитивно определить вероятность выпадения снега завтра, а затем по привычке надеть толстое пальто. Но мы никак не можем найти необходимую связь. Мы никогда не можем быть уверены, что завтра пойдет снег. И если рассуждать логически, мы никогда не можем знать наверняка, взойдет ли Солнце. Мы можем только ожидать. Это точка зрения многих беспокоит. Конечно, мы знаем, что Солнце взойдет завтра, и для обывателей эта точка зрения логически незыблема, но философы пытаются оспорить это, что и сделало работу Д. Юма, столь влиятельной после его смерти.

Сравнивая здравый смысл и опыт с лучом света во мгле, относительно веры, которая в поведении людей зачастую опровергает опыт, Юм пишет: «вера является каким-то неизъяснимым душевным актом, средним между неверием и убеждением, но гораздо более близким к первому, чем ко второму»²⁴. Текст заканчивается положением, что мудрый человек должен соотносить свою веру с фактами: «он действует с большей осторожностью: взвешивает противоположные опыты, рассматривает, которая из сторон подкрепляется большим числом опытов, склоняется к этой стороне, все еще сомневаясь и колеблясь, и, когда, наконец, останавливается на определенном решении, очевидность не превосходит того, что мы называем собственно вероятностью. Итак, всякая вероятность требует противопоставления опытов и наблюдений, причем одна сторона должна перевешивать другую и

²⁴ Юм Д. Сочинения в 2 т. Т. 1. Москва, 1996. С. 360.

порождать известную степень очевидности, пропорциональную этому превосходству»²⁵.

Согласно Д. Юму, факты – это утверждение, истинность которых может быть обнаружена только с помощью опыта. Рассмотрим, например, утверждение, что перец горький. Очевидно, что никто не может сказать, что перец действительно горький, если он его не пробовал. Следовательно, мы никогда не сможем узнать, что перец горький, не прибегнув к опыту. А теперь следует отметить, что Д. Юма интересует только факты. И вот Юм вопрошает, какова природа эмпирических данных, которые убеждают нас в реальном существовании фактов? Ну что же, согласно Д. Юму, в некоторых фактах нас убеждают данные наших органов чувств и записи нашей памяти. Иными словами, по мнению Д. Юма, мы знаем, что факты существуют в реальности просто потому, что мы их воспринимаем. И это объясняет, почему Д. Юм был эмпириком.

Итак, как мы судим о достоверности фактов? Это основной вопрос теории познания Юма. Эта проблема становится краеугольной в теории познания Юма и связана с человеческим пониманием. То, что мы можем считать обоснованным, Юм связывает не с тем, что находится за границами восприятия и памяти/опыта, а с тем, что заключено в опыте. Опыт формируется на основе понимания причинно-следственных связей. Но как мы приходим к познанию причины и следствия? Ответ, по мнению Юма, заключается не в априорных рассуждениях, как хотели бы заставить нас поверить рационалисты, а исключительно в опыте. Опять же, наше знание причинности, причинно-следственных связей остается ограниченным опытом.

Конечно, рассуждение разума вне опыта, по Юму, не приводит к пониманию, а приводит лишь к рецептурному следованию «руководства жизни». Поэтому для Юма, в отличие от рационалистов не существует

²⁵ Юм Д. Исследование о человеческом познании // Сочинения в 2 т. Т. 2/Пер. с англ. С. И. Церетели и др.; Примеч. И. С. Нарского. 2-е изд., дополн. и испр. Москва : Мысль, 1996. – С. 111.

априори никакой связи между причиной и следствием, между событием №1 и событием №2. Такую связь у рационалистов Юм считал исключительно метафизической, а потому только опыт определял самодостаточным для наличия причинной связи, которую понимал исключительно как привычку – результат, основанный на эмпирически наблюдаемых закономерностях прошлого опыта. Как пишет Юм, знания реальности могут быть выведены только из тщательного наблюдения за постоянной связью между случайными событиями. Там, где наблюдается такая постоянная взаимосвязь, мы склонны приписывать событиям причинно-следственную связь, обозначаемой как причинность: «Этот переход мысли от причины к действию, происходит не благодаря разуму, он всецело обязан своим происхождением привычке и опыту»²⁶.

И. Кант, в свою очередь, расширяет границы понимания человека, вводя в философию понятия «вещь в себе» и «явление». Влияние Канта на антропологическую мысль заключается в разграничении сферы чувственного и разумного в человеке, что позволяет глубже проанализировать его способность к познанию. Кантовская философия подчеркивает, что именно человеческий разум накладывает структуру на хаотичный мир восприятий, тем самым делая мир понятным и упорядоченным. Как мы писали ранее в своих статьях: «И. Кант пытался избегать жёсткого дуализма и догматизма как рационализма, так и эмпиризма, которые он соответственно и называл догматизмом и скептицизмом. Под рационализмом он подразумевает прежде всего Р. Декарта, а под скептицизмом прежде всего Д. Юма, который очень логично вывел из своей предпосылки эмпиризма следствия радикального скептицизма. Его предшественники эмпирики, такие как Ф. Бэкон и Д. Локк, не делали этого. И. Кант пытался избежать этих двух крайностей, совершенно иным способом, чем это делал Аристотель, а именно тем, что он назвал своей коперниканской революцией в философии. И это, по сути,

²⁶ Юм Д. Исследование о человеческом познании // Сочинения в 2 т. Т. 2/ Пер. с англ. С. И. Церетели и др.; Примеч. И. С. Нарского. 2-е изд., дополн. и испр. Москва : Мысль, 1996. – С. 46–47.

переопределение самой истины как соответствия объекта внутренним структурам познающего разума, а не наоборот. Он сказал, что мы не выводим наши категории из нашего внутреннего мира. Скорее мы подсознательно навязываем их миру и таким образом конструируем мир как художник, а не открываем его как ученый. То есть мы наделяем свойствами объект, а не усматриваем их в нем»²⁷.

Кант принёс в философию Нового времени ещё один виток, устанавливая границы человеческого познания и акцентируя на моральных аспектах человеческой природы. Кантовская деонтология, с акцентом на универсальности и обязательности морального закона, указывает на внутреннюю ценность человеческой личности и ее способность к моральному законодательству. Этим он подчеркивает уникальную способность человека к этическому рефлексированию и постулирует, что именно в этическом измерении раскрывается сущностное предназначение человека. Кант изложил идею о том, что человек, с одной стороны, подчиняется естественным законам мира, но с другой – обладает свободой воли и способен действовать по моральным законам, происходящим из разума. Так, человек становится не только объектом познания, но и носителем нравственной ответственности и автономии. И к И. Канту мы также будем обращаться ниже.

Однако, прежде чем следовать кантовской критике декартовского *cogito*, отметим особенность использования Кантом вольфианской традиции в использовании терминологии эмпирической и рациональной психологии Х. Вольфа, характеризующей рациональный взгляд мыслителя на психические качества человека. В «Критике чистого разума» Кант уделяет немаловажное внимание, в том числе, психологической концепции Вольфа в разделе о рациональной психологии («систематическое изложение всех синтетических основоположений чистого рассудка»); «опровержение

²⁷ Кузнецов А. В. Концепт «антропологический опыт» в работах Ф. Бэкона и Р. Декарта // Наука. Искусство. Культура. – 2023. – № 4 (40). – С. 34-40.

идеализма»). Кроме того, Кант на основе своих конспектов, которые вел более тридцати лет, издал работу «Антропология с прагматической точки зрения», в которой указывал не недостаточность одних лишь рациональных способностей человека для возвышения над животными. Итак, кантовские различия эмпирической и рациональной психологии нам представляются весьма тонкими, ибо утверждение «я мыслю» вкупе с самыми незначительными объектами восприятия превращает любую рациональную конструкцию в эмпирическую. Вместе с тем, природа этого тонкого различия коренится, на наш взгляд, не в поиске различия рационального и эмпирического, а в попытке усмотреть нечто общее или единое.

Эпоха Нового времени принесла значительное разнообразие идей о человеке, отобразив его как разумное существо, стремящееся к познанию, независимому самоопределению и моральному самосовершенствованию. Философия этого периода оставила богатое наследие, на котором продолжают строить современные исследования о человеке и его месте во Вселенной: изменение представлений о человеке, его переосмысление в соответствии с идеей о человеке как о венце творения, обладающем уникальным разумом и способностью к самопознанию, не только расширило границы познания, но и задало новые направления в развитии научного знания, права, этики и политики, продолжая оказывать влияние на современное философское исследование и понимание человека. В данной связи антропологический опыт приобретает особую значимость, становясь той точкой, вокруг которой концентрируются различные философские течения, исследующие природу человеческого бытия. Рассмотрение человека, его сущности, природы, и даже предназначения в мире, пронизывает работы великих мыслителей.

Р. Декарт с его методическим сомнением полагает, что основой всех знаний является сомнение во всем, что может быть поставлено под вопрос. Декартовский «*Cogito ergo sum*» ставит разумное «Я» в центр мироздания,

пролагая путь к пониманию человека как автономной, самостоятельно мыслящей сущности, а рациональное мышление как основу для познания истинной сущности человека и мира.

Итак, при сравнительном анализе теории познания и методологии Р. Декарта с теорией Ф. Бэкона, а затем рассмотрении сенсуализма и скептицизма Д. Юма в горизонте соотнесения с кантовской философией, мы видим не столько различие, сколько более глубокое и гораздо более интересное единство между этими философскими системами Нового времени. «Р. Декарт начинает свое рассуждение о методе с того, что переосмысливает значение разума и делает его более требовательным с технической точки зрения. Научно-философский метод, каким он его представляет, не опирается на интуицию правого полушария или орбитофронтальной коры головного мозга и не апеллирует к ней, а опирается только на сенсорные данные, точные количественные измерения и логические вычисления. Способность выполнять эти три действия действительно одинакова для всех, поскольку у нас одинаковые органы чувств, одинаковая математика и одни и те же правила логики. Но мы не обладаем одинаковым пониманием или интуитивной мудростью. В данной связи, именно сужение кругозора приводит науку к согласию. Философия Р. Декарта является примером субъективного поворота в человеческом мышлении, который происходит в западной культуре в целом и в философии в частности.

Идея целостности мира и человека в аспекте создания рациональной картины мироздания приобретает статус научной и философской проблемы, определяя Декартов порядок в рамках антропологического опыта как особенность нашего сознания воспринимать мир определенным образом. Фундаментальный спор классической современной философии с начала XVII века по начало XIX века заключается в правильном соотношении между двумя имеющимися у нас силами познания, соотношения рационального и

чувственного»²⁸, в основании которых лежит антропологический опыт, как самосознание и рефлексия конкретно-исторического, «живого» учёного над способами собственного познания и мышления. Философская установка ограничивается целеполаганием средств достижения и различает истину, экзистенциально её категоризирует (сердцем, волей и любовью), что выражается в Новое время как стремление человека и сообщества к власти над Природой.

Мы утверждаем, что антропологический опыт в экзистенциально-культурном контексте является результатом и источником когнитивной эволюции человека: от филогенетического истокового приспособления к условиям среды и формирования идеальных познавательных структур к реальным, конкретно-историческим способам мышления.

Вместе с тем, преобразование природы и создание второй природы, техносферы, не позволяет нам в полной мере утверждать о процессах адаптации к объекту (окружающая действительность, бытие человека в природе), так как он не остается неизменным. Отчасти, техносферное искусственное бытие человека в мире неизменно будет порождать культуру такого порядка, которая посредством духовной самореализации человека в определенных исторических условиях преобразует его природу, что приведет к изменению не только субстратной основы человека, но и его когнитивных установок в целом.

И в данной связи возникает вопрос: является ли процесс адаптации человека к техносфере, аккумулированный в антропологическом опыте, процессом того же порядка, при котором биота встраивается в экологическую нишу?

Это позволяет нам на данном этапе нашего диссертационного исследования подойти к первому результату. Историко-философская интерпретация диалога рационализма и сенсуализма в классической

²⁸ Кузнецов А. В. Концепт «антропологический опыт» в работах Ф. Бэкона и Р. Декарта // Наука. Искусство. Культура. – 2023. – № 4 (40). – С. 34-40.

философии Нового времени позволила нам выработать первичное *авторское определение* концепта «антропологический опыт», как ментального поля творческо-познавательной активности конкретно-исторического учёного, мыслящего и познающего человека. Авторское определение концепта «антропологический опыт» заключается в том, что «живой учёный и философ» на всех этапах собственной рационально-познавательной деятельности осуществляет рефлексивное, критическое и самосознательное, осмысление собственной ментальной творческо-познавательной активности, нагруженной экзистенциальными и аксиологическими смыслами.

Таким образом, «антропологический опыт» выходит за пределы классического понимания «эмпирического» и формирует расширенный контекст обыденного, образного и рассудочного мышления в языковом сознании человека. Вместе с тем, «антропологический опыт», рационализированный на уровне принципов, выполняет функцию гносеологической призмы, личностных установок восприятия и познания, на рациональном уровне разворачиваясь в системы логических определений и понятий, формирующих рациональные тексты и контексты.

1.2. Концептуализация и символизация антропологического опыта в познании реальности

В данном параграфе мы обосновываем междисциплинарные аспекты проблемы концептуализации антропологического опыта в познании реальности как признание эквивалентности естественнонаучного и социально-гуманитарного дискурсов науки, что позволяет выявить функциональные и структурные элементы научного познания с целью экспликации процедуры моделирования антропологического опыта в научном и обыденном познании. Остановимся прежде всего на проблеме *сопряжения антропологического опыта в естественнонаучном и социально-гуманитарном дискурсе*.

В современной философии достаточной известностью пользуется понятие «междисциплинарность», которое определяется «по молчаливому соглашению» как признание эквивалентности естественнонаучного и социально-гуманитарного дискурса. Неслучайна рефлексия в данной работе о том, каковы перспективы эпистемологии познания, утвердившейся в рамках эпохи Просвещения как претензия на овладение «объективным знанием». Однако, по нашему мнению, сейчас наблюдается определенный кризис, связанный с отклонением эпистемологической традиции трактовки знания под влиянием легитимации релевантности, точности научного поиска поставленным учёным задачам, и реляционизма, как соотношения вещей и понятий в познании.

Данный кризис является кризисом концептуализации антропологического опыта, обусловленный расширением контекстуального поля под влиянием междисциплинарных трендов, требующий категориального переосмысления. В данной связи, В. Д. Бакулов отмечает: «... без философского переосмысления категориально-понятийного аппарата совокупности в большей степени сосуществующих когнитивных дисциплин невозможен выход на тот уровень концептуализации, который, собственно, и

задаст для них предметную область, позволяющую дальнейшее их развитие в междисциплинарном и трансдисциплинарном взаимодействии»²⁹. Для нас важными является определение эпистемологии и теории познания через достижение их взаимодополняемости с антропологической традицией по правилам соответствия теории, эксперимента и антропологического опыта, так как последний часто подменяется рассмотрением «теоретического и эмпирического (экспериментального) уровней научного познания».

Но «антропологический опыт» не ограничивается «эмпирическим» или «экспериментальным» аспектами и включает в себя сложные формообразования обыденного, рассудочного мышления и языкового сознания человека, в том числе и конкретного «живого» учёного, познающего мир в своей отдельной дисциплинарной парадигме, и при этом антропологический опыт в сжатом виде содержит всю категориальную матрицу, которая в процессе научного познания разворачивается в экспериментальной и теоретической системе логических определений и понятий, в той или иной степени рационализированных.

Дискурс современной науки, естественнонаучный и социально-гуманитарный, отмечен парадоксальным обстоятельством: с одной стороны, сохраняется установка на *объективность* научного познания (его претензия на «общезначимость», «достоверность», «строгость», а тем самым и «истинность»); с другой, неоспоримое место занял принцип *релевантности*, признание неклассических и постнеклассических схем эпистемологии науки. Следует отметить, что эпистемология науки и философская гносеология прошли и до сих пор проходят сложный путь, определяемый не только логикой кумулятивности, но исторически обнаруживаемой амплитудой колебания от безупречного *объективизма* к плохо скрытому *агностицизму*, подогреваемому именно концептами, как недоформализованными

²⁹ Бакулов В. Г. «Эпистемологический поворот» как условие философской концептуализации когнитивной науки / В. Г. Бакулов, С. В. Силенко // Научная мысль Кавказа. 2017. №4. С. 22.

мыслеформами обыденного сознания и образными структурами антропологического опыта.

Звучит несколько схематично, но попытаемся выдержать позицию включенности в познавательный процесс, сохраняя при этом установку на то, чтобы рассматривать познание не в качестве схоластической науковедческой «дисциплины», а *универсальной познавательной активности человека*. В свою очередь, познавательная активность человека соответствует рациональному критерию движения к освоению мира и одновременно самопознанию самого человека через логическое освоение антропологического опыта.

Пытаясь объяснить по этому поводу, мы принимаем за основу тезис: современная эпистемология науки не является объективистской схемой, тем идеалом, к которому стремилась наука эпохи Просвещения как первичной стадии цивилизации модерна, определяемой Роджером Смитом, английским исследователем, как поиск основы прогресса во врожденной активности и разумности человеческого духа³⁰. Он исходит из предположения, что идеал познания есть реализация идей «естественной природы» («просвещения») как залога совершенства человека и его творческой активности в натурализации природы. При этом Р. Смит отмечает, что этот вопрос взаимодополняемости или несовместимости остается открытым в современной эпистемологии. Речь идет о том, что эпоха Просвещения впервые порождает эпистемологию науки (прежде всего физики) как размышление о природе познания *внешней природы* в ситуации, где телеологизация перехода к эмпирической теории познания сопряжена с вовлечением в процесс размышления о *природе человека*, то есть с тем, что можно охарактеризовать как социокультурный антропогенез. А это и предполагает, что изначально в эпистемологию науки и философии включается антропологический опыт.

³⁰ См.: Смит Р. История гуманитарных наук. / Роджер Смит; [пер. с англ.]; под науч. ред. Д. М. Носова; Гос. ун-т Высшая школа экономики. – 2-е изд. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. – 392 с.

Для дискурса, например, современной физики, если элиминировать обвинения в гносеоцентризме, деонтологизации знания о мире и рассматривать эпистемологические процедуры как определяемые воздействием культурогенеза человека и антропогенеза в современном обществе (не филогенеза, а онтогенеза человека), становится ясным, что *объяснительная сила развертывания концептуальных и категориальных схем на этапе понимания реальности сопряжена с антропологическим опытом человека.*

Есть необходимость отрешиться от догмы экспериментальности и рассматривать дискурс современного естествознания на основе рациональных первоначал, в которые вносят коррективы *формы антропологического опыта, рассудка и обыденного сознания, сопряженные часто с категориями языковой картины мира, а также с подсознательными и бессознательными практиками человеческой ментальности.*

Для того, чтобы ввести и формализовать понятие «антропологический опыт» в пространстве аналитических положений, требуется принять позицию совместимости и пересечения того, что мы характеризуем *эпистемологической традицией*, основанной на принципе объективизма научного знания и поворота к субъективизму, признания за *исследователем, живым человеком*, правомочности обоснования исходных принципов мышления и познания, не связанных только с трудностями выбора общеметодологических концепций, например таких, как объективизм или конструктивизм.

Коллизия состоит в том, что условный «физик» противостоит не спору с «лириками», как писал английский популяризатор науки, физик, Чарльз Перси Сноу (*Charles Percy Snow*)³¹, а в том, что в современном мире приходится отстаивать идеал объективности научного знания, всеобщности критериев, выступающих рациональными маркерами разделения научных и паранаучных теорий. В данной связи эпистемология науки испытывает не

³¹ См.: Сноу Чарльз Перси. Две культуры. Москва : Прогресс, 1973. 143 с.

столько разрушительное влияние постмодернизма на структуру и оценку научных теорий, сколько парадоксальным образом воплощает отказ от идеи познания как инструмента прогресса и пути к совершенствованию личности с ее безграничными мыслительными горизонтами, с пониманием риска ситуации, в которой эпистемология перестает быть обращенной к человеку, познающему мир в его целостности³². Отношения эпистемологии науки и герменевтики, характеризующие неклассическую философию, свидетельствует о том, что есть стремление сохранить субъект, притворив идею поворота к субъекту познания эпохи Просвещения, как единства чувствования, мышления и деятельности, принятия вместе с рассудочно-рациональной традицией и экзистенциально-антропологического вектора в философии.

В рамках рассматриваемой проблемы, когда речь идет о достаточно сложной исследовательской процедуре концептуализации антропологического опыта, мы принимаем в качестве исходного тезиса возможность его рассмотрения и определения в рамках алгоритмов социального взаимодействия и культурной коммуникации людей, выражаемых в «габитусе», в вариантах восприятия и интерпретации форм знания на основе двух отмеченных традиций – абстрактно-гносеологической и экзистенциально-антропологической.

Как, например, подчеркивает В.В. Ильин³³, гносеологическая (философская) теория разворачивается как обоснование возможности наиндивидуального, сверхличного, трансубъективного (а часто и метафизического!) по содержанию объективного знания, выраженного в символической форме. Вместе с тем, как отмечает Е.В. Золотухина-Аболина: «символическое в полной мере воспринимается, а не просто понимается. Но восприятие, творя для сознания существующее в культуре, само подчиняется ряду культурных матриц: архетипам, категориям, установкам, габитусу,

³² См.: Касавин И. Т. Текст. Дискурс. Контекст: введение в социальную эпистемологию языка. М., 2008. 544с.

³³ См.: Ильин В. В. Теория познания. Социальная эпистемология. Социология знания. М., 2014. 203 с.

которые направляют восприятие, формируют направленность воспринимающего внимания»³⁴.

Однако, придерживаться позиции признания второй, экзистенциально-антропологической традиции означает сообщать «знанию о мире» удостоверение истинности, как согласуемой с опытом социальной и культурной жизни, с тем фактом, что *интенциональность субъекта* научного (и любого другого) познания, как *способность человека, его разума и ментальности соотноситься с материальным и культурным мирами, с человеческими практиками*, а также *представлять их в формах сознания и знания*, определяется также стремлением к поиску объективного знания (это отметил в теории научных парадигм Т. Кун³⁵). Понимание науки и знания о мире безусловно предполагает онтологические и аксиологические идеализации. Но если мы переведем наши размышления на язык современной эпистемологии, то следует придерживаться взгляда на её определенную интерсубъективность, выражаемую в антропологическом опыте.

Повторимся: *антропологический опыт является алгоритмом, институциональной основой современного научного знания*, что находит подтверждение в том, что отторгаемая идея о несоизмеримости различных научных теорий не обнаруживает безупречной состоятельности, когда исследование проблемы обращается к *антропологическому опыту как универсальному свойству (качеству) человека*, интерпретируемого в качестве *альтернативы или дополнения абстрактным, логистическим философским представлением о личности*.

В рамках проводимого нами исследования есть необходимость дополнительного описания субъекта в проецировании социальной наследственности, рассматривая ее в единстве *дискурсивных практик науки*

³⁴ Золотухина-Аболина Е.В. Онтология культуры: «творящее восприятие» и условия его реализации // Вестник МГУКИ. 2023. № 5 (115). С. 6–16.

³⁵ См.: Кун Т. Структура научных революций. Москва : ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак». 2003. 365 с.

(логических, рациональных) и *дискурсных практик живого человека*, конкретного учёного (часто образных, ментально-идеологических и ментально-бессознательных). Очевидно, что мы, вслед за нашими белгородскими коллегами и единомышленниками, здесь различаем понятия «дискурсивное», и «дискурсное».

И мы принимаем в качестве рабочего следующее определение дискурса: «Под дискурсом мы понимаем не только и не столько формально-логические и рассудочные формы мышления, но *особую систему смыслов*, связанных с культурной ментальностью и идеологией той или иной эпохи, которая *выражена в концептах* и представлена в самых разнообразных языках (текстах, знаково-символических формах), обладающих связностью и целостностью и погруженных в *речевые и культурно-коммуникативные практики*, в жизнедеятельность конкретного, живого человека, в социокультурный, иррационально-психологический и другие *контексты*, то есть в *экзистенциальный пласт бытия*»³⁶. Поэтому, дискурсивное, в отличие от чувственного, в нашем понимании и есть только эти «формально-логические и рассудочные формы мышления»³⁷, логические и понятийные способы мышления («рассуждения», как и переводится термин «дискурсивность»), которыми часто и ограничиваются философы в трактовке научного познания, упуская из виду «живого учёного», включающего в свою экзистенцию и антропологический опыт.

При таком подходе возможно предполагать, что *антропологический опыт придает научному знанию колорит конкретной мыслительной ситуации*, не в рамках пресловутого размышления о «национальной науке», а в том, что *неизбежен процесс антропоморфизации научных данных, эмпирических и теоретических результатов*, на путях оформления её *человекоразмерности* (М.К. Петров). Здесь и уместно вспомнить уже,

³⁶ Мельник, Ю. М., Римский В.П. Время жить и время созерцать... Экзистенциальные смыслы и философское понимание времени в классической европейской культуре / Ю.М. Мельник, В.П. Римский. – Санкт-Петербург : Алетей, 2013. – С. 34.

³⁷ Там же. С. 34.

казалось бы, забытую полемику В.И. Ленина, стоявшего на позициях диалектического материализма в формулировках «Анти-Дюринге» Ф. Энгельса с эмпириокритиками (Махом и Авенариусом) и физиками, у которых В.И. Ленин обнаружил «исчезновение материи», а тем самым – агностицизм в теории познания и в самом научном знании.

Реальный интерес для нас представляет и то, что В.И. Ленин выразил позицию классической физики (физики Ньютона), с её верой в рациональные основания, в понятийной *схеме физикализма*, наподобие историцизма как онтологизированного историзма в гуманитарных науках, где признается прогнозируемость и предопределенность научных результатов с прогрессистской уверенностью в достижении абстрактно-гносеологического знания. Однако, в такой интерпретации появляются сомнения в связи с двумя обстоятельствами.

Первое состоит в том, что классическая физика, которая схематично совпадает с физикой эпохи Просвещения, являлась результатом того, что итальянский католический философ Р. Гвардини определил в качестве попытки создать как «миф всеобщего разумного порядка»³⁸. Ленинское негодование по поводу размышлений философов-эмпириокритиков и физиков-идеалистов, было вызвано тем, что они, следуя принципу объективности пришли, по мнению В. И. Ленина, к ложным результатам, опровергая безусловность и абсолютность объективного физического мира, но логика развития физической теории вскрыла *барьер эпистемологического догматизма*.

По крайней мере с принятием теории относительности Эйнштейна, относительность раздвинула узкие эпистемологические границы и стала согласовываться со *свободой от безусловных объективистских установок*, то есть с тем, что эпистемология науки является формой её познания и самопознания, признающей возможности самостоятельности суждений в

³⁸ Гвардини Р. Конец нового времени // Вопросы философии. 1990. № 4. С. 127–164.

оценке даже, казалось бы, безупречных «физических» и «математических» истин.

Невольно возникает вопрос о том, что антропологический опыт современного человека отражает его, как «субъекта познания, растерянность и неопределённость перед лицом мироздания, а принятие принципа релятивности в научной (прежде всего в физической) теории стало прощанием с эпохой Просвещения³⁹. В реальности можно так обозначить «смерть» субъекта в качестве: «... амбивалентной тенденции размывания определенности субъект-объектной оппозиции в рамках постмодернистской программы преодоления традиции бинаризма, фиксирующий отказ постмодернистского типа философствования от презумпции субъекта в любых версиях его артикуляции»⁴⁰. Это означает, что в современном обществе единственным неотразимым «оружием» является глубокий скептицизм, так как метафизика реальности и видимости есть зеркало классического знака.

Однако, взаимная дополнительность двух традиций в эпистемологии науки вынуждает нас задуматься о том, что в радикальном варианте абстрактно-гносеологическая традиция ведет к агностицизму, к стиранию грани между научным, паранаучным и ненаучным.

Таким образом, трудности современной эпистемологии науки определяются тем, что антропологический опыт не концептуализирован, не осмыслен в контексте результатов социальной и культурной антропологии. Его принятие в качестве коррелята физической теории, выражающего культурно-цивилизационные особенности, а цивилизационный подход относительно недавно еще ориентировался на замещение не только детерминистской теории исторического материализма, но и возвышался до

³⁹ См.: Грей Дж. Поминки по Просвещению: Политика и культура на закате современности / Пер. с англ. Л. Е. Переяславцевой, Е. Рудницкой, М.С. Фетисова и др., под общей ред. Г. В. Каменской. Москва : Практикс, 2003.

⁴⁰ Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр. 4-е изд. Москва : «Добросвет», Издательство «КДУ», 2011, 392 с.

статуса универсальной формулы социальных процессов⁴¹, что продемонстрировало ограниченность попыток универсализации методологических подходов, которые объективно сами нуждаются в сравнительном изучении и характеризуется нами в данной ситуации как оценка аналитики объяснительной и прогностической теорий.

Концептуализация антропологического опыта нуждается в понятийно-категориальном уточнении, принимая только концептуализации моделей познания, ориентированные на когнитивный аспект (дискурсивные практики) в рамках объяснения сходства и различия, но по формуле К. Гемпеля, связанных с правилами соответствия⁴². При этом обнаруживается императивность, выполнение двух требований – антропологический опыт должен в рамках эпистемологической традиции ориентировать на соответствие между способом «организации физического мира» и тем, как эта модель описывается физической теорией.

В антропологической традиции целесообразно исходить из того, что *концепт предполагает соответствие между категориальным аппаратом научной теории и алгоритмами социального поведения и социального сознания, выражающего антропологический опыт человека в рамках действующего технологического уклада с учетом конвергенции когнитивных и социально-гуманитарных наук и технологий.*

Действительно, если принять эти правила в качестве принципов, эпистемология науки становится если не безупречной, то объяснимой в положениях о том, что современная наука теряет позиции «университетской дисциплинарности», так как когнитивные научные практики не полностью воспроизводятся в последующих поколениях, не воспитанных в духе классического, просветительского «прогресса» и поиска «научной объективности».

⁴¹ См.: Эйзенштадт, Ш.Н. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М.: Аспект Пресс, 1999. 415 с.

⁴² См.: Плотинский Ю.М. Модели социальных процессов. М.: Логос, 2001. 293 с.

Но это только видимая сторона «медали»: вторым, не менее важным последствием является то, что у современного человека прослеживается *«клиповое» мышление*, которое в ментальности эпохи модерна могло быть охарактеризовано как трудный путь постижения истины, путь экспериментирования и создания объяснительных теорий, развертываемых перед современным человеком как кейс отформатированных знаний в упаковке «полезных сведений», которые требуют информационной компетентности, но вместе с тем, снимающий ответственность ученого за аналитику и объяснение научных результатов, нахождение соответствия между природным миром и социокультурной реальностью.

Между тем, исторический опыт преподавания, например, физики обнаруживает влияние антропологического опыта, принимающего радикальные запретительные, обструктивистские формы, имеющего мягкую силу разрушения эпистемологии физики на позициях перенесения, *инкорпорирования в познание природы и человека принципа толерантности, изначально возникшего в протестантском религиозном опыте и отрефлектированного соответственно в философском экзистенциальном (антропологическом) опыте Нового времени.*

Принцип познавательной толерантности в последние годы используется чаще всего при абстрактном конструировании моделей различных природных явлений, а также на определенных этапах обучения при рассмотрении формализмов (способов решения), используемых для решения типовых задач в рамках конкретной физической модели естественного явления: «... примером здесь является поиск геометрических образов векторных уравнений кинематики, динамики и статики, что позволяет использовать простые геометрические соображения вместо громоздких аналитических преобразований»⁴³.

⁴³ Кондратьев А.С., Ларченкова Л.А. Принцип толерантности при решении физических задач в средней школе // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. СПб, 2008. С. 158–167.

Принцип познавательной терпимости (толерантности) содержит разумное начало, так как обращен к свободе творчества и автономии личности, то есть к её антропологическому опыту. Однако, без применения математического аппарата моделируемая картина изучаемого явления не обладает количественной полнотой, то есть не реализуются необходимые условия понимания природного явления. Вместе с тем, утрата связи необходимого и достаточного условий понимания впоследствии может отразиться и на качественном общем представлении изучаемых процессов и явлений: «... доведенное до совершенства сочетание качественного и количественного аспектов описания реальных явлений и продолжает удерживать физику в лидерах современного естествознания и является не формальным их объединением, а составляет самую суть методологии физики, отражая их единство»⁴⁴.

Однако, надо подчеркнуть, что современные научные теории подвергаются риску «насаждения» паранаучных обобщений в рамках сужения действия, характерных для классической и неоклассической науки, её концепций и парадигм. Данное следствие определяется влиянием концепта отказа от «большого нарратива» и деконструкции процедур экспериментальной проверки, в результате которой абстрактная эпистемологическая процедура «отбрасывается», но влияние на настроение и умы познающих субъектов антропологической традиции принимает формы уже не методологического анархизма, как это описывал П. Фейерабенд. Здесь прослеживается ситуация ревизии эпистемологии научного познания на основании включения в сферу исследуемых явлений не просто ненаблюдаемых объектов, а представляющих объективированные, идеализированные конструкты.

Вместе с тем, если А. Эйнштейн и М. Планк руководствовались тем, что *включенность субъекта в процесс познания* вынуждает нас принимать исследуемые явления по кантовской формуле феноменальности, поэтому

⁴⁴ Там же. С. 158.

среди тех, кто претендует на роль «бунтарей», выявляется позиция трансформации эпистемологии познания в то, что российский исследователь И.А. Ильин определял в качестве проявления «интердисциплинарного духа своего времени»⁴⁵. Ильин И.А. утверждает, что постмодернизм стремится охватить гуманитарное знание, но доверяя автору мы тем не менее определяем свое отношение к укоренившимся процессам альтернативизации эпистемологии физики тем, что познавательный релятивизм означает не реванш «лириков» в трактовке Чарльза Перси Сноу: речь идет о том, что воздействует правило метатекстуального комментария, фактически навязывая позицию автора, который убеждает в невозможности и недостижимости рационального порядка реальности, на чем, еще раз повторимся, строится классическая и неклассическая физика.

Было бы абсурдным зачислять А. Эйнштейна в сторонники иррационализма: из взглядов В.И. Ленина относительно эмпириокритики и эмпириокритицизма, который являлся оппонентом антропологической традиции, следует только негативистская трактовка субъективизма как множественности ошибки и заблуждения.

В данной связи поводом для беспокойства экстерналистов является то, что, при отстаивании позиции науки как развития определенных исследовательских программ⁴⁶, следует указать на социально значимого потребителя физического знания в контексте современных условий для эпистемологии физического знания, не исключающих антропологический опыт «человека потребляющего». Иными словами, «потребитель» технически склонен руководствоваться критериями эффективности и полезности потребляемого знания. Вместе с тем, в традиционном смысле, это не должно являться основанием когнитивизма в целом, фундаментальных теорий, рассчитанных на когнитивный интерес и подтверждающих тип человека как творческой личности.

⁴⁵ Ильин И.А. Постмодернизм словарь терминов, М., 2001. С. 382.

⁴⁶ См.: Степин, В. С. Философия науки и техники. М., 1996.

Таким образом, существенным является концептуализация антропологического опыта в рамках теории о природе человека в том, что научное теоретизирование относительно человеческой природы не имеет достаточной глубины обобщения естественнонаучной теории.

Действительно на пути единой концепции человека до сих пор стоит реальное разделение антропологической традиции как укоренной в гуманитарном знании и ее «производности» в негуманитарной сфере. Другими словами, философия научного знания и познания рассматривается как проявление разумности, но объективно признается устаревшей. На этой основе предполагается, что фундаментальные вопросы о природе человека характеризуются множеством разногласий и, вероятно, упрощенно, но удобно «физиков» характеризовать как ориентированных на объективацию реальности, а признание права личности следовать субъективному индивидуальному выбору – относить лишь к сфере собственных представлений о благе и счастье. Такое положение в философии научного познания, по нашему мнению, может осмысливаться лишь в пределах поясняющих последствий комплиментации моральных, нравственных регуляторов в сфере естествознания⁴⁷, как этики науки в целом.

Итак, перед нами две «глобальные» позиции. Традиционно эпистемология физического знания утверждает стремление к объективной истине, императивности законов и может создаться впечатление, является секуляризированной версией провинциализма, то есть того, что И. Ньютон по легенде характеризовал как «Бог завел часы», а учёному предстоит задача познать доставшийся ему в наследство природный мир.

Американский исследователь Фрэнк М. Тернер в эссе об европейской интеллектуальной истории, хотя и ограничивался периодом до Ф. Ницше, определяет поворот субъективизма в том, что, если мистики верили в непосредственное единение с Богом, который говорит с ними и через них, то антропологический опыт человека содержит в своей основе надежду на

⁴⁷ См. Стевинсон Л. Десять теорий о природе человека. М.: Слово, 2004. С. 230.

божественное откровение через познание⁴⁸. Иными словами, если в эпоху Средневековья⁴⁹ делался упор на внутренний религиозный опыт, то эпистемологическая научная традиция утвердилась в эпоху Просвещения. Это есть результат убеждения, что творец отдал нашим спорам то, что является уже сотворенным. Природный мир как объективный порядок нуждается в том, чтобы исключить влияние хаоса, то есть по существу естествоиспытатель как личность делает мир прозрачным и понятным, рационально обоснованным, и когнитивные типы личности характерны для классической физики и в принципе совпадают с общим доминированием в эту эпоху «человека активистского»⁵⁰. Другими словами, в абстрактно эпистемологической традиции естествознания уже содержится то, что можно назвать антропологическим опытом.

Эта мысль поясняется на уровне того, что И. В. Гете называл процессом натурализации природы: таким образом сакральная «природа» средневековья становилась полем эксперимента, переделки и совершенствования ради целей и идеалов активистской личности, «мастерской» в понимании Бэкона.

XIX век принес с собой новые вызовы и направления антропологической мысли, среди которых выделяются движения как позитивизм и марксизм. Марксистская антропология, в свою очередь, подчеркивает роль экономических и социальных факторов в формировании человеческой природы и культуры. В начале XX века развитие психоанализа Фрейдом и философии экзистенциализма Сартра, Хайдеггера, Кьеркегора добавляет новые измерения в понимание человека. Психоанализ открывает глубинные аспекты человеческой психики, тогда как экзистенциализм акцентирует свободу выбора, субъективный опыт и ответственность за собственную судьбу.

⁴⁸ Тернер Фрэнк М. Европейская интеллектуальная история от Руссо до Ницше. М., 2016. 384.

⁴⁹ Утц Р. Медиевализм: откуда и куда? [Электронный ресурс] // Vox medii aevi. 2019. Vol. 2(5). С. 52–55. URL: <http://voxmediiavevi.com/2019-2-utz-2>.

⁵⁰ Сергеев К.А., Слинин А.Я. Природа и разум: Античная парадигма. Ленинград : ЛГУ, 1991. С. 236–239.

Мы являемся носителями понимания личности естествоиспытателя, как выразителя классического интеллигентского сознания: это особенно проявлялась в предшествующий советский период, когда профессия «физика» рассматривалась престижной с точки зрения социально одобряемого образа (советский художественный фильм «девять дней одного года», 1961 года) и общественного профессионализма. Цена реализации личности и ее социальной престижности является следствием культурного антропосоциогенеза, конвертирования социального капитала в культурно-символический; убежденность в наличии как социального лифта, так и диапазона возможностей «удовлетворения личного научного интереса частично за счет государства», которая предоставляется учёному с приобщением к миру наук (например, поездки на конференции, как «научный туризм» в фольклоре вузовской советской интеллигенции).

Пока еще не определена схема упрощения антропологического опыта в науке советского периода, который интерпретируется как следствие унификации общественной жизни, сужения социальных коммуникаций в пользу идеологических оценок, что не является несомненно совсем обоснованным, но даже эпоха «Оттепели», в которой «физики» являли пример гражданской смелости, была эпохой сциентизма. «Физики» той эпохи если и претендовали на «диссидентство», то в споре с «лириками» исходили из идеалов позитивизма, в частности, из того, что советское общество развивается на основе прогресса науки и техники, а «лирики» стояли на позициях утверждения идеалов «социалистического гуманизма», в реальности являясь отнюдь не безобидными ретроградными людьми, имеющими «отсталые» относительно прогресса взгляды. Ключевым понятием модели «социалистического гуманизма» у Э. Фромма является идеал здорового общества, внутренние противоречия и ограничения которого отметил

В.Д. Бакулов: «... разработанная мыслителем концепция гуманистической трансформации капиталистического общества является формой

абстрактного, утопического проекта»⁵¹. Вместе с тем, абстрактный гуманизм не становится предельной вехой историко-культурной ценности, но стимулирует конструктивизацию и концептуализацию духовных рефлексий человека о всеобщем благе, коллективном счастье.

Стремление к коллективному счастью почти приобретшего форму коллективной мечты о благодати, которое подчиняло жизнь человека по крайней мере в официальном дискурсе, исчезло в современном российском обществе, когда подверглось сомнению доминантность публичного над частным. Метафорически говоря, мы утратили благо/дать целого как ценности науки, получив прикладной интерес к благо/получию в ослабленной, а точнее говоря низко культурной форме субъективности на основе монетизации общественных отношений. Изменение вектора цели формирования личности, критериев успеха, как доступа к потребительским благам, оказало негативное влияние на развитие научного потенциала в обществе, затронуло за редким исключением и сферу науки, породив ситуацию «соблазна», описывающего стратегию порабощения личности рынком⁵². Итогом стал отказ от позиции фундаментализма в естественнонаучном познании, допустимость паранаучности вследствие имитации познавательной деятельности или сужения её критериев до пределов утилитарной ценности. В подобных условиях, известная тенденция трансформации науки от паранауки к псевдонауке справедливо вызывают резкую реакцию академического сообщества: «Все это и может положить исходную основу для комплексного и, в определенной мере, системного подхода к демаркации науки и квазинауки, репутации псевдонауки, защитить созданный десятками поколений ученых храм науки так, чтобы его не одолели «врата ада» лжезнания»⁵³.

⁵¹ Бакулов В. Д. Эрих Фромм: критика и апология гуманизма / А.Ф. Поломошнов, В.Д. Бакулов, Е.А.Котлярова // Kant. 2021. № 2(39). С. 246.

⁵² Яцино М. Культура индивидуализма. Харьков, 2012. С. 280.

⁵³ Бакулов, В. Д. Основные теоретико-методологические уровни анализа проблемы демаркации науки и квазинауки / В. Д. Бакулов, С. В. Силенко // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2019. № 2(202). С. 9.

Здесь также следует учитывать в качестве внешнего фактора влияние новых интеллектуальных технологий, имеющих внутренние негативные последствия для научного познания. Например, рассматривая соотношения власти и обыденного сознания, исходят из необходимости соответствия властных коммуникаций «глубинным процессам человеческого бытия». Исходя из этого, философия науки принимает характер понятийной формы, в которой представлен конструируемый характер исторической жизни человека, что означает разрыв с традициями эпохи Просвещения, в которой когнитивная традиция являлась ориентиром на обретение качества социальной жизни путем ограничения действия природных, стихийных влияний.

Между тем, научное познание испытывает прессинг политики «экологизации», отягощенной антропогенным опытом эпохи индустриализма, приведшим к чрезмерному потреблению не возобновляемых ресурсов. Но если обратиться к существу проблемы, то выясняется, что декларируемая в таком случае возможность отказа от эпистемологической традиции превращает науку, потеснившую в эпоху Просвещения и далее – в трансформации Модерна – культуру, превратив её в некий остановившийся в динамизме резерват. Это подтверждается тем фактом, что новая предметная реальность (наука) приносила и часто вносит хаос в человеческое бытие, отражая отчужденность человека от общества и природы. В таком случае иногда возникает желание отправить научное познание вместе с философией науки и теорией познания в «архив», и в ожидании фундаментальных антропологических изменений и измерений культуры сделать целью возвращения «догмы человека».

Здесь следует определиться с тем, какие новые качества следует ныне обретать научному познанию и эпистемологии. Во-первых, отстаивая неразделимость, а взаимодополняемость является мягкой формой эпистемологической и антропологической традиции в познании, зафиксировать момент поворота к субъекту-исследователю, который уже

определялся в классической науке, но имел основание в суженой сфере когнитивных практик. Чтобы преодолеть последствия необоснованного приписывания эпистемологии науки «тоталитарных интенций», следует работать над концептуализацией антропологического опыта как формулы научного познания, определяющей субъективный выбор учёного как творческой личности.

Сущность антропологического опыта, обусловленного не только антропогенезом, но и социогенезом, составляет область оснований предметной области познания и науки, её статуса как социального института, внутреннюю динамику развития научного инструментария, ориентирует на проблему возможностей коммуникации субъектов, стремящихся к правилам соответствия условий и контекста формирования научных теорий и их роли в рационализации «картины мира».

Следует подчеркнуть, что Людвиг Витгенштейн фактически первым ввёл в философский и гуманитарный дискурс концепт «картина мира». Не «научная картина мира» и не «образ мира», как переводят часто соответствующий термин «Bild der Welt»⁵⁴, а именно «Картина мира». Впервые этот концепт появляется в «Логико-философском трактате» в пункте 2.0212: «2.0212 Тогда было бы невозможно построить Картину Мира, истинную или ложную»⁵⁵. Отметим, что перевод В.П. Руднева более соответствует оригиналу на немецком языке: «2.0212. Es wäre dann unmöglich, ein Bild der Welt (wahr oder falsch) zu entwerfen»⁵⁶. В. П. Руднев даёт интересный уточняющий комментарий к термину, вводимому Л. Витгенштейном: «Термин «Картина Мира» и отчасти синонимичный ему термин «модель Мира» широко употребляется в семиотике и структурной антропологии, но восходит, по-видимому, не к Витгенштейну, а к Л. Вайсгерберу, употребившему этот термин (Weltbild), независимо от

⁵⁴ См.: Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. Пер. И. С. Добронравова и Д. Г. Лахути. Сер. «Памятники философской мысли». М: Канон + РООИ «Реабилитация», 2017. С. 40, и другие.

⁵⁵ Витгенштейн Л. Избранные работы. Пер. с нем. и англ. В. Руднева. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. С. 34.

⁵⁶ Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. Пер. И. С. Добронравова и Д. Г. Лахути. Сер. «Памятники философской мысли». М: Канон + РООИ «Реабилитация», 2017. С. 40.

Витгенштейна»⁵⁷. Однако Лео Вайсгербер применял термин «языковая картина мира» в своей теории не без влияния философии культуры Э. Кассирера⁵⁸, вслед за Лео Вайсгербером и Л. Витгенштейном его разрабатывал в экзистенциальном измерении М. Хайдеггер⁵⁹, поэтому можно считать, что этот концепт уже витал в «духе времени» между двумя мировыми войнами XX века. Однако, мы думаем, что пальма первенства принадлежит именно Л. Витгенштейну, мало ориентированного на чьи-либо влияния и тексты.

В.П. Руднев интересно комментирует культурно-исторический контекст концепта «картина мира» при внимательном прочтении работ Л. Витгенштейна: «Ясно, что, раз мы, исходя из 2.0212, не знали бы, какие Пропозиции истинны, а какие нет, мы не могли бы построить такую Картину Мира, о которой бы мы знали, является ли она истинной или ложной. То, что мы могли бы построить, было бы построением бесконечных виртуальных Картин Мира, не совпадающих с реальной Картиной Мира. В XX веке, тем не менее, утвердилась идея построения Картин Мира именно в виртуальном смысле. Осознание невозможности построения истинной Картины Мира в связи с утерей логических констант (недаром ведь Витгенштейн не привел ни одного примера простого Предмета) компенсировалось осознанием полезности построения множества моделей возможных Миров, или виртуальных реальностей, где «неполнота компенсировалась стереоскопичностью»⁶⁰. Для нас важно, что переводчик и комментатор выводит нас именно на контексты философии культуры в употреблении концепта «картина мира».

⁵⁷ Витгенштейн Л. Избранные работы. Пер. с нем. и англ. В. Руднева. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. С. 34.

⁵⁸ См.: Даниленко В.П. Языковая картина мира в теории Л. Вайсгербера // Филология и человек. 2009. № 1.

⁵⁹ См.: Хайдеггер М. Время картины мира // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления: Пер. с нем. М.: Республика, 1993. С. 41-62.

⁶⁰ Витгенштейн Л. Избранные работы. Пер. с нем. и англ. В. Руднева. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. С. 34.

Можно привести и другой пункт «Логико-философского трактата» о «картине мира», часто цитируемый в работах интерпретаторов: **«3.01 Совокупностью всех истинных Мыслей является Картина Мира.**

В отличие от Вайсгербера, для которого *Weltbild* – это обыкновенная научная метафора, Витгенштейн действительно представляет себе Картину Мира как огромное полотно, элементами которого являются все истинные Пропозиции»⁶¹. И приведём немецкий оригинал: «3.01. Die Gesamtheit der wahren Gedanken sind ein Bild der Welt»⁶², где речь идёт о «картине мира», но никак не об «образе мира».

Таким образом, идея и концепт Л. Витгенштейна о «картине мира» обретает контуры не столько «физического» порядка, сколько философско-культурологического и требует концептуальных оснований антропологического опыта, который выражается в том, что легитимирует картину мира, которая воплощается в естественнонаучных и социально-гуманитарных дискурсах, как воплощенная интересубъектность. Антропологический опыт легитимирует картину мира как условие фундирования и создания научных теорий, руководствуясь как готовым естествознанием, так в известной степени и плюрализмом интерпретаций природных и социальных феноменов, при этом сохраняя консенсус относительно базовых принципов научной обоснованности и достоверности.

Эти процедуры не выносятся за пределы логики научного познания и вместе с тем воплощают антропологический опыт как интересубъектность в современной эпистемологии. Это важное обстоятельство для того, чтобы традиционное субъектно-предметное отношение, характеризующее субъектный тип личности, перешло в позиции сближения с социально-гуманитарным знанием, а дихотомия «культура – наука» перестала быть универсальным способом «моды» на ориентиры и науки, и культуры в горизонте их антропологического единства.

⁶¹ Там же. С. 54.

⁶² Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. Пер. И. С. Добронравова и Д. Г. Лахути. Сер. «Памятники философской мысли». М: Канон + РООИ «Реабилитация», 2017. С. 50.

Исходя из предыдущих изложенных принципов и положений, мы можем теперь перейти к выделению *функциональных и структурных элементов антропологического опыта*.

Познавательный аспект исследуемой проблематики обуславливает ее философский характер, перспективу, связанную с пониманием мира человеком. Такое обобщенное понимание, как правило, составляется на основе решений, представленных в идеализированной форме, отображающей общепризнанные объективные данные. Реализация подобных идеализированных форм осуществляется на основе чувственного отражения, в представлении, имеющего вид наглядного, образного знания. В данном конструктивном *социогенетическом подходе* имеет особое значение мыслительный эксперимент, позволяющий оперировать в рамках определенной концептуализации абстрактными, идеализированными моделями по аналогии с действительными (наличными) объектами в условно заданных параметрах, характеризующих основные свойства изучаемых процессов и явлений.

Вместе с тем, основа выбора исследователем того или иного вида наглядно-образного представления, обремененного концептуализацией первого приближения, коррелирует с практическими целями и задачами осуществления научного познания на соответствующих периодах развития науки, приводя к терминологической содержательной модернизации и актуализации. В этом смысле, понятийно-терминологический аппарат не используется исследователем пассивно при изучении различных аспектов реальности; выбор терминологии связан с набором имеющихся фактов, практическими целями научного исследования, принципами как системными методологическими установками в рамках концептуальных программ.

Общеметодологические требования определяются гносеологическими подходами, выражающимися основными стратегиями освоения антропологического опыта в познавательном отношении человека к миру с учетом императива адекватности соответствия методов и объекта

исследования. Степень адекватности определяет специфику норм научного познания и абстрагирования действительности при конструировании идеализированных теоретических объектов в рамках рациональной картины мира. В этом смысле, рациональная картина мира является результатом концептуального и категориально-понятийного познания, основанного на естественнонаучном и социально-гуманитарном восприятии мира. Рациональное познание осуществляется в рамках науки, представляющую собой сферу такого познания.

Данный компендиум рациональной картины мира имеет известную репрезентацию действительности в антропологическом опыте. Уверенность опыта в достоверности рациональной картины мира на основе ее сходства с объективной реальностью носит инструментальный характер. Концептология и методология в рамках метанауки как инструмент достоверности антропологического опыта имеет известные пределы познавательной ситуации. Один из основателей радикального конструктивизма, Э. Глазерферд, в данной связи полагает: «Мы не можем выйти за пределы своего человеческого способа восприятия и мышления»⁶³, проводя, тем самым границу между мыслимым и немислимым/невыразимым, то есть остающимся за границами описания.

Степень адекватности рациональной картины мира и её соответствия объективной реальности строится на основе праксеологического содержания, обуславливающего их согласованность и, как следствие, обосновывающее конгруэнтность картины мира мышлению⁶⁴. Утверждение обратного порядка о конгруэнтности мышления миру некоторые исследователи рассматривают в рамках калибровочной теории поля⁶⁵, при некотором гносеологическом допущении⁶⁶. Подобные интенциональные, содержательно-понятийные контексты должны нивелироваться, в известной степени, формализацией

⁶³ Glaserfeld E. von. *Radical Constructivism*. L.: Falmer Press, 1996. S.26

⁶⁴ См.: Кашапов М. М. *Психология творческого мышления профессионала*. Москва : ПЕР СЭ, 2006, 793 с.

⁶⁵ См.: Заяц А. Е. *Введение в теорию классических калибровочных полей: конспект лекций* / А.Е. Заяц. Казань, 2013, 38 с.

⁶⁶ Кузнецов А.В. *Физическая картина мира: логико-гносеологические основания и онто-гносеологическое обоснование* / А.В.Кузнецов. Курск : Изд-во курск. гос. ун-та, 2008. С. 38.

фундаментальных теорий⁶⁷, однако применимость подобных теорий всегда будет ограничена областью идеальных объектов. Но поскольку идеальный объект отличается от замещающего, к примеру, в эксперименте идеализированного объекта, то метаязыковые высказывания, к которым мы вынуждены прибегать для описания, интерпретации любой теории (выступающей объектным языком) латентно погружены в лингвистический и общекультурный контекст. В контексте дискурса об основаниях науки подобная позиция конвенционально признана академическим сообществом экстерналистской.

Следует отметить, что в рамках филогенетических измерений антропосоциогенеза лингвистические способности человека коррелируют с анатомическими и физиологическими предпосылками изменения аппарата речи⁶⁸ при необходимом эволюционном уровне развития мозга и его нейронных структур: «изучение нейронных структур мозга позволило обратиться к рассмотрению факторов эволюции и деградации конкретных когнитивных способностей, выявить взаимосвязь между повреждениями отдельных участков мозга и когнитивными нарушениями»⁶⁹. Вместе с тем, психическая составляющая эволюционного развития в значительной степени обусловлена и ролью общественных отношений. Известный параллелизм морфофизиологического и психологического развития отражен в тезисах нейропсихологии и физиологии высшей нервной деятельности, накладывающих на автономность развития психики, тем не менее, определенные ограничения. В рамках философской антропологии в вузах студенты-философы изучают, в частности, нейрофилософию и ряд междисциплинарных специальных факультативов, в которых вышеупомянутые морфофизиологические и психологические аспекты, также в известной степени, рассматриваются во взаимосвязи.

⁶⁷ См.: Ладов В.А. Возможен ли язык интенциональных контекстов? // *Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки*. 2012. Т. XXXVII. №3. С. 40–56.

⁶⁸ См.: Курчанов Н.А. Антропология и концепции биологии. Санкт-Петербург : СпецЛит., 2007, 192 с.

⁶⁹ Бакулов, В. Г. «Эпистемологический поворот» как условие философской концептуализации когнитивной науки / В. Г. Бакулов, С. В. Силенко // *Научная мысль Кавказа*. 2017. №4. С. 23.

В процессе осуществления мыслительной деятельности оперирование, то есть отображение и конструирование некоторого соответствия одного процесса (функции) другому, обусловлено наглядно-образным мышлением и когнитивной способностью к *организации мышления с помощью языка*.

Помимо естественных языков в науке используются символические языки как формы академической коммуникации, позволяющие интерпретировать различные аспекты реальности, зачастую выходя за границы наличного концептуального и естественного языкового предела⁷⁰: Рассматривая язык в качестве необходимого условия рационального мышления в принципе, В. В. Низовцев отмечает: «Язык не мог быть изобретён искусственно. Это фонемный (де Соссюр) образ природы, внутренняя форма (А.А. Потебня) которого сохраняет некоторое онтологическое содержание»⁷¹. Именно в таком аспекте современная философская когнитивистика исследует феномен языкового мышления и языковой картины мира. Но описание языка как системы знаков не может быть полным, если мы не учитываем возможность языковых изменений, обусловленных деятельностным характером антропологического опыта, его когнитивного измерения, описываемого Гумбольдом как *Geist* (дух), посредством чего слушающий не распаковывает/разархивирует мысли, но активизирует концептуальные структуры в своем сознании. Иными словами, мы не «упаковываем» мысли, а выстраиваем их при помощи языка.

Сходные идеи в рамках исследования синтаксических структур мы обнаруживаем в работах Ноама Хомского, в его *генеративной лингвистике*. Интерес к данной проблематике сопряжен с проблемой выявления неких универсальных языковых алгоритмов на абстрактном уровне изучения лингвистической структуры. Хомский писал: «Исследование универсальной грамматики – это исследование природы человеческих интеллектуальных

⁷⁰ См.: Соссюр, Фердинанд де. Курс общей лингвистики : Изд. Ш. Балли и А. Сеше при участии А. Ридлингера / Ф. де Соссюр ; Пер. со 2-го фр. изд. А.М. Сухотина ; Под ред. и с примеч. Р.И. Шор. 2. изд., стер. Москва : УРСС, 2004 (Тип. ООО Рохос). 271 с.

⁷¹ Низовцев В.В. Время и место физики XX века. М., 2000. С. 27.

способностей. Оно пытается сформулировать необходимые и достаточные условия, которым должна удовлетворять некоторая система, чтобы считаться потенциальным человеческим языком, – условия, которые не просто случайно оказались применимыми к существующим человеческим языкам, а которые коренятся в человеческой «языковой способности» и образуют, таким образом, врожденную организацию, которая устанавливает, что считать языковым опытом и какое именно знание языка возникает на основе этого опыта»⁷². При этом *символический язык* в научном познании (как и в случае художественного мышления) создаётся не в отрыве от естественного языка, но конструируется с учетом *наличных концептуальных форм знания и процедур логического анализа рассуждений* и, по сути, является *формализованным*.

На определенном этапе развития, например, математики потребность в формализации математических теорий посредством логико-математических языков первого порядка носит все возрастающий характер. Вместе с тем, естественный язык по-прежнему выполняет функцию метаязыка по отношению к формализмам, образуя в мышлении внутренний контекст человека. Контекст определяет семантические границы описания рациональной картины мира при осуществлении познания реальности. В целом, это относится и к современной математически оформленной физике как инструменту познания Природы.

Таким образом, *познание как постижение действительности*, и *понимание как постижение смысла*, то есть осуществление сопричастности на уровне рациональной общности собственного антропологического опыта чей-то мысли («знание о знании»), аналогично инструменту повышенной выживаемости человека в Природе как быстро меняющейся среде.

Когнитивные процессы, связанные с видами языковой деятельности и образным мышлением, происходят благодаря относительно условной

⁷² Хомский Н. Язык и мышление / Н. Хомский. Москва : Издательство Московского Университета, 1972. – С. 16–38.

сепарации, с точки зрения автономности, полушарий коры головного мозга. Известное доминирование мыслительных стратегий у человека обусловлено спецификой интеграции пространственно-образного и знаково-символического мышления. Так называемые формально-логические центры соответствуют левому полушарию мозга, а механико-геометрические – правому.

Согласно деятельностному подходу, осуществление психической (психологической по Выготскому) функции неразрывно связано с деятельностью, как основного варьируемого фактора влияния самого разнообразного характера. Е. Ю. Вершнёва так описывала суть когнитивной теории Выготского: «Сознание определяет жизнь (образ), но оно само возникает из жизни и образует ее момент: *ergo* жизнь определяет жизнь через сознание. Как только мы оторвали мышление от жизни (от динамики) — взяли его как понятие психического, а не психологического, — мы закрыли себе всякий путь к выяснению и объяснению его главнейшего свойства: определять образ жизни и поведения, действовать, влиять»⁷³. Эта связь и учитывается современными исследователями при изучении психофизиологических процессов в духе традиции Л.С. Выготского.

Таким образом, изменения характера деятельности, приводящие к новому качественному уровню, фиксируются в сепаративных рамках биполярности психологической функции и, так называемой, нагрузочности задачи, определяющей эффект количественной мобилизации ресурсов мозга⁷⁴. С учетом особенностей морфологии коры больших полушарий головного мозга и рефлекторного характера психической деятельности (И. М. Сеченов) при осуществлении познавательного акта, мы можем в данной взаимосвязи определить структуры и процессы, имеющие отношение к самой природе человеческого знания.

⁷³ Записные книжки Л.С. Выготского. Избранное / Под общ. ред. Екатерины Завершневой и Рене ван дер Веера. – Москва : Издательство «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2018, с. 556.

⁷⁴ См.: Бехтерева Н. П. О мозге человека: Размышления о главном. – Санкт-Петербург : Нотабене, 1994. – 244 с.

Подобные систематические исследования проводятся в эпистемологии, однако ее конструктивистские и формальные виды⁷⁵ порой имеют реципрокный характер в процессе познания⁷⁶. Рациональная картина мира является результатом конгломерата знаний, полученных на основе следования двух генеральных подходов (формализованный и конструктивистский), используемых *согласованно при сопряжении* противоположно направленных методов или стратегий познания.

С одной стороны, в формализме мы пренебрегаем содержательными смысловыми контекстами математических описаний, исключая также интуицию. С другой стороны, в конструктивизме мы учитываем активность познающего субъекта, его алгоритмы действия при осуществлении рефлексивных процедур в конструировании понятийных, концептуальных форм знания⁷⁷. Акцентируя при этом на том, что единственным источником знания о мире является наш опыт, формирование антропологического опыта, по сути, становится формированием картины мира. В конструктивистской стратегии методы создаются самим исследователем, то есть коррелируют непосредственно с культурным фоном и уровнем когнитивного и эмоционального (эмоциональный интеллект) развития человека.

В отличие от трансцендентализма, здесь научная деятельность определяется познавательными установками «живого учёного», способствующими переходу от корреспондентной концепции истины, – то есть от соответствия мыслей действительности, – к когерентной, то есть непротиворечивой в каждой отдельной концептуальной форме знания (гипотезы, теории и т.п.)⁷⁸. Вместе с тем, здесь возникает необходимость формирования *человекоразмерности* науки и рациональных концептуальных

⁷⁵ См.: Мордухай-Болотовской Д.Д. Философия. Психология. Математика. Москва : Сберебрянные нити, 1998. – 560 с.

⁷⁶ Подробнее см.: Кузнецов А.В. Физическая картина мира: логико-гносеологические и онто-гносеологическое обоснование. Курск, 2008. С. 14.

⁷⁷ Ильин В.В. Конструктивность как методологический регулятив: за и против // Проблема конструктивности научного и философского знания. Выпуск первый. Курск, 2001. С. 21.

⁷⁸ Zibertowicz A. Konstruktywizm jako orientacja metodologiczna w badaniach społecznych // Ask. W-wa, 1999. N8. S.15.

форм знания⁷⁹, что также обусловлено генетическим в антропосоциогенезе взаимодействием человека и мира. Иными словами, возможность построения когнитивных схем рассматривается в рамках данного взаимодействия, а не только с позиции логических форм рационального мышления.

Представленность и реализация антропологического опыта в концептуальных формах знания обусловлена интерпретацией на основе системы философских воззрений на сущность рационального описания действительности, осуществляемого в процессе взаимодействия человека и объекта познания. Применительно к любым теориям и, в частности, в квантовой механике, существует несколько видов подобных интерпретаций относительно существенных философских проблем, которые связаны с вопросами природы физической реальности.

Таким образом, мышление человека не представляется возможным рассматривать только в рамках отвлеченных, абстрактных форм идеализированных объектов. Когнитивные психологи справедливо отмечают: «Мышление о мышлении, иногда называемое метамышлением, может казаться неразрешимой задачей, так как затрагивает, вероятно, все рассмотренные ранее темы – обнаружение внешнего стимула, нейрофизиологию, восприятие, память, речь, воображение и онтогенетическое развитие»⁸⁰. Неизоморфность внутренних репрезентаций по отношению к внешней реальности исследовалась в классической отечественной психологии: «Во внутренней речи воспроизводятся, как правило, фиксированные в памяти схемы действия, гипотетические конструкторы, отдельные аспекты которых осознаваемы в форме субъективных образов»⁸¹. Более широкие когнитивные роли внутренней речи при формировании антропологического опыта, особенно в метапознании представляют интерес как явление пересечения предметности языка, мышления, самопознания, воображения и образов. Вместе с тем, благодаря

⁷⁹ См.: Петров М.К. Человекоразмерность и мир предметной деятельности // Человек. 2003. № 1. С. 5–18.

⁸⁰ Солсо Р. Когнитивная психология. 6-е изд. Санкт-Петербург: Питер, 2006. С. 131.

⁸¹ См.: Выготский Л. С. Мышление и речь. Москва: Лабиринт, 1999. 352 с.

непосредственному наблюдению, осуществляемому через входные сенсорные каналы человека, объекты воспринимаются в достаточно определенных *структурных и функциональных формах*.

Такое представление в рамках соответствующего содержания становится значением обозначаемого слова и выполняет роль понятия. Джордж Беркли, например, размышлял: «Представление какого-то конкретного треугольника играет роль представителя всех других треугольников... Человек может рассматривать фигуру просто как треугольную, не обращая внимания на определенные свойства углов или отношения сторон. До этих пор он может абстрагировать; но это никогда не сможет послужить доказательством того, что он способен образовать противоречивую абстрактно-общую идею треугольника»⁸². Именно так мы используем доказательство теорем в геометрии для любого треугольника, то есть «треугольника вообще».

Нечто аналогичное наблюдал и другой наш родоначальник отечественной нейропсихологии, А.Р. Лурия: «Если же у испытуемого за словом стоят абстрактные, категориальные связи, он сможет преодолеть наглядное впечатление или наглядно-действенную ситуацию и произвести операцию выделения отвлеченных признаков, по которым слово относится к одной определенной категории»⁸³. В основе подобных представлений используются сенсорно-перцептивные признаки, которые при равном количестве человеку легче выделить в одном предмете, нежели единичный признак в предметах сходного количества.

Таким образом, мы должны учитывать этот дополнительный критерий, востребованный сознанием по ряду причин, помимо критериев формально-логических форм. Такие «дополнительные» критерии относятся, по видимому, к сфере бессознательного, которое в научном исследовании выходит за рамки логического. Ещё И. Кант в «Трансцендентальной логике»

⁸² Беркли Дж. Сочинения. Москва : Мысль, 1978. С. 109, 164.

⁸³ Лурия А. Р. Язык и сознание. Ростов-н/Д: Феникс, 1998. С. 141.

в качестве разновидности логической формы предложил рассматривать *представление*. Предмет логики расширяется Кантом до, так называемого, беспредпосылочного знания, которое, впоследствии, Э. Гуссерль выделял как представление в качестве основного принципа феноменологии⁸⁴. При этом, основные усилия Гуссерля осуществления редукции по отношению к науке, по мнению Т.Г. Лешкевич, должна привести к определенной рекурсии смыслов: «мы вернемся к тому, от чего наука отправлялась – к донаучным значениям, мы восстановим чуждый науке мир повседневной жизни, выступающий как совокупность первичных, фундирующих интенций, которые должны раскрыть процессы возникновения из них различных систем знания, в том числе позитивных наук, наделять их чисто человеческим содержанием»⁸⁵.

Австрийский философ А. Майнонг⁸⁶ предпринял попытку осмыслить *представление как форму мышления*. Действительно, научный дискурс предполагает в ряде случаев *особое речевое мышление* по отдельным признакам аналогичное метафорическому, при концептуализации внеязыковой реальности и, обуславливающее понятийные формы научного мышления.

Речевую способность как комплементарную речи и языку связывают, как правило, с интеллектом. Вместе с тем, с начала XIX века неврологами обнаружена связь нарушений речи с поражением мозга. Так, например, Марк Дакс фиксировал: «... больные с правосторонним инсультом (локальным кровоизлиянием в ткань мозга), как правило, не страдают расстройством речи, в то время как левосторонний инсульт, сопровождающийся параличом правой половины тела, приводит к нарушениям речи достаточно часто»⁸⁷. Именно М. Дакс определил, по

⁸⁴ См.: Гуссерль Э. Философия как строгая наука. Новочеркасск: Агенство Сагуна, 1994. – 357 с.

⁸⁵ Лешкевич Т. Г. Жизненный мир и теория коммуникативной рациональности // Научная мысль Кавказа. – 2013. №1. С. 16.

⁸⁶ См.: Майнонг, Алексиус. Самоизложение. Москва : ДИК, 2003, 80 с.

⁸⁷ Dax M. Lsions de la moiti gauche de l'encphale concident avec l'oubli des signes de la pense (lu Montpellier en 1836) [= Повреждения левой половины головного мозга совпадают с забвением знаков мысли (прочитано в Монпелье в 1836)] // Bulletin hebdomadaire de mdicine et de chirurgie, 2me srie, 1865. № 2. P. 259–262.

большому счету, концепцию доминирования (по речи) левого полушария мозга. Иными словами, речевые центры как правило (иногда отмечаются различия у левшей/леворуких и правшей/праворуких) обнаруживаются в левой половине головного мозга.

При осуществлении объяснения как рассуждения, предполагающего описание фактов путем конструирования предложений, важное значение имеет *центр Брока*. Эта зона представляет собой участок коры головного мозга: «... в задненижней части третьей лобной извилины левого полушария (у правшей), работой которого обеспечивается моторная организация речи и преимущественно связанная с фонологической и синтаксической кодификациями. Представляет собой кинетико-моторный вербальный анализатор, в котором перерабатывается прежде всего проприоцептивная информация»⁸⁸. Нарушение функционирования данной зоны может вызвать речевое нарушение. При этом понимание остается на прежнем уровне.

За понимание отвечает, так называемая, *зона Вернике*. Данная зона находится *внутри височной доли*, около ее задней части, сосредотачиваясь в ее верхней области. Нарушение функционирования данной зоны делает речь как бы бессмысленной, вызывая сенсорную афазию. Кроме того, данные области Брока и Вернике связаны пучком нервных волокон (дуговидным). Его повреждение вызывает устойчивое необратимое состояние, когда мысль не может быть рациональным образом выражена посредством речи. Хотя понимание и внутренняя речь остается на прежнем уровне.

Автоматизм речи в известных пределах координирует *лично-смысловые механизмы* посредством речевых операций и рациональных и произвольных действий. Работа данных механизмов, по мнению, нейрофизиологов, в большей степени обусловлена совместной активностью префронтальных отделов правого полушария и лобных долей головного мозга. Без участия вышеупомянутых нейропсихологических механизмов не

⁸⁸ Центр Брока // Википедия. Свободная энциклопедия. URL:https://ru.wikipedia.org/wiki/Центр_Брока. (дата обращения 16.04.2023).

представляется возможным развитие алгоритмизации мышления. Вместе с тем, алгоритмические процедуры используются в рациональном познании в целом для создания *конструктивных моделей* и сопряжены, в известной степени, со знаковой информацией, имеющей вербальную форму выражения. Вербальный материал обусловлен антропологическим основанием описания реальной действительности, металингвистической по характеру, в контексте рациональной картины мира как теоретизированный субъективный образ объективной реальности.

Вышеупомянутый образец, иллюстрирующий возможности размышления о «треугольнике», обусловлен дивергенцией общности смысла и референта. Одной из форм, которая позволяет обнаружить данную общность на основе перцептивного восприятия, является *иконический знак* (εἰκὼν – греч. икона, образ). Ассоциативный подход, используемый в данном случае, указывает на сходство «рисунка» (треугольника) и соответствующего в его обозначении денотата, то есть конкретного фонетического слова (треугольник – «три угла»), используемого нами в речевом акте.

Отметим, что сопряженность конструктивных моделей и геометрических идеализаций, представленных в иконических знаках в рациональной картине мира, в известной степени, обусловлена наглядностью. Вместе с тем, экстенционал понятия «треугольник» должен содержать практически все признаки референта как объекта внеязыковой действительности. Интенционал понятия «треугольник», в свою очередь, рассматривается во взаимосвязи и взаимоотношении с другими понятиями, концептами, не принадлежащими референтам, то есть независимо от предметного соотнесения.

Принимая во внимание тезис Готлиба Фреге (1848–1925) о том, что истина обусловлена *предметной отнесенностью актантов (именных выражений) к объектам действительности (референциями предложений)*, определяем смысл высказывания в зависимости от типа референции в

семантике высказывания⁸⁹. Вместе с тем, Г. Фреге выступает и критиком референтной теории значения, так как он определяет истину как предикат, применяемый к пропозициям по правилам мышления, употребляемым в оперировании символами. В своей статье «Смысл и значение» Г. Фреге излагал практически основную часть логики предикатов с функциональной трактовкой понятий, а также смысла, который выявляется при сопоставлении между собой знаков, а не сопоставлении знаков и референтов.

Вместе с тем, такой подход может вызвать определенное сомнение, поскольку наряду с использованием понятий, мы должны понимать для чего мы их используем. Иными словами, нам важно понимать сущность понятия, его *концептуальный контекст*, то есть слова и термины не существуют в пустоте антропологического опыта. Поэтому употребление слов в понятийном мышлении находится в сопричастности антропологическому опыту и связано с интересами, ценностями человека, познающего мир «здесь и сейчас». В этом опыте обнаружение скрытого знания дает нам возможность, иногда интуитивно, определить его пригодность для интроспекции и внешней речевой коммуникации.

Об умении проникнуть в предметный смысл благодаря особому состоянию сознания и его роли и взаимосвязи с предметной деятельностью человека И. Г. Дройзен пишет: «Подлинно человеческая деятельность заключается в понимании, ищет понимания, находит понимание»⁹⁰. Способность проникнуть в смысл, обнаруживаемую в рациональном мышлении обусловлена не формальными правилами, а сознанием человека, осуществляющего запрос на создание внутренне логичного, целостного и последовательно организованного мира в контексте роли антропологического опыта.

⁸⁹ См.: Фреге Г. Избранные работы : [Пер. с нем.] / Готлоб Фреге; [Сост. В. В. Анашвили, А. Л. Никифоров]. – Москва : Дом интеллектуал. кн. : Анашвили, 1997. – 159 с.

⁹⁰ Дройзен И.Г. Историка: лекции об энциклопедии и методологии истории / Пер. с нем. Г. И. Фёдоровой. Санкт Петербург : Владимир Даль, 2004. С. 70.

Рассматривая результат понимания, в том числе, как *образ* исследуемой действительности, отметим его не только чувственно-наглядный, но и конструктивный аспект. Понимание, осуществляемое в рамках концептуализированных форм знаний, формирует образ через призму дискретного компонента знания, содержащего информацию о классах объектов. Подобная дефиниция существенно раздвигает восприятие образов картин мира, представимых в антропологическом опыте.

Сходным образом, различаются смыслы/контексты [сопричастность-мысли] и понятия. Смыслы как сущности феноменов определяются нами как конечная цель организации антропологического опыта, стремящегося в рациональной объективации к *пространственной и структурной организации*. Мысль, реализуясь в понятиях как единство отношений между элементами бытия, организуют временную (понимание) и функциональную (описание) матрицы со/бытий. Таким образом, наглядность присваиваемого/транслируемого антропологического опыта, его концептуализация в научном познании с необходимостью обусловлена не только моделями/вещественными_конструкциями как некими результатами моделирования, но и системами символов, имеющих пространственные характеристики. Иными словами, наглядность осуществляется геометризацией элементов концептуализированных форм знания: химические элементы периодической системы Д.И. Менделеева могут обозначаться геометрическими фигурами/телами и так далее.

Эта идеализация имеет физический смысл только в моделях Резерфорда и Резерфорда – Бора: принятие во внимание принципа корпускулярно-волнового дуализма Луи де Бройля нивелирует идеализацию электрона как «шарика», и вводит в оборот соответствующий концепт волновой модели атома, где электроны на орбиталях рассматриваются посредством понятия «вероятность плотности распределения электронов» ... Именно так мы обнаруживаем *взаимобусловленность символов и научных моделей в концептуализации антропологического опыта*. Такая

взаимообусловленность обуславливает закрепление в памяти признаков изучаемого объекта, который посредством предметности становится не только значимым, но и с позиции научной деятельности – жизненно важным. В природе у живых существ механизм закрепления в памяти, обуславливающий сложные модели поведения, создается таким образом, чтобы способствовать выживанию и разумеется, иные механизмы памяти в силу наличия этого условия просто неконкурентны в силу того, что живые существа участвуют в естественном отборе.

В отличие от животных, механизм *импринтинга* (обучения и запоминания) у человека для выживания не имеет такого решающего значения в силу наличия альтернативного способа получения знаний – обучения. Но и в этом случае, хотя мы находим мир достаточно структурированным, наши познавательные структуры имеют определенные границы, через которые мы этот мир обнаруживаем для себя. Вместе с тем, предполагая такую разновидность импринтинга как ментально-манипуляционную⁹¹, мы принимаем во внимание тот факт, что развитие речи и манипуляция объектами реального мира при формировании мышления находятся в известном параллелизме. Другое дело, когда подобный параллелизм рассматривается на этапе манипуляций не реальными, а символическими объектами (конструктами). В истории науки мы можем наблюдать подобные параллели и взаимообусловленность в развитии и определенного улучшения систем символов, позволяющие субъекту познания трансформировать модели как теоретические конструкты при дальнейшей концептуализации форм научного знания.

Использование специальной символики открыло новые горизонты в развитии геометрических методов ко многим областям физики, использующих конфигурационное пространство, представляющее группу диффеоморфизмов. Применение подобных методов повысило авторитет

⁹¹ Конрад Лоренц. Кантовская концепция а priori в свете современной биологии (L. von Bertalanffy & Rapoport (Eds.) General Systems. Yearbook of the Society for General Systems Research, Vol. VII. – N.Y., 1962. P. 23–35).

Гильберта и Лагранжа в физике. Тем не менее, обнаруженная несогласованность базовых концептов в представлениях о свойствах энергии и способности ее поглощать физическими объектами, побудило Макса Планка использовать конструктивные допущения относительно квантового характера процесса энергетического поглощения. Он посвятил более шести лет изучению проблемы равновесия между излучением и материей⁹², объяснению природы дискретности излучения нагреваемого объекта. Примечательно, что основная идея М. Планка о квантовании энергии основывалась на личном опыте, связанном с музыкальным искусством. Перенеся основные положения музыкального строя в область оптики, то есть экстраполируя темперированные гармонические осцилляторы до естественных источников света, М. Планк заложил в теорию света специфическую идею нотного стана.

Таким образом, использование *импринтинга образа нотного стана* (равномерно темперированного) в функциональном контексте при объяснении некоторых особенностей квантовой природы света, определило основные тренды современной теории света в сознании физиков. Иными словами, метод «впечатывания» (импринтинга) определяет в нашем сознании такое представление об излучателях нагретого тела, которые соответствуют осцилляторам, гармонизированным определенным образом: как равномерно распределённые по частотам.

Разумеется, отсутствие комплементарности музыкального искусства и науки в обыденном понимании, как различия узких профессиональных сфер деятельности, не умаляет творческого подхода М. Планка. Поскольку установка формирует восприятие, а представление нового возможно по аналогии объяснения уже известного, то понимание физического смысла формулы Планка осуществляется эпистемологически в рамках кумулятивной модели, концептуально сопряженной с атомизмом⁹³. Подобные предписания

⁹² Кляус Е. М., Франкфурт У. И. Макс Планк (1858–1947). М.: Наука, 1980. С.68.

⁹³ См.: Полак Л. С. М. Планк и возникновение квантовой физике // Полак Л. Избр.труды. М., 1975. С. 696.

обычно выражают при помощи математических знаков, которые заключают в компактную форму (формулу)⁹⁴. Концептуализация познаваемых объектов обусловлена трансформацией представлений субъекта познания на основе изменения соответствующих гносеологических установок в области оснований рациональной, в частности, физической картины мира и, соответственно, диверсификацией онтологического содержания объектов на основе изменения концептов соответствующих им понятий. Иными словами, конструктивный характер аппроксимаций обуславливает множество допущений в области оснований физического знания, вследствие условной ограниченности методов познания на косвенной основе результатов, в частности, метода спектроскопического анализа и др. Примером построения подобных допущений может являться известная дискуссия относительно существования электронных орбит, которые интерпретируют как полностью сферический стоячий волновой паттерн: вместо орбитального движения мы имеем дело с представлением о сферической симметрии атомов.

Расширение предметной области науки обусловило выявление новых эмпирических объектов, качественно имеющих иную типологизацию. В данной связи ограниченность знаково-символических средств описания становится на определенном этапе развития науки сдерживающим фактором познавательного прогресса. Таким образом, научная символика не только помогает нам понимать рациональные концепции, но и является необходимым средством при формировании восприятия реальной действительности.

В данной связи, сравнивая механистическую картину природы лапласовского типа и электродинамическую картину мира Максвелла, обнаруживаем определенное расхождение в вопросе о дискретности материи при изменении ее онтологического содержания. Открытие и описание свойств электромагнитного поля как нового вида материи привело к развитию

⁹⁴ Больцман Л. Избранные труды. М., 1984. С. 538.

научной символики, ее кардинальному влиянию на формирование альтернативных представлений о структуре материи.

Синтез спецификаций известных концептуальных подструктур (непрерывность, дискретность и так далее) обуславливает новую концептуализацию категорий (пространство, время), выходящую за рамки теоретико-множественной конструкции континуума. При этом с позиции операционализма, явления с необходимостью наделяются индикаторами его наличия, сопряженными с процедурами измерения⁹⁵. Экспликация вторичной рефлексии при формировании нового концепта обуславливает новый смысл категорий (причинность, процесс и так далее), соответствующих новым образам физического объекта.

Учитывая то влияние, которое физика оказывает на трактовки сущности мира, сопряженные с философскими идеями, в предельных основаниях стратегий исследования отметим, что вынужденной мерой углубления физиков в философские проблемы являются периодические затруднения самой физики: «Каждый физик-теоретик, глубоко убежден, что его работа теснейшим образом переплетается с философией»⁹⁶. Преобразования теоретических силлогизмов с последующим эмпирическим обоснованием обуславливает осмысление известных принципов, в частности принципа относительности, в измененном языковом окружении нового контекста. Новая контекстуальность обеспечивает согласованность классических принципов механики и теории электродинамических явлений⁹⁷. В свою очередь создание волновой и матричной механики обусловило дальнейшую конструктивизацию образов, адекватных реальности микромира.

При этом изменение контекста понятий, выражающих принцип непрерывности природного действия, обусловило замещение его постулатом

⁹⁵ См.: Стёпин В.С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации // Вопросы философии. 1989. №10. С. 3–18.

⁹⁶ См.: Борн М. Моя жизнь и взгляды. М., 1973. С. 44.

⁹⁷ Омеляновский М. Э. Диалектика революций в физической науке и фундаментальные идеи её основных теорий // Вопросы философии. № 9. 1978. С. 60.

квантового характера. Это позволило нивелировать представление о процессах, носящих жестко детерминированный характер, вероятностными закономерностями в гильбертовом пространстве с неопределенной мерностью⁹⁸. Расширение предметного поля на данной основе позволило ввести в научный оборот, в рамках концепта саморегулирующихся систем, понятия стохастического взаимодействия, обратной связи, управляющего уровня и др. Подобная концептуализация, сопряженная с изменением контекста базовых понятий, формирует уже образ не статической системы знания, а развивающихся представлений о реальности с возможностью экстраполяции достоверных (обоснованных эмпирически, достаточных для принятия на веру) знаний в новые предметные области в рамках конструктивных допущений.

Обновленный концепт в результате изменения категориальной сетки обнаруживает состав философского мировоззрения, предполагающего представление об объекте как процессе, который воспроизводит некие устойчивые состояния, оставаясь при этом изменчивым в различных аспектах субъектно-объектного взаимодействия с учетом его конечного описания

в совокупности характера деятельности (характеристик) в рамках технологического уклада. Идея единства мира определяет специфику междисциплинарного исследования, обуславливая концептуализацию форм знания как идеи обобщенного образа действительности, синтетически сопряженного с понятиями философского и физического характера. Знание как развивающаяся система основана на понимании процессов взаимного превращения объектов континуума в различных пространственно-временных масштабах. В данной связи, перестройка категориального мышления, основанного на диалектической триаде, определяет мировоззренческие

⁹⁸ Dirac P.A.M. Development of the physicist's conception of nature // The physicist's conception of nature. – Dordrecht; Boston, 1973. P.1–14.

потенции концепта картины мира в рамках методологии взаимосвязи компонентов мирового процесса.

Противопоставление объективного субъективному отдельно не рассматривается нами в качестве конечного этапа, а предполагает процесс возвращения в сферу субъекта объективированного представления. Расширение контекста понятия сопряжено с процедурой идеализации, включающей экзистенциальные допущения, выполняющих роль предпосылок существования научных фактов в рамках физической теории. Подобное созерцание мира как целого отлично от натурфилософского подхода, используемого в древности, и предполагает сведение фундаментальных понятий в единую систему многоаспектных объектов познания.

Исследование понятий, равно как и категорий, основано на идее взаимосвязи, реализуемой в категориальной матрице, обуславливающей гносеологический и онтологический уровни. Гносеологический и онтологический статусы категорий, отражающих всеобщие формы бытия, имеет концептуальное структурно-функциональное содержание репрезентаций, основанных на понимании явлений корпускулярно-волнового дуализма, принципа дополнительности и прочих принципов.

Онтологический статус определяют *онтологические утверждения*, в состав которых включены научные принципы всеобщей связи, причинности и другие, в которых мы подвергаем осмыслению атрибуты материи, ограниченные императивом темпорального развития во взаимосвязи факторов, рассматриваемых нами как внешние воздействия.

В свою очередь содержание гносеологического статуса категорий составляют *конструктивные допущения* концептуальных форм знания, в состав которых включены гносеологические принципы. В качестве таковых мы подразумеваем утверждения, являющиеся результатом переформулировки законов познания в статусе нормативных установок исследования. В частности, процедура *концептуальной трансдукции*

позволяет нам на основе сходства некоторых свойств объектов делать вывод и о сходстве остальных (умозаключение по аналогии)⁹⁹. В научном познании механизм концептуальной трансдукции предполагает упрощение концепта, которое уместно при анализе не самого природного явления, а его «ближайшего» концепта. Подобные упрощения обеспечиваются, как известно, идеализациями и абстракциями, в результате чего приобретают статус *аппроксимаций, то есть метода замены одного объекта другим.*

В качестве новых результатов данного параграфа нашей диссертации мы можем обозначить следующие положения, содержащие новое приращение в исследуемом проблемном поле.

Во-первых, мы показали, что междисциплинарная и философская концептуализация антропологического опыта в познании реальности связана с эквивалентностью и сопряжением оснований естественнонаучных и социально-гуманитарных дискурсов. Это позволило нам выявить структурно-функциональные элементы научного познания в форме концептов, как специфических мыслеформ (неформализованных понятий или рационализированных образов), важных для экспликации процедуры моделирования знаково-символических систем в пространственно-временных формах.

Во-вторых, мы выявили философско-антропологическую основу исследования сопряжения систем символов (обыденных и искусственных языков) с пространственно-визуальными характеристиками, повышающими наглядность и достоверность антропологического опыта в процессе формирования концептуальных форм знания и рационализации картины мира.

В-третьих, понятие «антропологический опыт» позволяет нам выявить в познании человеком реальности – функциональные элементы категориально-понятийной системы в их соотнесении со структурными

⁹⁹ См.: Бубенцов В.Ю. Метод аналогий: поиск творческих решений. М., 2018, 75 с.

образами в мышлении и их связи со знаками и символами в формах ментального хронотопа, в которые визуально трансформируются абстрактные научно-математические модели для повышения наглядности и достоверности антропологического опыта в научном и обыденном мышлении.

И, наконец, взаимосвязь структур логико-вербального и пространственно-образного мышления в формах концептуального знания предполагает дискурсивное использование логических понятий и концептов, как неформализованных образов, с целью регламентации познавательной деятельности, которая обусловлена использованием норм и установок ограничительного характера.

Для научного дискурса объяснительная сила развертывания концептуальных и категориальных схем на этапе понимания реальности сопряжена с антропологическим опытом человека. Антропологический опыт придает научному знанию колорит конкретной мыслительной ситуации, не в рамках пресловутого размышления о «национальной науке», а в том, что неизбежен процесс антропоморфизации научных данных, эмпирических и теоретических результатов, на путях оформления её *человекоразмерности*.

В антропологической традиции целесообразно исходить из того, что концепт предполагает соответствие между категориальным аппаратом научной теории и алгоритмами социального поведения и социального сознания, выражающего антропологический опыт человека в рамках действующего технологического уклада с учетом конвергенции когнитивных и социально-гуманитарных наук и технологий.

Рациональная картина мира является результатом концептуального и категориально-понятийного познания, основанного на естественнонаучном и социально-гуманитарном восприятии мира. Рациональное познание осуществляется в рамках науки, представляющую собой сферу такого познания. Метаязыковые высказывания, к которым мы вынуждены прибегать для описания, интерпретации любой теории (выступающей объектным

языком) латентно погружены в лингвистический и общекультурный контекст. При этом *символический язык* в научном познании (как и в случае художественного мышления) создаётся не в отрыве от естественного языка, но конструируется с учетом *наличных концептуальных форм знания и процедур логического анализа рассуждений* и, по сути, является *формализованным*. Культурно-коммуникативный и личностный контекст определяет семантические границы описания рациональной картины мира при осуществлении познания реальности. Нам важно понимать сущность понятия, его *концептуальный контекст*, то есть слова и термины не существуют в пустоте и вне антропологического опыта.

Познание как постижение действительности, и понимание как постижение смысла, то есть осуществление сопричастности на уровне рациональной общности собственного антропологического опыта чей-то мысли («знание о знании»), аналогично инструменту повышенной выживаемости человека в Природе как быстро меняющейся среде. Представленность и реализация антропологического опыта в концептуальных формах знания обусловлена интерпретацией на основе системы философских воззрений на сущность рационального описания действительности.

При этом «убедительность» обоснования соответствует общей логической структуре аргументации, а различие типов обоснования определяется содержательным наполнением данной структуры. Поскольку отношения репрезентации в суждении не даны, а могут быть созданы только субъектом, категориальный синтез определяется структурой «трансцендентального субъекта», каковым и является метадисциплинарный и междисциплинарный дискурс в конкретно-историческом бытии науки и человеческого познания.

ГЛАВА II. Предметность категорий мышления человека в рациональном осмыслении реального мира

Развитие в научно-философском дискурсе символических систем позволяет нам визуально трансформировать абстрактные модели с целью повышения наглядности достоверности в обыденном и философском понимании. Поэтому мы ставим во второй главе исследования задачу выявления логико-вербальных и пространственно-образных форм антропологического опыта в познании мира на основе философско-антропологических и философско-культурологических подходов.

На этой основе мы решаем задачу понимания предметности мышления и познания человека в контексте неэпифеноменальности сознания в осмыслении антропологического опыта познания реальности и определения когнитивных параметров категоризации и концептуализации антропологических репрезентаций реальности в ментальных формах.

Также нами рассматривается идея применения «зарегистрированных» в продуктах человеческой деятельности частей общего знания как части лингвокультурного наследия в различных научных подходах. Этот подход основан на объединении разнообразных фрагментов знания с помощью дополнительных принципов, которые играют организующую роль и затем подвергаются декодированию.

2.1. Логико-вербальные и пространственно-образные формы категоризации антропологического опыта в познании мира

Основной задачей первого параграфа второй главы стало философско-антропологическое выявление сопряжения систем символов и знаков в научном познании и мышлении человека с пространственно-визуальными характеристиками, повышающими наглядность и достоверность

антропологического опыта в процессе формирования концептуальных форм знания и рационализации картины мира.

Отметим, прежде всего, *роль рассудка и способности воображения в концептуализации антропологического опыта*. Выше мы уже отмечали активную природу мышления человека, которая проявляется, прежде всего, в научном и шире *познавательном конструировании* идеальных объектов. Ещё И. Кант писал об этой способности человеческого мышления: «... конструирование заключается не в том, что можно усмотреть в фигуре, как бы вычитывая её свойства, а в том, чтобы построить фигуру»¹⁰⁰. Здесь мы буквально не воспринимаем природу, а рассуждаем о ней, устанавливая ее. Принцип формирует именно такую установку: «Разум видит только то, что сам создаёт по собственному плану»¹⁰¹. Понимание основной задачи конструирования в данной связи: «... в том, чтобы создать фигуру (путем конструирования) ... построения понятия»¹⁰². Это и происходит в диалектике аналитических и синтетических суждений, которые и составляют, собственно, рационально-логические, дискурсивные практики в философском и научном познании. Эта линия и связана с проблемой обоснования концептуальных форм знаний, их достоверностью.

Проблема прежде всего есть осознание противоречия в удовлетворении нашей потребности на основе имеющихся инструментальных средств. В данной связи потребность научного мышления предполагает дискурсивное использование концепта или понятия с целью регламентации познавательной деятельности, которая обусловлена использованием норм и установок ограничительного характера при установлении связи между основанием и обосновываемым¹⁰³. При установлении подобной связи, *обосновываемое* приобретает характеристики *основания*, а концептуальность знания выражает

¹⁰⁰ Кант И. Сочинения. Т. 3. М., 1964. С. 87.

¹⁰¹ Там же. С. 87.

¹⁰² Кант И. Критика чистого разума. Москва, 1994. С. 18–19, 116.

¹⁰³ Кравченко А.М. Философские проблемы обоснования физической теории. Киев, 1985.

свойства объектов, процессов, явлений через понятия соответствующей области.

Иными словами, любое обосновываемое положение должно совпадать с таким элементом системы концептуальной формы знания, который оценивается с практической точки зрения в рамках выполнения им функций, определяемых характером системы. При этом, «убедительность» обоснования соответствует общей логической структуре аргументации, а различие типов обоснования определяется содержательным наполнением данной структуры. Проблема обоснования в современной трактовке кантовской конструкции понятия отражена в программе Д. Гильберта, имеющей в основе установку финитизма¹⁰⁴.

Финитность концептуальной формы знания рассматривается редуктивным образом: «возможность возвращения к своему основоположению»¹⁰⁵, обусловленная двумя гносеологическими процедурами, в основе которых лежит нормативная идея различения собственных начал математического и физического знаний и идея осознанного использования принципов. Первая обусловлена референтами реальности при осуществлении возможности математического отождествления времени и пространства. Примером вышесказанного может являться идеализация события геометрической точкой. А вторая предполагает концептуализацию форм физического знания на основе принципов при создании аналитических инструментов для понимания, теорий.

Соединение этих последовательностей действий основано не на субъективно-идеалистических подтекстах, связанных с самосознанием, а на том, что в познавательном акте существует одновременность построения как объекта, так и субъекта деятельности, их синхрония, обуславливающее обобщенное концептуальное представление о реальности, реализуемое в

¹⁰⁴ Breitkopf A. Untersuchungen über den Begriff des finiten Schlüssens. München, 1968; Гильберт Д. Обоснование математики // Гильберт Д. Основания геометрии. М.-Л., 1948, С. 365–388.

¹⁰⁵ Фихте И. Г. Сочинения: в 2 тт. СПб., 1993. Т. 1. С. 38.

картине мира. При этом конструирование понятия основано у Канта на особых познавательных способностях: рассудке, созерцании (*Anschauung*) и продуктивной или репродуктивной силе воображения (*Einbildungskraft*).

По Канту достоверное знание возможно только в созерцании, регулируемом правилами трансцендентальной логики, то есть всеобщность и необходимость привносятся в опыт трансцендентальной структурой объекта. Реальность, которую Кант рассматривает как *вещь в себе*, порождает в нас ощущения, придающие знанию предметный характер, то есть облеченного в абстрактную форму, скажем, категорий – всеобщих понятий как условий всякого опыта. Поэтому абстракция контрарна конструированию понятия и является выражением его концептуальной трансдукции. Вместе с тем, всеобщность и необходимость как достоверность предметного опыта обусловлена познавательной установкой, бессознательной познавательной активностью субъекта, экстраполируемой на весь возможный опыт.

Предельно общие понятия (категории) являются результатом *процедуры категоризации*, – фундаментального творческого когнитивного механизма, который позволяет мысленно структурировать физическую реальность на основе сущностных свойств сходных явлений. *Процедура концептуализации* отличается от процедуры категоризации тем, что представляется нам как: «... осмысление поступающей информации, мысленное конструирование предметов и явлений, которое приводит к образованию определенных представлений о мире в виде *концептов* – идеальных, абстрактных единиц, которыми человек оперирует в процессе мышления»¹⁰⁶. В этом смысле, концепт характеризует *фрагмент мира*, в то время как категория характеризует его *сущность*.

Целенаправленность сознания и активность мышления осуществляется в категориальных формах как «исторически преходящей основы, которая стоит за теми или иными идеями»¹⁰⁷. Инвариантность категориальных форм

¹⁰⁶ Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Тамбов. Изд-во ТГУ. 2002. Изд. 3-е, стер. С.22–23.

¹⁰⁷ Задворнов А. Н. Категориальные формы мышления как основа трансформационного потенциала общественного сознания // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2012. №4. С.190.

таких, например, по Фуко, как эпистема, в конкретный исторический период не рефлексруется людьми, поскольку мыслительная деятельность в данном периоде осуществляется по извне заданной формальной схеме. Однако все когнитивное многообразие сознания ментальных форм мышления так или иначе соотносится с языком и осуществляет познавательную рефлексивную концептуализацию знания в русле «развития познания от созерцания рефлексии (специфического абстрагирования, своего рода рациональной *катафатики*) к рефлексии о созерцании»¹⁰⁸, то есть конструкции понятия. Фихте охарактеризовал аналогичную особенность сознания как «... разум, снабжённый объектами через силу воображения»¹⁰⁹. Что касается концептуализации как вида трансформации, происходящей посредством участия мысли, то есть, по существу восприятия со смыслом, Г. Рейхенбах объяснял это следующим образом: «созерцание – преобразованное созерцание»¹¹⁰. Далее он поясняет эту особую способность разума как *хитрость* применения абстрактных понятий в отношении визуальных образов, *просветляемых*, то есть воспринимаемых уже в свете иного (абстрактного смысла) и трансформируемых/продуцируемых, таким образом, в новые образы. Таков механизм создания образа и его вербализации, воплощения в концепте, в котором он и получает двойственную онтологию – абстрактных объектов и ментальных репрезентаций через рассмотрение идеального и реального, как единого. Нечто подобное мы находим и у Шеллинга в *Учении о потенции в природе*¹¹¹.

Вместе с тем, современное естественнонаучное и математическое описание реальности уже выходит за пределы регрессионного анализа эмпирических данных: всестороннее представление объектов физической реальности сопряжено со вспомогательными концептами базовых понятий

¹⁰⁸ Кузнецов А. В. Логико-гносеологические основания физической картины мира в системе онтологических утверждений и конструктивных допущений // Проблема конструктивности научного и философского знания: Сборник статей: Выпуск пятый. – Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2005. С.44.

¹⁰⁹ Фихте И. Г. Соч.: в 2 тт. Спб.: Мифрил, 1993. Т. 1. С. 228.

¹¹⁰ Рейхенбах Г. Философия пространства и времени. Изд. 2-е, стереотипное. М.: Едиториал УРСС, 2003. С. 67.

¹¹¹ Шеллинг Ф. В. И. Система трансцендентального идеализма. Л., 1936. С. 13.

(принципов). Но насколько это является корректным, если предметная область дисциплины, обеспечивая конструктивное обоснование концептуальных форм знания, то есть связь с опытом представления физических величин, устанавливает лишь правила соответствия теоретических схем к опыту? Мы имеем дело со способностью человека конструировать концептуальные формы знания. Скажем, человек как идеализированный субъект использует в концептуализации правдоподобные допущения, постулируемые им как очевидные в опыте, как произвольные аксиомы, то есть буквально $\alpha\zeta\iota\omega\mu\alpha$ или $\alpha\zeta\iota\omicron\upsilon\nu$ у Аристотеля. Фактически конструирование теорий происходит на основе неопределяемых понятий (аксиом), составляющих аксиоматику науки.

Формализация теорий была осуществлена на третьей стадии развития аксиоматизации в истории науки благодаря применению математической логики. Таким образом, теория стала соответствовать основным методологическим регулятивам развития знания. К таковым мы относим *требование полноты* и *требование независимости*. Соответственно теория обусловила достаточность принципов при формулируемых доказательствах и постулировала невыводимость принципов между собой. Последнее обстоятельство приводит формально к непротиворечивому комбинированию аксиоматизированных теорий в процедуре их интерпретации. Математические идеи Гильберта относительно применения аксиоматизации в физическом знании (квантовая физика) впоследствии оказались плодотворными. Итак, несводимость постулатов по отношению друг другу физиками принимается на веру. Из этого следует, что антропологический опыт субъекта становится результатом комбинирования данных на тему исходных постулатов. По сути, физики отмечают, что «постулат сперва принимается на веру..., а потом это принимается за закон природы, согласно известному англоязычному выражению – *adopted by repetition*»¹¹². Наряду с

¹¹² Клышко Д. Н., Липкин А. И. О «коллапсе волновой функции», «квантовой теории измерений» и «непонимости» квантовой механики // Исследовано в России [Электронный ресурс] : электрон. науч. Журнал. Москва : МФТИ, 2000. С.736–785.

этим, постулат или принцип, играющий роль установки – латентной или же, напротив, доступной для интроспекции речевого отсчета, – задают вектор работы ума.

При этом конструктивное содержание аксиоматических теорий проистекает из неизвестных (внеэмпирических) источников. Или, писал Гильберт: «Системы мышления сводятся из интуитивного, сущностно непознаваемого субстрата ментальных операций»¹¹³. И это в сильной мере отличает аксиоматические концептуальные формы знания, от известных ранее конструктивных теорий, в которых объект строится генетическим способом. Кроме того, принцип непротиворечивости формально аксиоматизированной теории применяется только для концептуальных форм знания, а потому не обладает строго гносеологическим или онтологическим статусом. Интенция аксиоматиков логически, то есть следуя формалистским методам, обнаруживается в упорядочивании научного, в частности математического, знания и до сих пор не имела успеха. Но аксиоматика не есть сама математика, а является способом уразумения математики¹¹⁴.

Что означает для нас в данном контексте *нахождение общих идей*? Это последовательность действий, то есть алгоритмическая процедура, эвристического характера, отыскания корреляционной и регрессионной взаимозависимости различных теорий.

Эвристика определяет знание как продукт взаимодействия структурных элементов науки. Знание о физической реальности, разумеется, имеет более широкий контекст, нежели это может быть представлено только в формальном или конструктивистском подходе. Иными словами, смысл всегда шире определения. На получаемую извне информацию, как правило, мы можем иметь несколько близких контекстов, и задача состоит в том, чтобы «вытащить» самый удачный для интерпретации контекст. Что является вообще контекстом? Это само понятие, которое выражено знаком,

¹¹³ Гильберт Д. Обоснование математики // Гильберт Д. Основания геометрии М.-Л.: Гос. изд-во тех.-теор. литературы, 1948. С. 365–388.

¹¹⁴ Бурбаки Н. Теория множеств. М.: Мир, 1965. С. 248.

содержащим алгоритм преобразования контекста. Совершенствование данных алгоритмов происходит в процессе познания мира – построении пространства контекстов. Таким образом, выбор формализуемых стилей научного мышления в рамках конструктивных допущений все же не может объяснить происхождение концептов, реализуемых в принципах теории. Эта проблема, по нашему мнению, заключается в том, что при формализации мы используем признаковое описание, а не контекстуальное. Вместе с тем, совокупность конструктивных допущений на основе правил их комбинирования в границах концептуальных форм знаний при их категоризации приводит к внутренне согласованным результатам, расширению пространства контекстов, области референтного поля объектов философского анализа.

Процедура концептуализации выполняет функцию определения когнитивных (и категориальных) признаков, сопряженную со схематизацией связей понятий, позволяющих сознанию различать представления о явлениях. Поскольку концептуализация содержит не только данные о явлении, но и его интерпретацию в общественном сознании, то нормативные требования ума отличаются от условий контакта человека с внешней реальностью. Иными словами, способ познания и теоретическая организация знания с одной стороны обуславливает интеграцию мышления, а с другой – накладывает ограничения на схематизацию понятийных связей в рамках предметных областей.

Таким образом, эпистемологические и когнитивные проблемы концептуализации тесно связаны с проблематикой формирования антропологического опыта: «*представимого* в виде «телесных образов» и, *мыслимых в понятиях* как «чистое разумение» (*pure intellection*)»¹¹⁵. Связь *образного* (представление) и *языкового* (понятие) осуществляется сочетанием логики и геометрии. Эта связь была специально постулирована как специальное нормативное требование для уравнения: «В Древней Греции под

¹¹⁵ Арно А., Николь П. Логика, или Искусство мыслить. Москва : Наука, 1991. С. 32–33.

правильные формулы площадей и объемов геометрических фигур и тел, найденных каким-нибудь конструктивным путём, обязательно подводили аксиоматико-дедуктивную базу, иначе софисты не признали бы их»¹¹⁶. Здесь мы видим раннее использование научной методологии в части применения формализма, выполняющего функцию метанауки и эпистемологии. Данная идея применительно к естествознанию сводится к представлению о такой структуре порядка, которая объединяет известный перечень природных законов некоей скрытой симметрией реального мира.

Далее мы обратимся к проблеме *конструктивной оптимизации аналитических стратегий мышления в антропологическом опыте*.

Уже Аристотель, определяя в «Метафизике» склонность к чему-либо как естественное желание человека знать, связал тем самым чувственный аспект познания со степенью эмоционального удовлетворения желания как такового. И в повседневности человек имеет склонность к истине, но удовлетворяется ею лишь в той степени, которая доступна его пониманию, а не той, что соответствует ей в строгом смысле. Практически истина представляет для нас ценность именно в понимании знания, то есть для человека, как писал М.К. Мамардашвили: «... мир – это то, что ... через себя ... пропущено и только в себе и на себе опробовано и испытано»¹¹⁷. Понимание становится для человека не только постижением бытия, но и нашим заключением в границах постигаемого мира. Наилучший из миров [по Лейбницу], таким образом, складывается из нашего отношения к фактам в рамках нашего разумения.

В познавательном плане признание рациональности есть признание интеллектом определенных черт объективной и субъективной действительности. Научная рациональность в практическом плане предполагает в рамках рациональных характеристик действительности некие «программные» действия субъекта познания, являющиеся дериватом

¹¹⁶ Акимов О.Е. Конструктивная математика. Москва : Издатель Акимова, 2005. С. 53.

¹¹⁷ Мамардашвили М. Картезианские размышления. Москва : Прогресс, 1993. С. 3.

принципов разума, обусловленные утвердившимся в обществе нормами и ценностями.

Традиционно под концептуализацией понимают познавательный процесс, сопряженный с основной установкой, определяющей взгляд на предмет, содержание которого логически структурируется и репрезентирует исследуемую реальность.

Концептуализация как познавательная деятельность осуществляется как на эмпирическом, так и на теоретическом уровнях. Кроме того, концептуализация рассматривается на языковом уровне, а по форме мы говорим о выделении понятийной и образной концептуализации. Понятия, а также составные части абстрактных конструкторов составляют концептуальные схемы, выполняющие роль семантической сети, организующей по правилам отношений концепции и понятия. Целостное представление о мире и человеке в научной картине мира обусловлено концептуальностью, которая имеет различие как у представителей разных эпох, так и представителей различных областей знания.

С учетом вышесказанного, мы можем выделить разные подходы в построении научной, рациональной картины мира и, соответственно, этапы её развития. Прежде всего начальный период мы связываем с философией природы, пытающейся осуществлять поиск «конечных причин» в контексте материалистического мышления, при котором: «Предмет, действительность, чувственность берется только в форме объекта или в форме созерцания, а не как человеческая чувственная деятельность, практика, не субъективно»¹¹⁸. Специфика концептуализации, обусловленная предпочтениями физиков заниматься конкретными исследованиями до середины прошлого века носила аналитический характер, обусловленный регламентациями сущности первого рода, то есть эмпирическими закономерностями, обобщенными из *внешнего* опыта (экспериментов). В этот период было совершено множество открытий «о природе появления магнетизма, о влиянии электрического тока на

¹¹⁸ Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 3. М., 1955. С. 1-4.

химические соединения, действия газов на организм человека»¹¹⁹ и другие открытия.

Разумеется, в строгом смысле мы не утверждаем, что в данном периоде отсутствовали какие-либо синтетические тенденции, но это не носило популярный характер среди исследователей того времени. О некотором разрыве опыта и логических построений Альберт Эйнштейн высказался определенным образом: «Логическое мышление само по себе не может дать никаких знаний о мире фактов; все познание реального мира исходит от опыта и завершается им. Полученные чисто логическим путем положения ничего не говорят о действительности»¹²⁰. Разработка концепций, которые позволили бы обобщить накопленный наукой опыт поиском «конечных причин», воспринималась учеными не иначе как некая степень чужаковости, хобби, присущие отдельным личностям.

Об этом весьма сдержанно упоминал В. Гейзенберг в своей книге «Шаги за горизонт»¹²¹. Действительно, в основе подобных гипотез в плане доказательной базы идеалом выступала математика и подтверждение этому мы находим и у математика Пуанкаре: «... логика и интуиция имеют каждая свою необходимую роль. Логика, которая одна может дать достоверность, есть орудие доказательства; интуиция есть орудие открытия»¹²². Косвенно в данном утверждении все же есть некоторая апелляция к опыту посредством интуиции, которую немецкий математик и физик-теоретик Герман Вейль называл математической. Справедливости ради отметим, что далеко не все физики были согласны с подобной оценкой математиков, которым был свойственен излишне абстрактный взгляд на вещи. Поэтому физики подвергали критике чисто математические доказательства на основе аксиоматики, носящие слишком абстрактный характер: «Физик же не должен

¹¹⁹ Масаев Ю. А., Масаев В. Ю., Фролова Т. В. Этапы знаменательных открытий физических явлений величайшими учеными XVIII-XIX в. В // Вестник КузГТУ. 2015. №3 (109). С. 163

¹²⁰ Эйнштейн А. Физика и реальность. Сб. популярных работ. М.: Наука, 1965. С.61-66.

¹²¹ Гейзенберг В. Шаги за горизонт [сборник]: Пер. с нем. М.: Прогресс, 1987. С. 140.

¹²² Пуанкаре А. Наука и гипотеза. М: Типография Мамонтова, 1904. С. 167.

забывать о значении своих фраз»¹²³. Это фактически и есть, по сути, кантовская способность воображения¹²⁴. Иными словами, рассудок и воображение связаны правилом конструирования объекта, которое создается самим субъектом. Таким образом, рациональная картина мира взаимосвязана со структурой трансцендентального субъекта.

Концептуальные формы знания выполняют роль такого масштабного обобщения научных знаний, которое возможно осуществить лишь с позиции некоего идеала. Физики, рефлексируя об идеале как конечной высшей цели, стремились определить его форму, а в более строгом виде формулу, подобно того порядка, как это было продемонстрировано в уравнении Поля Дирака, написанного им в 1928 году и объединившее в своей записи теорию относительности с квантовой физикой. По сути, предвосхищая этот физико-математический идеал, Пьер-Симон Лаплас писал о сходных интенциях ученого в «Философском эссе о вероятностях» и его точка зрения рассматривается как математический детерминизм, известный современникам как *демон Лапласа*: «Мы должны рассматривать настоящее состояние универсума как следствие его предшествующего и причину последующего состояния. Ум, который в данный момент сумеет познать все силы природы и взаимное положение всех составляющих ее существ, при условии, что ему хватит размаха для анализа полученных данных, сможет вывести *единую формулу*, описывающую движение как самых крупных тел вселенной, так и мельчайшего ее атома: для него не останется никакой неопределенности и его глазам предстанет как прошлое, так и будущее»¹²⁵. Концептуализация антропологического опыта в предметной области философии физики обладает целеполаганием, но целесообразность в познании, определяемая разумом как предел развития, не тождественен парадигмальности.

¹²³ Фейнман Р. Характер физических законов. М.: Мир, 1968. С 55–56.

¹²⁴ Кречетова М. Ю. Способность воображения в онтологии И. Канта // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2013. №4 (24). С. 140.

¹²⁵ Андре Конт-Спонвиль. Философский словарь = Dictionnaire philosophique [Текст] = Dictionnaire philosophique / Андре Конт-Спонвиль ; [пер. с фр. Е. В. Головиной]. Москва : Этерна : Палимсест, 2012. С.261.

Отмечая содержательный аспект теории, нобелевский лауреат Эрвин Шрёдингер следовал идее значимости и превалирования понятийного над математическим описанием¹²⁶. Однако наличие парадоксов квантовой теории поля с середины прошлого века указывает нам, что проблема осмысленности человеческого опыта на абстрактном и эмпирическом уровнях, остается открытой¹²⁷. Так, например, квантовый объект с точки зрения обыденного здравого смысла обладает непостижимыми свойствами, так как испытывает на себе воздействие в процессе измерения. Иными словами, до измерения/наблюдения квантовый объект мыслится как некая возможность, выражаемая понятием вероятности, которое, по сути, является количественной мерой потенциальной осуществимости события.

В дальнейших исследованиях категоризация опыта физической реальности обуславливалась новой концептуализацией посредством абдукции принципов квантовой физики и теории относительности. При этом вводятся новые онтологические представления, которые обеспечивают схематизацию связи понятий, репрезентирующие спектр изменения референтного поля физических объектов в определенной области и обуславливающие существующее многообразие концептуализированных форм знания. Наряду с этим, дополнительными факторами, способствующими осуществлению выбора типа концептуализации, являются подходы к изучению и пониманию мира: комплексный, междисциплинарный и другие.

Далее нами обосновывается значение междисциплинарного подхода при использовании методологии комплексного исследования для решения проблем концептуализации антропологического опыта при расширении контекста научного дискурса, репрезентирующего описание научного результата.

¹²⁶ Гейнзенберг В. Физика и философия. Часть и целое / Пер. с нем. М.: Наука, 1989. С. 182.

¹²⁷ См.: Вигнер Е. Релятивистская инвариантность и квантовые явления // Успехи физических наук. М., 1958. Т. 65. Вып. 2. С. 257; Гейнзенберг В. Физика и философия. Часть и целое. М., 1989. С. 132–135.

В основе комплексного исследования мы руководствуемся как императивами общенаучного характера, так и частно-научными регулятивами, определяемыми спецификой объекта. Вместе они составляют инвариантное ядро комплексной методологии, которая не может быть просто сведена к какому-либо общенаучному подходу, хотя отдельные положения системно-структурного подхода являются основой методологии комплексного исследования. При этом должно выполняться требование «обеспечить единство комплексного и локального исследований»¹²⁸. Каждый научный подход, взятый в отдельности, лишь односторонне связан с категорией, следовательно, множество связей исследуемого объекта выпадают из предметного поля. Поэтому множественность предметных оснований исследования становится одним из базовых регулятивов, принципов комплексных исследований, охватывающих своим действием как когнитивные, так и социально-организованные аспекты научного исследования в современной науке. Вместе с тем основными положениями комплексной методологии, определяющие систему применяемых методов, являются не только принцип множественности предметных оснований исследования, но и принцип построения комплексного предмета, принцип междисциплинарной проблемной ориентации и, в отдельных случаях, – принцип базовой дисциплины. Тогда при комплексном подходе особенность категоризации, позволяющей подвести исследуемый объект под определенную рубрику опыта и выражающей наиболее общие отношения областей знания и действительности, связана с такой моделью связи понятий, которая заключена внутри формы (ин/форма/ция) абстрактной единицы структурированного усвоенного знания, концепта.

Таким образом, специализация не по предметным областям, а по проблемам отражает мировые тренды комплексных научных исследований. При этом с начала прошлого века синтетические тенденции

¹²⁸ Маркова С. М., Бекетова Ю. А., Филатова Е. В. Комплексный подход как основа исследования профессионального образования // Проблемы современного педагогического образования. 2020. №67-3. С.98.

естественнонаучного познания обусловили кардинальное изменение содержания основных категорий. Как следствие данных тенденций, в современной науке обнаруживается при комплексном подходе обогащение арсенала методов исследования, за счет их заимствования/взаимопроникновения из различных научных дисциплин. В данной связи комплексное исследование частной естественнонаучной проблемы определяет и специфику структурирования концепта, содержащего в себе созидательный смысл при обобщении знаний о мире, конструировании картины мира.

В силу неравномерного исторического развития различных отраслей знания, обнаруживается проблема выбора типа концептуализации, которая тесно связана с проблематизацией «лидера познания», одиночного или группового (блок дисциплин). Анализ междисциплинарных исследований указывает на дисциплинарный состав лидера познания, который включает физику, различные химические и биологические отрасли знания, генетику, психогенетику, биокибернетику, нейрофилософию. Познание природы как многостороннего существа современными средствами постепенно нивелирует предметную и методическую изоляцию различных дисциплин. При этом расширяется контекст научного дискурса в русле формации такого стратегического предпочтения, которое позволяло бы репрезентовать описание научного результата как продукта концептуализации научного опыта.

Таким образом, на этой основе проявляются фундаментальные познавательные способности субъекта, обеспечивающие конструктивизацию рациональной картины мира. При этом идеализированный субъект не только расширяет содержание картины мира, но и одновременно ограничивает это понятие, уточняя концепт *антропологический опыт*, доступный для интроспекции речевого отсчета «путём рассмотрения содержащейся в этом знании объективированной экстенциональной абстракции как устранённой

неопределённости в достижении целей сознания»¹²⁹. Такая рационализация является стремлением разрешить противоречие, которое возникает в теоретическом восприятии природы: «Мысля предметы, мы тем самым превращаем их в нечто всеобщее; вещи в действительности единичны... философия природы подхватывает материал, изготовленный физикой на основании опыта, в том пункте, до которого довела его физика»¹³⁰.

Сходным образом, опытным путем, явления поддаются редукции, однако Макс Планк с сомнением относился к человеческим способностям в отношении конечных формулировок законов природы. В данной связи Г. Гемгольц отмечал, что естественные науки способны и должны нивелировать натурфилософский ответ на вопрошание о Природе¹³¹.

Поскольку естествознание основано на наблюдении, что для физиков сродни измерению, соответственно то, что мы *видим* в результате наблюдения должно быть обусловлено некоей установкой видения: «Для того, чтобы приступить к наблюдениям, наш ум нуждается уже в какой-нибудь теории. Если, созерцая явления, мы не связывали бы их с каким-либо принципом, то для нас было бы невозможно не только соединить эти различные наблюдения... но даже запомнить их; чаще всего явления остались бы незамеченными»¹³². Роль фокуса или установки в теоретической науке выполняет принцип, этимология которого восходит к латинскому языку и буквально *Princ* и *Pio* – означает то, что лежит в основе. По аналогии именно установка в обыденном рациональном созерцании формирует видение.

В теоретическом познании подобное видение представляет собой теорию как концептуализированную форму знания. И с учетом вышесказанного контекста, известная этимология понятия «теория»

¹²⁹ Кузнецов А. В. Логико-гносеологические основания физической картины мира в системе онтологических утверждений и конструктивных допущений // Проблема конструктивности научного и философского знания: Сборник статей: Выпуск пятый. – Курск: Изд-во Курск. гос.ун-та, 2005. С.46

¹³⁰ Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 2 [Филос. природы]. М., 1975. С. 10.

¹³¹ См: Огурцов А.П. От натурфилософии к теории науки. М., 1995. С. 147.

¹³² Конт О. Курс положительной философии. В 2 т. Т. 1. СПб., 1899. С. 6.

(дословно *θεωρία* от греч. – вижу, созерцаю) приобретает дополнительное значение в осмыслении подобное реминисценциям опыта на конкретное явление в личностной истории. Ведь так или иначе, но любое знание должно быть практическим образом присвоено в опыте конкретной личностью, что несомненно становится основанием для понимания.

Итак, *установка видения*, или принцип, его роль в научном познании неоднократно были отмечены А. Эйнштейном в качестве основания дедукции системы номологических высказываний, логически непротиворечивых между собой. В этом смысле эмпирические факты для физика-теоретика сами по себе без должной установки видения, весьма бесполезны. Определяя, таким образом, принцип как исходную посылку, выраженную естественным языком при помощи соответствующих кванторов общности, мы заключаем, что «природа» принципов отсылает нас к своему неопределяемому (творческому) основанию, с которым мы соотносим способности человека. И в этой связи Филипп Франк говоря о правильности теории полагался не на эмпирические обобщения, а на эмпирические подтверждения следствий уже созданной дедуктивным образом теории, под которую уже потом подставляются факты (явления, процессы, объекты), понятийно-терминологический аппарат, законы. Таким образом, посредством принципов осуществляется синтетическая функция теории.

Отказ, в определенном смысле, от аристотелевской традиции в новоевропейской науке (Н. Коперник, Г. Галилей) был обусловлен ренессансом идей пифагорейцев и Платона о вневременных математических формах, о красоте и изящной простоте, об иерархии уровней действительности, о рациональной умопостигаемости миропорядка... Современная наука сходным, но видоизмененным образом, отражает в себе стремление человека познать сущее как единое. Эффективность платоновских идей при математическом описании реальной действительности как Универсума, обусловленные концепцией «идеализированного субъекта» обнаруживалась и подтверждалась с каждым

естественнонаучным открытием, являющимся результатом проектировании экспериментов вкупе с математической обработкой результатов измерений. По сути, новый метод регламентировал представлять факты как идеальные объекты, процессы и явления, идеализирующих опыт в интуитивно очевидном различении. Натурфилософия же, в свою очередь, отрабатывала запрос об осмыслении самого познавательного процесса как деятельности, исходя из понимания науки как единства результата и средства его получения.

Едино/образность научного знания, его организация как системы законоподобных (номологических) высказываний обусловлена исходными принципами, составляющих основание науки (идеалы научного исследования, картина мира, философские основания), в оптике философской рефлексии. К данным принципам, отражающих предметность нашего мышления в системах естественного языка и символических языков с учётом всех контекстов, применяется императив их сведения к минимальному/оптимальному количеству.

Наряду с этим, регулятивность функций принципов обуславливает иерархию в структуре рациональной картины мира, от *низшей* (теоретические [синтетические] принципы) до *высшей* (философские принципы), выражающих целостность Природы. Вместе с тем, осмысление знания с позиции оценивания трансформирует для нас логическую форму принципа в образ *гносеологической призмы*. Используя призму как метафору, мы подразумеваем некий процесс, когда мы сталкиваемся с трудностями восприятия и интерпретации фактов. Это гносеологический процесс, в котором мы смотрим на мир через призму своего антропологического опыта, включающего не только опыт внешний, но и опыт внутренний (ценности, убеждения, конструктивные допущения и так далее), задающий системой аксиом/принципов предметную область и свойства объектов: «Равнодушному никогда не отличить подлинное от мнимого, бытийное от иного. Вне атмосферы переживания акты сенсорики и интеллекта (включая

гипотетико-аксиоматические умозрения, интуицию и следы самосознания) становятся компонентами внешнего опыта, предмет которого намеренно или ненамеренно отстранён от нашей целостной психики, от нашего единого психосоматического существа»¹³³. Здесь принципы выполняют функцию категориального синтеза рациональной картины мира, подводя фактуальное многообразие под антропологический опыт, эксплицируемый в категориальную структуру мышления.

Итак, основанием для осмысления общих глубоких связей между феноменальными областями выступают фундаментальные принципы, поэтому вопрос об их продуцировании остается существенным пунктом при анализе различных оснований нашего мышления и научного знания. Поэтому далее нам следует уяснить *специфику принципов внеэмпирического содержания концептуальных форм мышления и знания*. Данная проблематика в определенной степени связана с философско-антропологическими проблемами фундаментального характера, возникшими еще в отдалённом прошлом. Во многих своих чертах рассуждения о началах (принципах), хотя и «новой основе»¹³⁴ затрагивают весьма ранние тенденции мышления, приближаясь к некоторым из древнейших проблем.

Принципы, задающие общую направленность концептуализированной системы знания, ещё со времён И. Ньютона становятся наиболее значительным этапом. Вопрос о стратегиях мышления при построении рациональной картины мира, как мы показали в предыдущей главе, реализовывался исторически в философском диалоге рационализма и эмпиризма философии «эпохи модернити», времени научно-лабораторного и индустриального освоения природы по принципам ремесленной мастерской, а затем и фабрики. Как рационалисты, порождённые декартовской философией, так и эмпирики, укоренённые в философии Ф. Бэкона,

¹³³ Фатенков А. Н. Внутренний опыт философии и внешний опыт науки: антропологический ракурс // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2012. №1 (25). С. 118.

¹³⁴ Гейзенберг В. Физика и философия. Часть и целое. М.: Наука, 1989. С. 159.

трактовали результаты научного мышления и познания в качестве «достоверного знания» и «самоочевидных истин», что продолжало традицию трактовки философии (даже «научной»), как *созерцательной ментальной практики*.

Признавая роль антропологического опыта и определяя специфику рациональной картины мира посредством ее конструирования по образу формального (математического) знания, форма которого развивается за счет математического метода, а содержание обогащается за счет понятийного аппарата физики, такие практики утверждали, как английский философ и учёный Ф. Бэкон, так и французский философ и математик Рене Декарт¹³⁵. В 1637 году создан Декартов трактат «Рассуждение о методе, чтобы хорошо направлять свой разум и отыскивать истину в науках», в котором были обозначены главные этапы рационального мышления и научного познания: 1) расчленение сложной проблемы на элементарные части; 2) неразрешенные сложные проблемы следует сводить к решенным простым; 3) из решения простых проблем следует переходить к составным сложным вплоть до исходной сложной, решение которой в этом процессе будет и конечным; 4) проверка промежуточных результатов решения на логическую непротиворечивость и полноту. Если же обнаруживается пробел в решении, то необходимо дополнительное исследование в соответствии с перечисленными правилами. Формально Р. Декарт признавал важную роль антропологического опыта учёного, но когда его объяснения не совпадали с опытными данными, философ и математик в одном лице без всяких колебаний продолжал считать свои доказательства абсолютно «достоверными» и «истинными», выражающими постижение и промысел Бога в сотворении мира по «математическим расчётам».

Декарт допускал идею относительной автономности принципов, не выводимых и не обобщаемых из внешнего антропологического опыта

¹³⁵ См.: Декарт Р. Избранные произведения. К 300-летию со дня смерти (1650–1950). М., 1950; Декарт Р. Рассуждение о методе с прил. «Диоптрика», «Метеоры», «Геометрия» М., 1953; Декарт Р. Сочинения в 2 т. М., 1989. Т. 1, 2.

ученого: «законы ... Бог установил в природе ... понятия... вложил в наши души»¹³⁶. В этом смысле, принципы приобретают статус автономного характера, не допускающего ситуацию выводимости из простого обобщения данных. В свою очередь, Д. Локк достоверное знание сводил лишь к отдельным философским положениям и аксиомам математики¹³⁷. Локк полагает, что неявно человек обладает способностями к рефлексии на основе чувственного опыта. При этом выделение внутреннего опыта характеризует специфику чистой рефлексии в процессе «наблюдения ума» за явлениями в чувственном созерцании. Связь семиотических идей Локка с предшествующей философской традицией, а также с «ментальным языком Оккама» отмечается таким образом, что «Локк тоже иногда говорит о ментальных высказываниях [proposition], которые, по его мысли, лежат в основе произнесенных предложений и являются первичными по отношению к ним... Согласно Локку, ментальные высказывания составлены из идей, а ментальные высказывания Оккама составлены из понятий. И идеи Локка, и понятия Оккама являются знаками»¹³⁸.

Однако вопрос о врожденности ума или идей Лейбницем не только ставится под сомнение, но и утверждается, что истина из опыта не выводима: «источник истины — отношение между идеями, а, значит, — в силу репрезентативного соответствия, — отношение между вещами... И эта пропорция или отношение есть основание истины»¹³⁹. В данной связи, антропологический опыт, выступающий единством чувственного опыта и разума, определяется Лейбницем как наложение рационального на чувственный опыт, то есть как просветление разумом чувств, а не наоборот. Согласно так понятой философской рефлексии формирование рациональной картины мира в нововременной науке и философии осуществлялось на основе синтеза философских идей и научных принципов, предполагающий

¹³⁶ Декарт Р. Рассуждение о методе с прил. «Диоптрика», «Метеоры», «Геометрия» М., 1953. С. 39.

¹³⁷ См.: Локк Дж. Избранные философские произведения: в 2 т. М., 1967. Т. 1.

¹³⁸ Скрипник, К. Д. "ΣΝΜΙΩΤΙΚΗ" Дж. Локка: историко-философская ретроспектива // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. № 2(30). С. 177.

¹³⁹ Майоров Г.Г. Теоретическая философия Готфрида В. Лейбница. Москва : МГУ, 1973. С.192.

также и анализ. Осуществляя синтез, мы с необходимостью отмечаем, что для репрезентации соотношения понятий наличие основания уже содержится в самих этих понятиях, следуя аналитическому принципу тождества-непротиворечивости или аналитическому принципу совершенства. Что касается Декартовой аксиоматики, то Лейбниц понимал под анализом не простое созерцание различного, множества феноменов, а выявление тождественного в различном: «Природа истины вообще состоит в том, что она есть нечто тождественное»¹⁴⁰. В одном случае соединяемое в синтезе должно быть «совместимо», в другом – «уместно» в нашем наилучшем из миров: «Совместимость» здесь рассматривалась как совпадение предиката с частью содержания субъекта, которое устанавливается при анализе (разложении) суждения. «Уместность» устанавливается с помощью экстремальных критериев и опыта, а это невозможно без анализа того, что соединяется в синтезе. Отсюда, в познании «для более верного успеха нужна была бы известная комбинация синтеза с нашим анализом»¹⁴¹. Подобная рационализация переносилась и на рационализацию онтологии монад, фактически наделённых «рацио» в преобразении инертной «материи», как «смутного представления». Природа при таком понимании наделялась имманентной «самоорганизацией» (это было также в пику диалектическим идеям Спинозы о «субстанции»): «понимание (*considération*) природы вещей есть не что иное, как знание природы нашего духа и этих врожденных идей, которых не приходится искать вне нас»¹⁴².

И. Кант также рационализирует концепт «антропологический опыт» и считает: «... возможным переход от мышления по принципам природы к мышлению по принципам свободы»¹⁴³. При этом для Канта свобода вовсе не означает отсутствие какой-либо причины, а понимается как человеческая способность создавать для себя такой закон, что, будучи распространен на

¹⁴⁰ Цит. по: Гайденок П. П. История новоевропейской философии в её связи с наукой. М.; СПб., 2000. С. 264.

¹⁴¹ Лейбниц Г.-В. Сочинения в четырех томах: Т. I / Ред. и сост., авт. вступит, статьи и примеч. В. В. Соколов; перевод Я. М. Боровского и др. М.: Мысль, 1982. С. 384

¹⁴² Лейбниц Г. Новые опыты о человеческом разуме [Текст] / Г. В. Лейбниц ; Пер. П. С. Юшкевича. – Москва; Ленинград : Соцэргиз, 1936 (М. : "Образцовая" тип.). С. 79.

¹⁴³ Кант И. Критика способности суждения. М.: Искусство, 1994. С. 46.

все человечество определит ту степень нравственности, которая будет тождественна свободе, сущностью которой Кант определял добрую волю. Наряду с этим, И. Кант утверждал невыводимость знания из антропологического опыта учёного (или философа)¹⁴⁴. Выделяя в мышлении специфику противоположных по качеству суждений («*Identische Sätze*» или «*Implicite identische Sätze*»), Кант определяет их как *аналитические* и *синтетические* соответственно. Истинность аналитических суждений определяется без обращения к действительности, а критерием истинности синтетических суждений является внешний опыт.

Следуя трансцендентальному истолкованию времени, Кант определяет *категории пространства и времени* как чистые формы всякого чувственного созерцания, как критерии достоверности математического знания (всеобщность и необходимость), используемого при конструировании рациональной картины мира (позже в философии культуры появится понятие «*хронотон*», как рефлексия на теорию относительности). И вместе с тем, основной целью познания для Канта остается сам человек, и как отмечает Кант в работе «*Антропология с прагматической точки зрения*», – человек является сам для себя является последней целью. Наши пространственно-временные отношения с природой являются базисом отношений с окружающей действительностью.

Какую же роль играет *научно-философское понимание пространства и времени в познании мира?*

С учетом эмпирической базы многовековых астрономических исследований, И. Ньютон разграничивал пространство и время, считая их субстанционально независимыми и абсолютными как с точки зрения покоя, так и движения. Механика Ньютона демонстрировала единство земных и небесных тел, которое ставилось под сомнение со времен Аристотеля, который разделял механику на небесную и земную, считая, что им соответствуют разные законы движения. Гегель писал: «Лишь в движении

¹⁴⁴ См.: Кант И. Критика чистого разума. СПб., 1993.

пространство и время действительны»¹⁴⁵. Понимание пространства и времени с позиций теоретической физики еще больше поставило под сомнение субстанциональную концепцию пространства-времени. В трудах Минковского постулируется, что время и пространство сами по себе являются измышлением, а Пуанкаре помимо геометрического пространства рассуждает о пространстве представлений как образе геометрического пространства. То есть таком образе, который определяется и подчиняется перспективе, задаваемой антропологическим опытом. Эта перспектива и есть определенная установка или из/нанка антропологического опыта (то, что из нас усматривается), обуславливающая условия до/мысливания окружающей действительности подобно тому как мозг *ухитряется* использовать косвенную информацию по домысливанию двумерного изображения на сетчатке глаза в трехмерную проекцию, ведь чисто формально восстановить трехмерную реальность по двумерной картинке не представляется возможным.

Эйнштейн обосновывает относительность пространственно-временных отношений, представление о которых обусловлено «положением и состоянием движения систем отсчета»¹⁴⁶. Представление о мире, содержащееся в теоретико-физической конструкции четырехмерного пространственно-временного континуума в космологии объединяется в одну абстрактную Вселенную как некое многообразие событий, описываемых системами координат. Обнаружение того факта, что объекты расходятся во Вселенной (исследование Хаббла), привело к допущению инфляционного процесса во Вселенной и нивелированию понятия об абсолютном покое и об абсолютном пространстве. Наряду с этим, в квантовой физике также обосновывается, в том числе принципом неопределенности Гейзенберга, что элементарные частицы находятся в постоянном движении, взаимодействуя друг с другом и при определенных условиях участвуя во взаимных

¹⁴⁵ Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т.2 [Филос. природы]. М., 1975. С. 63.

¹⁴⁶ Эйнштейн А. Собрание научных трудов. Т. 1. М., 1967. С. 558.

превращениях. Таким образом, неотделимость пространства и времени в релятивистском представлении определяет ментальный дуализм, определяющий антагонизм в мышлении и познании.

При формировании рациональной картины мира в основании каждого познавательного акта находится определенная установка, или принцип как объединяющая идея «разрозненных знаний»¹⁴⁷. О взаимосвязи познания и принципов в науке писал Кант¹⁴⁸ как о таком требовании представить научное знание в обобщённой форме, которое тесно связано с самой сущностью рационалистически ориентированной науки, стремящейся объяснить многообразие явлений из минимального количества принципов и абстракций. По сути, становление естествознания происходит с осознанием принципа структурности, позволяющего рассматривать явление во взаимосвязи его компонентов, и принципа историзма, регулятивная роль которого при формировании научного мировоззрения при комплексном применении историко-естественнонаучных сведений весьма значительна.

Действительно, с осознанием и формулировкой первых принципов, таких как принцип структурности и принцип историзма, и связано становление самого естествознания.

Формирование фундаментальной научно-философской теории, определяющей *рациональную картину мира*, по существу, происходит лишь после того, как найден принцип[ы], составляющий[ие] её основу, а принципы вводятся в неё как аксиомы, постулаты, без особого логического доказательства.

Вместе с тем, здесь следует существенно учитывать и то обстоятельство, отмеченное М. Хайдеггером, которое предполагает неустранимое влияние на научно-исследовательскую деятельность конкретного учёного различных вкладов, хотя и в снятом виде, культурно-лингвистической общности: «Хотя науки своими средствами не могут

¹⁴⁷ Гегель Г. В. Ф. Наука логики. Т.3 [Учение о понятии]. М., 1972. С. 35.

¹⁴⁸ См.: Кант И. Сочинения. В 6 т. М., 1966. Т.6. С. 56.

проникнуть в существо науки, все-таки каждый исследователь, как мыслящее существо способен двигаться на разных уровнях осмысления и поддерживать его»¹⁴⁹. Иными словами, осмысление в любой научной коммуникации предполагает прежде всего коммуникативную стратегию за счёт своей амбивалентности как основного свойства психического отражения и творчества. В соприкосновении с предметной действительностью познавательная деятельность, как ментальная, видоизменяется и становится богаче, объективнее, чем предваряющее её сознание.

При этом для сознания исследователя вклады, которые вносятся его деятельностью, остаются скрытыми; отсюда и происходит, что сознание может казаться основой деятельности, то есть отражения и преобразования продуктов предметной деятельности, реализующей связи, отношения общественных индивидов выступают для них как явления, феномены их сознания. Однако в действительности за этими явлениями лежат объективные связи и отношения, хотя и в неявной, снятой, превращённой, скрытой от индивидуума форме.

Вместе с тем явления сознания составляют реальный момент в движении деятельности. В этом и заключается их «неэпифеноменальность», их существенность: то есть *сознательный образ* выступает в функции *идеальной меры*, которая овеществляется в деятельности исследователя, но не в функционировании мозга или прочей «телесности».

Таким образом, неполнота символического научного языка позволяет нам расширять научные теории посредством экстраполяции коллективного знания и дает возможность присоединять к познанию и рациональным стратегиям дополнительные принципы. При этом принципы часто связывают различные по природе и происхождению фрагменты знания, выполняя при этом организующую функцию.

Процесс декодирования языков и понимания принципов есть всегда путь расшифровки общего смысла, который стоит за воспринимаемым

¹⁴⁹ Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 252.

сообщением или, иначе говоря, сложный процесс выделения наиболее существенных элементов высказывания, превращения развёрнутой системы сообщения в лежащую за ним мысль¹⁵⁰. Таким образом, все наши знания о мире, включая и самые общие идеи, оформленные в виде принципов, возникают в ходе отражения и переосмысления этого мира.

Но сами принципы не являются априорными, ибо не существует никакого «чёрного хода», с которого мы могли бы заглянуть в действительность «саму по себе» и подсмотреть, как там обстоит дело. Иными словами, все наши принципы формируют лишь приблизительно верное отражение и преобразование действительности, а не тождественны самой действительности.

Итак, в плане научной новизны мы определили предметность мышления человека в контексте социокультурного онтогенеза сознания и признаки внеэмпирического содержания концептуальных форм знания как репрезентаций индивидом логической целостности мира в антропологическом опыте постижения реальности.

Мы показали, что эмпирическое, априорное и неэмпирическое содержание концептуальных форм человеческого знания связаны с фактами коллективной лингвокультурной деятельности сообществ и познающих индивидов на основе взаимосвязи структур логико-вербального и пространственно-образного мышления, что предполагает организацию фрагментарного антропологического опыта через декодирование первичных и вторичных знаково-символических систем в конкретно-историческом мышлении человека.

Любые формы научного общения предполагают наличие коммуникативной стратегии в сознании исследователя, которые часто остаются скрытыми, а сознание может казаться основой деятельности, реализующей связи и отношения социализированных индивидов, которые

¹⁵⁰ См.: Лурия А.Р. Лекции по общей психологии. СПб., 2007.

выступают для них как эпифеномены, побочные продукты их сознания. Однако как феномены, так и эпифеномены сознания, представляют собой реальные моменты в движении ментальной деятельности человека, а образы сознания получают статус *идеальной меры* в рационализации антропологического опыта как учёного, так и массового потребителя научного знания.

2.2. Категориальные принципы как схемы концептуализации антропологического опыта в рациональной картине мира

Далее мы выявим философско-антропологического основы исследования сопряжения систем символов с пространственно-визуальными характеристиками, повышающими наглядность и достоверность антропологического опыта в отражении явления реального мира, и с принципами познания, имеющими для нас значение, в процессе формирования концептуальных форм знания и рационализации картины мира.

С учётом вышесказанного в предыдущем параграфе и рождается дуалистическое понимание принципов, которые уже характеризуются как теоретико-понятийные образования, не являющиеся одновременно ни абсолютно исходными пунктами исследования, ни абсолютно заключительными его результатами, а обуславливающие контекстуальное видение явлений окружающего мира. С позиции философско-антропологических основ исследования взаимообусловленности принципа и контекста, явления окружающего мира имеют для нас значение в той степени, которая определяет для нас возможность действия, приводящего к некоторому изменению мира. Это *действие*, или по Бэкону, власть над природой, с необходимостью сопоставляется с явлениями, результатом отражения в голове которых мы именуем понятиями. Процедура категоризации в данном случае играет роль выбора из некоего множества «действий», формирующее понятие/катеорию и приобретающего гносеологический статус сути явления, то есть становящаяся его смыслом.

Таким образом, множество сопоставлений действий с явлением становится для нас признаками явления, то есть при/знак является для нас тем, что указывает на знак, или сущность явления, становится его смыслом. И само понятие/катеория, являющееся результатом отражения, с необходимостью, концептуализируется, то есть приобретает в опыте

концептуальную трансформацию, сопряженную с созданием контекста данного понятия. В антропологическом опыте понятие и его контекст становятся едины при дивергенции общего смысла и референта, то есть понятие обретает конкретный смысл.

Вместе с тем, следует заметить, что контекст понятия, впрочем, являющийся впоследствии также неотъемлемой частью самого понятия, не представляет собой просто перечень того, что мы называем признаками, а является прежде всего установкой, формирующей определенное видение. Эта установка метафорически суть изнанка бытия, то есть то, что из нас (из/нанка) усматривается. Подобный взгляд устраняет гипертрофированность языковой дискретности и обнаруживает связь континуального и дискретного как «континуально-смыслового и образно-чувственного потоков»¹⁵¹. В научном дискурсе подобному положению вещей соотносят принципы (от лат. *princ* и *prio* – то, что лежит в основе видения, установка).

Именно принципы играют роль установки, гносеологической призмы, благодаря которой формируется такая концептуализированная форма знания как теория. Опыт нам и подсказывает, что глаза смотрят, а видит мозг (в этом первично и заключался смысл греческой «теории» – *θεωρία* как *вижу*, *обозреваю*, *созерцаю*). Последнее утверждение в обыденной формулировке, по сути, является, базовым тезисом психогенетики и когнитивных наук в целом. В итоге, можно сказать, что процесс концептуализации в контексте категоризации формирует некий код, меняющийся в зависимости от расширения контекстного поля области референтных значений объектов философского анализа.

Действительно, принципы выполняют роль установки не только при получении нового опыта в процессе познания, но и определяя, таким образом, контекст рассмотрения уже имеющегося знания обуславливают их корректировку и порядок в новом синтезе. В связи с последним отмечается,

¹⁵¹ Золотухина-Аболина, Е. В. "Изнанка языка": проблема соотношения континуального и дискретного // Эпистемология и философия науки. 2018. Т. 55, № 2. С. 94.

что понятие «принцип» во многих работах порой отождествляют с такими понятиями, как «закон», «закономерность», «начала», «постулат», «аксиома» и другие.

Выявляя специфику содержания данных терминов через характеристики многообразия функций научных законов, мы отмечаем такую взаимосвязь принципа и закона, когда закон выполняет функции принципа, логически обеспечивая систематизацию знания и применяется в качестве некоего исходного положения концептуализированной формы знания. Такая взаимосвязь, впрочем, не позволяет нам утверждать тождественность в полной мере принципов законам, выражающим функциональные отношения, порядок связи между явлениями, объектами и их свойствами.

Законы природы существуют независимо от человека и, хотя могут быть открыты человеком, изменить их человек не может. В силу этого законы, открытые человеком, скажем, в физике, лишь приближённо отражают объективные законы и уточняются по мере развития науки, с приростом знания. В этом отношении принцип представляет собой перекодирование по правилам преобразования, трактовки, в формулировках закона в нормативном духе: в соответствии с законом, предписывает, как надо понимать явления природы, объяснять факты... Таким образом, формируется новый контекст или контекстное поле памяти антропологического опыта, содержащее идеальные образы явлений, которые мы после процедуры концептуализации называем теоретическими конструктами. Такими конструктами являются как атомы, звездные системы, так и картина мира, в целом. Подобный взгляд на вещи М. Хайдеггер отмечал в познавательном контексте Нового времени: «Основной процесс Нового времени – покорение мира как картины. Слово «картина» означает теперь: конструкт опредмечивающего представления»¹⁵².

¹⁵² Хайдеггер М. Хайдеггер, М. Время и бытие [Текст] : статьи и выступления / Мартин Хайдеггер ; [сост., пер., вступ. ст., коммент. и указ. В. В. Бибихина]. Москва : Республика, 1993. С. 52

Философские (всеобщие) принципы допустимо условно делить на *онтологические* и *гносеологические* (эпистемологические) принципы. Онтологические утверждения используют онтологические принципы, к которым относят принципы, выражающие атрибуты материи: принцип всеобщей связи, развития, детерминизма и др. Конструктивные допущения используют, по большей части, гносеологические принципы, которые представляют собой переформулировку законов познания. В результате этого гносеологические принципы рассматриваются как методологические требования в научных исследованиях: принципы относительности знаний, единства теории и практики, конкретности истины, преемственности объективности истины, всесторонности рассмотрения явлений, принцип логического и исторического в познании, теории и эксперимента и др.

Применение этих принципов в нормативном духе позволяют исследователю определять взаимоотношения между методами познания: индуктивным, дедуктивным, аксиоматическим, аналогией и моделированием, системно-структурным и так далее. Вместе с тем, понимая, что законы существуют в объективном мире и познании, мы не допускаем мысли о том, что принципам как элементам теоретического знания либо нормативным установкам исследования придаётся сходный онтологический статус.

Поэтому, хотя принципы нельзя сводить к началам, аксиомам, постулатам, все же признаётся, что элементы начал как принципов проявляются в качестве понимания устойчивости знания, утвердившегося на данном этапе развития науки в качестве конкретной объективной истины и выступающего как основание данной познавательной деятельности. Знание, заключенное в принципе, остаётся невостребованным («свернутым, свитым»), пока не будет включено в реальный поиск познания. Развитие знания сопряжено, в том числе, с возможностью использования, переноса существующего знания на новые задачи. В этой связи мы отмечаем два контрарных состояния имеющегося знания, выполняющие разные функции: 1) развернутого знания, участвующего в познавательной деятельности,

научной коммуникации, связанной с новыми задачами, потребностями человека; 2) свернутого, упакованного, знания, используемого для трансляции научного опыта. Иными словами, как «развитие» имеет свою противоположность – «свитие» (свиток), так и конструктивный процесс познания, сопровождающийся развитием знания, реципрочно в своей основе имеет также процесс «свертывания», то есть специфического оформления, формализации с использованием символического языка, например, языка математики.

Кроме того, допускаем, что элемент научного познания может использоваться в функции принципа (философского или научного), если он применяется в качестве основания концептуализированной формы знания. Аналогичным образом, данная функция позволяет осуществлять дедуктивный вывод законов, следствий и так далее. Таким образом, лишь при выполнении данного условия компонент знания может рассматриваться в функции принципа.

Следуя вышесказанному, принципы, рассматриваемые в качестве исходных положений теории, всё же не могут быть выведены, логически получены внутри неё, а требуют выходящего за данную теорию метатеоретического обоснования. Более того, это имеет отношение и к теоретическим законам конкретных наук, которые доказываются лишь опосредованно, путем проверки в эксперименте следствий теорий. Ещё более опосредованной является связь философского знания с практикой.

Именно поэтому для сознания исследователя умозрительные принципы как абстрактные структуры с первого взгляда напоминают кантовские синтетические суждения *a priori*. Они не «выводятся из опыта», а являются результатом синтетической деятельности творческого воображения, причем последнее создаёт такие комбинации опытных данных, которые нередко находятся в резком противоречии с известными эмпирическими и теоретическими законами. Однако это совсем не означает абсолютной оторванности от действительности, игнорирования генезиса, истории

возникновения этих абстрактных структур. Если эти абстрактные формализованные структуры трактовать как чисто априорные конструкции, то непонятно, по каким причинам они согласуются с действительностью, тем более что, структура (форма) выявляется в чистом виде на основе анализа содержания. Отрицание необходимости такого содержания вытекает из того факта, что исследователь может строить прямо противоположные принципы.

Последнее обстоятельство в свою очередь придаёт принципам уже некоторое сходство с «конвенциями» известного французского математика Анри Пуанкаре. Как известно, А. Пуанкаре предполагал, что принципы являются скрытыми определениями тех понятий, которые в них входят, подобно тому как правила шахматной игры суть скрытые определения шахматных фигур¹⁵³. Поэтому он уподобил *принципы правилам игры*, которые не могут быть истинными или ложными, а только удобными или неудобными (подобно используемым системам координат в математике: декартовым или полярным).

Чем более размышления уклоняются от общепринятых представлений, тем яснее они «показывают нам, на что способен человеческий ум, когда он постепенно освобождается от тирании внешнего мира, тем лучше мы познаём ум в его внутренней сущности»¹⁵⁴. Такому пониманию, в известной степени, способствовали открытия новых неевклидовых геометрий (Н.И. Лобачевский, Б. Риман, Ф. Клейн и др.), в которых аксиомы уже приобрели некоторую независимость от способности учёных отражать действительность. А. Пуанкаре писал, как бы дополняя И. Канта: «Геометрические аксиомы не являются ни синтетическими априорными суждениями, ни опытными фактами»¹⁵⁵. Конечно, ограничение, накладываемое на такой выбор, с необходимостью должно представлять собой требование логической непротиворечивости, позволяющей всё же

¹⁵³ Пуанкаре А. Наука и гипотеза. М., 1904. С. 58–61.

¹⁵⁴ Там же.

¹⁵⁵ Пуанкаре А. Наука и гипотеза. М., 1904. С. 60.

интерпретировать воспринимаемый нами мир через пространство различных геометрий.

Однако требование логической непротиворечивости опосредовано необходимостью отображения действительности, так как опирается на представление о соответствии абстрактных структур действительности, конгруэнтности картины мира мышлению. Стало быть, мы должны руководствоваться здесь уже не требованиями удобства, а стремлением соответствия теорий действительности. А в последнем вопросе решение даётся только практикой. Ещё в 1565 г. в книге Телезио «О природе вещей, выведенной из её собственных принципов» отмечается такая постановка проблемы: принципы природы – это логические выводы, которые идут от эмпирии и приводят к пространственно-временной концепции бытия. Это стремление реализовывалось в рациональных пространственно-временных схемах, например в гелиоцентрической системе Коперника.

Иными словами, в деятельности субъекта познания налицо *активное, конструктивное начало*. С одной стороны, субъект может *порождать* любые мыслительные конфигурации по собственному желанию, с другой стороны, та среда, в которой он разворачивает конструктивную познавательную активность, по известным причинам не позволяет конструированию быть совершенно произвольным, то есть накладывает свои ограничения. Актуализировать в ней можно лишь то, что допускается её собственными потенциями: «... среда обладает «косностью», она сопротивляется руке творца... деятельность (субъекта познания) как раз и направлена на выявление этих потенций, а не на наслаждение собственным произволом»¹⁵⁶. «Наслаждение» определяется эстетической стороной научной деятельности, связанной с антропологическим опытом, прорывом непосредственных сенсуальных впечатлений и переживаний (эмоциональный интеллект!) в

¹⁵⁶ Шапошников В.А. Математическая мифология и пангеометризм // Стили в математике: социокультурная философия математики. Санкт-Петербург : РХГИ., 1999. С. 151.

ткань логических дедукций, выражая синтез внутреннего совершенства и внешнего обоснования.

В обыденных рациональных структурах повседневности «наслаждение» сродни «воли к радости», важность которой как переживания отмечает Е. В. Золотухина-Аболина: «... переживания служат основанием для оценки социокультурных качеств человека, выполняют роль регуляторов и организаторов поведения, создают мощные идейно-эмоциональные линии в культуре, формируют сферу времяпровождения и развлечения. Однако вне своего объективированного статуса и внешней регуляции они просто самоценны и составляют важнейшую сферу индивидуального сознания, осуществляя «связь времен» личного бытия... подчеркивается важность культивирования такого типа переживания как «воля к радости»»¹⁵⁷. Данный тезис позволяет нам обратиться и к проблеме познания в аспекте игрового сознания; игра приносит радость участникам игрового процесса, в том числе Т.Г. Лешкевич определяет целью смысловой нагрузки игрового познания, связанной с имитацией и моделированием событий: «Основная цель – обосновать универсальность феномена игрового освоения действительности»¹⁵⁸. Постигание смысла игрового начала относится и к способам открытия истины. Однако, при рассмотрении природы сознания и сопоставлении естественнонаучной и гуманитарной парадигм, вызывающие трудность понимания, как отмечает Т.Г. Лешкевич, отсылают некоторых исследователей, к «проблематике внерациональных форм внутреннего диалога».¹⁵⁹

Итак, принимая во внимание, что исходные принципы как положения логически не выводимы внутри теории, а требуют обоснования, выходящего за её рамки, то такая теория остаётся «открытой»: не все истинные утверждения являются доказуемыми в данной теории и могут быть

¹⁵⁷ Золотухина-Аболина, Е. В. Феномен переживания: культурные грани и ракурсы // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2022. № 1 (105). С. 18.

¹⁵⁸ Лешкевич Т. Г. Смысл и специфика игрового познания в человеческой жизни // Этическая мысль. 2018. Т. 18, № 2. С. 155.

¹⁵⁹ Лешкевич Т. Г. «Сознание, творящее реальность». Есть ли выход из словесного лабиринта? // Эпистемология и философия науки. 2018. Т. 55, № 2. С. 225.

логически выведены в её рамках. Не только практическая, но и логическая невыводимость принципов позволила интуиционисту А. Гейтингу представлять механизм конструирования принципов посредством сверхлогической способности нашего сознания – *интуиции*, своего рода интроспективной творческой деятельности мыслящего субъекта¹⁶⁰.

Известно, что особую роль интуиции и воображения в конструировании абстрактных объектов отмечали многие мыслители, особенно выделяют среди них неоплатоника Прокла (V век н.э.) и родоначальника немецкого классического идеализма И. Канта¹⁶¹. А. Бергсон, в частности, также определял интуицию как своеобразную симпатию, «посредством которой мы проникаем внутрь предмета»¹⁶², чтобы слиться с невыразимой в общих понятиях природой и постичь его в собственном существе. Это своего рода некоторый признак сверхчувственного присваивания внешнего знания в опыте личностной истории. Поэтому интуитивно добываемое знание, осмысление явлений, выходящее за рамки определяемого, несёт на себе отпечаток экзистенциального, антропологического опыта его автора.

Однако нельзя не отметить, что при таком подходе в процессе логического вывода явно не перечисляются те логические аксиомы и правила, на которые опираются в ходе доказательства. Более существенным здесь, как нам представляется, является незаметное использование в качестве посылок утверждений, которые кажутся интуитивно ясными, но явно в теории не формулируются. Например, как это наблюдается у Евклида. Однако, представители конструктивного направления критиковали «интуитивную ясность» как критерий истинности, ибо «этот критерий означает полное тождество субъективизма и идет вразрез с пониманием науки как вида общественной деятельности»¹⁶³. Таким образом, мы

¹⁶⁰ См.: Гейтинг А. Интуиционизм. Москва : Мир. 1965. 200 с.

¹⁶¹ См.: Мороз В.В. Философско-математический синтез: опыт историко-методологической рефлексии. М., 2005. С. 39.

¹⁶² Бергсон А. Опыт о непосредственных данных сознания // Бергсон А. Собр. соч.: в 4 т. Т.1. М., 1992.

¹⁶³ Марков А.А. О конструктивной математике // Труды матем. ин-та им. Стеклова. Т. 67. М., 1981. С. 11.

подразумеваем, что свободное конструирование принципов не означает какого-либо чистого вымысла, а лишь только то, что «воспаряя» к принципам, можно постигнуть более глубокие и существенные свойства действительности.

Иными словами, принципы конструируются таким образом, чтобы теория, построенная на основе этих принципов, могла получить согласование с опытом, то есть всё вышеизложенное следует «основному принципу теории познания: объективная картина мира не должна содержать ничего такого, что в принципе не могло бы быть проверено на опыте»¹⁶⁴. Именно так этот принцип сформулирован одним из выдающихся учёных и мыслителей XX века Германом Вейлем (1885–1955), известным своими работами в области анализа, теории чисел, дифференциальной геометрии, оснований математики и логики, теории относительности и квантовой механики.

Как же происходит *репрезентация индивидом логической, рациональной целостности мира в категоризации антропологического опыта?*

К. Гельвеций писал (1715–1771), что незнание отдельных фактов восполняется знанием некоторых принципов¹⁶⁵. Поскольку принципы рассматриваются в системе знания, то характер их применения в научном, философском и даже в обыденном (рассудочном) познании с необходимостью должен быть определен. Результатом таких взглядов является оправдание философских принципов на основе *человеческой веры* в них, либо принятия их лишь как условно истинных из-за их прагматической эффективности, то есть с учётом всё того же антропологического опыта.

Особенностью любого принципа является его свернутая знаниевая форма, заключающаяся в нормативных требованиях, которые обуславливают основную концептуальную идею теории. Иными словами, в принципах потенциальное знание нормативно «упаковано» таким образом, чтобы,

¹⁶⁴ См.: Вейль Г. Математическое мышление. М.: Наука, 1989. 400 с.

¹⁶⁵ См.: Гельвеций К. А. О человеке, его умственных способностях и его воспитании. М.: Соцэкгиз, 1938. 486с.

следуя алгоритмам дедуктивного вывода вкупе с методологическими установками «развёртываться» в компендиуме фактов, понятий, дефиниций, законов в предельной взаимосвязи и взаимообусловленности.

Здесь проявляется *социогенетическая* и *онто-гносеологическая* связь принципов с практической преобразовательной деятельностью, что в определённой мере способствует устранению сциентистской догматики в науке и философии. Лаплас, например, так манифестировал «всезнающий сциентизм»: «Ум, которому были бы известны для какого-нибудь данного момента все силы, одушевляющие природу и относительное положение всех её составных частей... объял бы в одной формуле движение величайших тел Вселенной наравне с движением мельчайших атомов: не осталось бы ничего, что не было бы для него недостоверным, и будущее, так же, как и прошедшее, предстало бы перед его взором...»¹⁶⁶. Но в реальном человеческом познании, индивидуальном и коллективном, это далеко не так. Подобное преувеличение значимости науки в сциентистском мировоззрении и философии необходимо корректировать тем, что долговечность принципов определяется «долговечностью» опыта, эквивалентом которого они являются.

Ст. Тулмин отмечал: «... именно физики, а не физика «объясняют» физические явления»¹⁶⁷. В объяснении реализуется процесс, продуцирующий понимание, включающее описание и контекст, то есть формирующий опыт или создающий условия для его присвоения: «Исследование становления категории «опыт» дают возможность утверждать о наличии двух основных форм опыта: внешней и внутренней, пребывающих в единстве»¹⁶⁸.

И именно в таком аспекте важную роль играет антропологический опыт «живого учёного»: «... он испытывает потребности и пытается их удовлетворять, получает информацию из окружающей среды и

¹⁶⁶ Лаплас. Опыт философии теории вероятностей. М.: Сабашниковы, 1908. С. 9..

¹⁶⁷ Тулмин С. Человеческое понимание. Москва : Прогресс. 1984. С. 163.

¹⁶⁸ Бреусенко-Кузнецов А. А. Проблема опыта в мировых философских традициях и отечественной метафизической психологии // Теоретичні дослідження у психології. 2017. Т.2 С.40

ориентируется в ней, формирует сознательные образы действительности, создаёт планы и программы действий, сличает результаты своей деятельности с исходными намерениями, переживает эмоциональные состояния и корригирует допускаемые ошибки»¹⁶⁹. Конкретизируем данную мысль с точки зрения психолингвистики: «Личностные особенности исследователя, его стремление к самовыражению еще ярче проявляются на этапе *обобщения фактов*... когда основу составляют *внелогические суждения* как универсальный способ соединения элементов научного знания, не элиминируемый никакими формальными процедурами. Такие суждения основываются на личностном *знании*, обобщающем уникальный опыт познающего субъекта и неотделимом от него самого»¹⁷⁰. С определённой уверенностью можно сказать, что открытия в естествознании начала XX века, обусловили пересмотр принципов, изменив образ целостной картины мира. Причиной ревизии принципов является то обстоятельство, что никакая в принципе установка видения реального мира, гносеологическую роль которой выполняют принципы, не способна в полной мере отразить исследуемую реальность, ее свойства. Иными словами, принципы теории представляют собой идеализацию, то есть «огрубление» (усреднение, размазывание, установление границ) реальной действительности, способом включения антропологического опыта в рациональную картину мира.

Таким образом, переформулировка исходных принципов становится для нас способом преодоления противоречия относительно наблюдаемых/измеряемых фактов и особым видением (интерпретацией), имеющейся на данном этапе познания легитимной теорией. В данной связи отметим, что вся совокупность принципов, исторически сформированных в научном познании, не является актуальной, она остается как некий генезис опыта, обуславливающий в конечном счете общественную потребность в утверждении конечных, на современном этапе развития познания,

¹⁶⁹ Лурия А.Р. Лекции по общей психологии. Санкт-Петербург : Питер. 2007. С. 14.

¹⁷⁰ Залевская А.А. Введение в психолингвистику. 2-е изд. испр. и доп. Москва : Российск. гос. гуманит. ун-т. 2007. С. 50.

принципов. Иллюстрацией подобного подхода является для нас несовместимость принципов механики Ньютона и квантовой механики Планка. Сходным образом, знание, являющееся дедуктивным продуктом принципов старой теории, в соответствии с *принципом соответствия* остается значимым в некоторой ограниченной области действительности, а стало быть и старые принципы остаются значимыми и одновременно локализованными областью значений старой теории. Дальнейшая абдукция в отношении принципов оказывает существенное влияние на процесс познания.

В своих работах мы относили к философским (всеобщим) принципам следующие: «**Принцип материального единства мира**, сохранения материи и её общих свойств (движения, энергии, массы, электрического заряда, импульса, момента импульса и др.) – исключаящий средневековое разделение на мир небесный и мир земной; **принцип причинности и законосообразности природных процессов**, понимаемый более широко, в связи со статистическим характером законов квантовой механики, – как связь порождения; понимание принципа причинности связывается с системным видением детерминирующих фактов, выявлением ведущей роли интегральных факторов в развитии объектов, не сводящихся к суммативному действию; **принцип всеобщей связи**, отражающий целостность окружающего мира, его внутреннее единство (материи, движения, пространства и времени), зависимости пространственно-временных свойств от структурных отношений в материальных системах; **принцип системной организации материи**, отражающий существование упорядоченных многочисленных связей, внутреннюю целесообразность мира; **принцип историзма**, характеризующий существование и развитие во времени, базирующийся на теоретических представлениях о сущности развития, противоречия, причинности, закономерности, вероятности и так далее; **принцип развития**, отражающий смену состояний, в основе которой лежит

невозможность сохранения существующих форм функционирования»¹⁷¹. Все эти принципы играют эвристическую роль селективного характера, ибо на основе взаимосвязи по своему содержанию с природными и социальными законами и посредством отбора всевозможных вариантов способны регулировать процесс мышления и научного познания. Таким образом, например, *теоретический принцип* сохранения объединяет не только все законы сохранения, а ставший *мета-теоретическим* (это будет показано далее) объединяет и *принцип симметрии* – законы симметрии и сохранения.

Несмотря на достаточно глубокий анализ нормативного знания, проведенный философами Нового времени, данную проблему в рамках априорности идеалов познавательной деятельности Кант интерпретировал с позиции нормативности принципов, не определяющих содержание новых идей, а лишь задающий вектор определения сущности исследуемых объектов. Таким образом, понимая нормативность в духе Ф. Бэкона «как ограничение на мысли людей»¹⁷², мы обнаруживаем в принципах исторически различную степень нормативности, то есть той нормы, которая реализуется в познании реальности как некая мера допущения, приобретшего «табуированную форму запрета». Так, в картине мира такого рода ограничения действуют на перенос установок и принципов в еще неизученные сферы. Вместе с тем, принципы в картине мира выполняют более широкую методологическую функцию метаязыка по отношению к принципам теории. Картины мира, основанные на соответствующих теориях, исторически отражают этапы развития науки: механистическая картина мира, электродинамическая картина мира, релятивистская картина мира, квантово-полевая и так далее.

В метатеоретических принципах, которые фактически являются и философскими, реализуются принципы простоты и эстетичности, связанные

¹⁷¹ Кузнецов А.В. Физическая картина мира: логико-гносеологические основания и онто-гносеологическое обоснование. Курск : Изд-во Курск. гос. ун-та. 2008. С. 67-67.

¹⁷² См.: Бэкон Ф. Сочинения: в 2-х т. / 2-е изд. испр. и доп. Т. 2. Москва: Мысль. 1978. С. 352.

непосредственно с антропологическим опытом учёного, полученным в процессе воспитания и освоения конкретной культуры.

Какова же роль принципов в *категоризации и концептуализации антропологических репрезентаций реальности*? Здесь следует исходить из идеи гносеологической и экзистенциальной неисчерпаемости бытия: «... учение древних о том, что в поисках гармонического отношения к жизни никогда нельзя забывать, что мы сами являемся одновременно и актерами, и зрителями драмы жизни»¹⁷³, писал Н. Бор.

Учёные фиксировали осуществление в процессе познания структурной дихотомии материи и эпистемологическую функциональную дихотомию, обуславливающую формулировку новых принципов. Однако между принципами остается актуальной их иерархия, в которой все же философские принципы сохраняют за собой фундаментальный статус в силу их универсальности. Универсальность и всеобщность принципов проявляется в их методологическом значении для любой познавательной ситуации.

Взаимообусловленность научного знания с философскими идеями устраняет в антропологическом опыте, так называемую, априорность мышления в генерации нового знания с опорой на представления мировоззренческого характера: «Учёный всегда работает на основе некоторых философских предпосылок, и, хотя многие из них могут не осознавать этого»¹⁷⁴. Таким образом, вольно или невольно, но на ход развития научного анализа влияет в некотором роде «философская эмпатия» ученого, позволяющая ему сознательно, либо неосознанно включать в структуру опыта и даже научного эксперимента мировоззренческий компонент, собственные нравственные и эстетические, то есть экзистенциальные представления и нормы.

Естественно, что принципы имеют определённую иерархию отношений подобно иерархии *единичное – особенное – всеобщее*. При этом отношения

¹⁷³ Бор Н. Избранные научные труды. Т. 2. М.: Наука. 1971. С. 398.

¹⁷⁴ Бриллюэн Л. Научная неопределённость и информация. Москва : Мир, 1966. С. 11.

между уровнями принципов не описываются на основе простой дедукции, поскольку содержание одних принципов является не выводимым из других принципов. Однако связь между принципами разного уровня все же имеет место, определяемая дисциплинарным членением научного знания со своей специфической предметностью. В комплексе методов наук при изучении объекта обнаруживается и определенная системность их принципов, позволяющая сформировать развивающийся в мышлении рациональный образ картины мира.

Картина мира, разворачиваемая в фокусе «гносеологической призмы» через «фокальные понятия», то есть такого понятия, через гносеологическую призму которого организуется, разворачивается система конструктивных утверждений. В данной связи, поиск новых принципов в ситуации выявленных противоречий между фактами и старыми принципами может быть отчасти сопряжен с логическим конструированием картины мира с использованием редуктивного вывода, то есть абдукции.

При этом принципы выступают ядром методологии построения теорий и, вместе с тем, они в большей степени обусловлены способностью человека к творческой деятельности. Но насколько творчество подчиняется правилам? Как удостовериться, что на основе конкретных принципов мы создадим правильную теорию? И здесь нет никакого способа, кроме того, что мы сначала создаем теорию, и только затем ее правильность устанавливается эмпирическим путем. Таким образом, принципы логически являются общей посылкой дедуктивного умозаключения и фактически мы подводим под нее факты, понятийный аппарат, эмпирические закономерности.

Новый результат этого параграфа нашей работы содержится в экспликации когнитивных параметров категоризации и концептуализации антропологических репрезентаций реальности в ментальных формах, что позволило дать характеристику специфической взаимосвязи философских и научных принципов в системе рационального знания о мире.

Категоризация и концептуализация антропологических репрезентаций реальности связана с философскими и научными принципами системы знаний о мире, которые выполняют селективную роль в отборе фактора антропологического опыта в рационализации картины мира. Именно здесь присутствует тот «метафизический осадок» (К. Поппер) в рационализации антропологического опыта, который предполагает аксиоматику научных постулатов, основанную на «вере» и прагматической эффективности так обоснованного знания. Именно здесь кроется постоянная динамика как научного, так и обыденного знания, связанная с постоянной проверкой и принятием на веру, обоснованием или опровержением элементов антропологического опыта в рационализации как научной, так и повседневной картины мира.

С позиции философско-антропологических основ исследования взаимообусловленности принципа и контекста, явления окружающего мира имеют для нас значение в той степени, которая определяет для нас возможность действия, приводящего к некоторому изменению мира. Это *действие*, или по Бэкону, власть над природой, с необходимостью сопоставляется с явлениями, результатом отражения в голове которых мы именуем понятиями. Процедура категоризации в данном случае играет роль выбора из некоего множества «действий», формирующее понятие/катеорию и приобретающего гносеологический статус сути явления, то есть становящаяся его смыслом.

Таким образом, множество сопоставлений действий с явлением становится для нас признаками явления, то есть при/знак является для нас тем, что указывает на знак, или сущность явления, становится его смыслом. И само понятие/катеория, являющееся результатом отражения, с необходимостью, концептуализируется, то есть приобретает в опыте концептуальную трансформацию, сопряженную с созданием контекста данного понятия. В антропологическом опыте понятие и его контекст

становятся едины при дивергенции общего смысла и референта, то есть понятие обретает конкретный смысл.

Контекст понятия, являющийся впоследствии также неотъемлемой частью самого понятия, не представляет собой просто перечень того, что мы называем признаками, а является прежде всего установкой, формирующей определенное видение. Эта установка метафорически суть изнанка бытия, то есть то, что из нас (из/нанка) усматривается. Подобный взгляд устраняет гипертрофированность языковой дискретности и обнаруживает связь континуального и дискретного как «континуально-смыслового и образно-чувственного потоков»¹⁷⁵. В научном дискурсе подобному положению вещей соотносят принципы, дословно то, что лежит в основе видения, установка.

Именно принципы играют роль установки, гносеологической призмы, благодаря которой формируется такая концептуальная форма знания как теория. Опыт нам и подсказывает, что глаза смотрят, а видит мозг. Последнее утверждение в обыденной формулировке, по сути, является, базовым тезисом психогенетики и когнитивных наук в целом.

В итоге, можно сказать, что процесс концептуализации в контексте категоризации формирует некий код, меняющийся в зависимости от расширения контекстного поля области референтных значений объектов философского анализа.

¹⁷⁵ Золотухина-Аболина, Е. В. "Изнанка языка": проблема соотношения континуального и дискретного // Эпистемология и философия науки. 2018. Т. 55, № 2. С. 94.

ГЛАВА III. Экспликация антропологического опыта в рациональной картине мира

В третьей главе нами обосновывается концептуализация системно-структурной картины мира человека во взаимосвязи с категоризацией реальности как в антропологическом опыте, так и в его теоретико-логических, научных рационализациях, связанных с созданием картины мира.

3.1. Системный дискурс в категоризации антропологического опыта и понимании реальности

В первом параграфе третьей главы мы расширим задачу предметного описания концептуализации и категоризации антропологического опыта на основе принципов системно-структурной картины мира человека.

В современном мире, где реальность становится всё более сложной и динамичной, системный дискурс предоставляет эффективные инструменты для анализа и понимания человеческих взаимодействий и их последствий. Он способствует развитию глобального взгляда на антропологический опыт, выявляя универсальные и специфические характеристики человеческого бытия и культуры. Таким образом, системный дискурс становится не просто методологическим подходом, но и средством достижения глубокого понимания реальности, что чрезвычайно важно для развития социальных наук и гуманитарных дисциплин в целом.

Антропологический опыт, как многогранное и сложное явление, требует для своего понимания применение комплексных подходов и методологий. Один из таких – системный подход, позволяющий интерпретировать человеческий опыт, исследуя взаимосвязи и взаимозависимости внутри социальных, культурных и биологических систем.

Системный дискурс предполагает понимание реальности как сложной иерархии систем, каждая из которых обладает своими элементами, структурой и функциями. В этом контексте антропологический опыт рассматривается как результат взаимодействия индивида с множеством систем – от микросистем личных взаимоотношений до макросистем общественных устоев и культурных традиций. Таким образом, проблема сложности, то есть определения качественного порядка или выявления онтологического статуса неочевидных, но при определенных условиях вполне доступных, характеристик человеческого бытия сопряжена сходным образом со сложностью окружающего нас мира, Природы, в том числе ненаблюдаемой имеющимися у человечества средствами измерения, а потому для нас весьма «коварной».

Однако, коварность природы, по мнению Эйнштейна, вовсе не означает ее злонамеренности: «Природа скрывает свои секреты за счет присущей ей сложности, а не путем уловок»¹⁷⁶. К своего рода уловкам прибегает человек, отягощая и «модифицируя» знание своим социальным интересом. С одной стороны, концептуализация и категоризация антропологического опыта приводит к формированию более сложных и структурированных рациональных моделей реальной действительности, а с другой, – эволюция человека, сопряженная с процессами «цефализации», направлена на нивелирование зависимости человека от естественной окружающей среды путем изменения и формирования навыков, обуславливающих в конечном счете обобщенные критерии индивидуализации и дифференциации опыта. В количественном плане данные процессы сопровождаются ареальной экспансией и внутривидовой дифференциацией человечества, а в качественном, – приводят к увеличению доли «информационно-энергетического потенциала» по отношению к вещественной составляющей носителя. В данной связи, адаптивность человека к изменениям окружающей

¹⁷⁶ Пайс А. Научная деятельность и жизнь Альберта Эйнштейна / А. Пайс; Пер. с англ. В. И. и О. И. Мацарских; Под ред. А. А. Логунова. Москва : Наука, 1989. 566 с.

среды осуществляется не только путем изменения органов или их рудиментации, но и путем формирования дополнительных нагрузочных функций мозга, обуславливающих в конечном счете в антропосоциогенезе появление особого инструментария рационального познания мира, нацеленного на производство системно организованного знания. Таким инструментом является наука как «совершающее процесс противоречие». Противоречие как структурообразующее основание становится и основанием системной организации. Таким образом, системным характером обладает не само противоречие, а конкретное бытие, где структура, по сути, и является воплощенным способом или разрешением противоречия.

В современном мире философия человека переживает новый виток интереса, обусловленный разрешением противоречий, сопровождающийся стремительными изменениями в науке, технологиях и социальных структурах, которые по-новому ставят вопросы о природе и сущности человеческого бытия. Современная философская антропология стремится ответить на вопросы, поставленные новыми вызовами, при этом пользуясь наработками предыдущих эпох и осмысливая новые реалии в контексте возможностей и угроз, порождаемых прогрессом. В этом ключе тема трансгуманизма и постгуманизма также находится в центре внимания современной философии человека. Возможности генетической инженерии, искусственного интеллекта и кибернетических технологий ставят вопрос о границах человеческой природы и возможностях её трансформации. Осмысливая эти вызовы, философы исследуют в рамках антропологического дискурса, какие аспекты человеческого существования будут оставаться неизменными, а какие могут быть изменены или расширены благодаря технологическому прогрессу.

Таким образом, осуществляя «речь о человеке», современный антропологический дискурс акцентирует внимание на теме человеческой индивидуальности в контексте глобализации и информационных технологий. Индивидуальность, трактуемая как уникальное сочетание характеристик,

определяющих человека как личность, находится под угрозой в условиях массовой культуры, усиленного медийного воздействия и цифровой обезличивающей коммуникации. Философы исследуют, как сохранить «я» в мире, где преобладают процессы стандартизации и унификации. Иными словами, важным аспектом современного философско-антропологического дискурса является проблема интерсубъективности и социального взаимодействия. В мире, где традиционные общественные связи разрушаются и формируются новые формы коммуникации, встает вопрос о том, как строить отношения между индивидами, сохраняя при этом уважение к индивидуальности и личностному достоинству. Это требует от философии активного диалога с когнитивистикой, психологией, социологией и культурологией для разработки новых подходов к пониманию человека в социальном контексте.

Второй важной темой антропологии современности является вопрос о связи человека и природы. Экологические проблемы, вызванные деятельностью человека, заставили философов переосмыслить позицию человека как властителя природы. Размышления на эту тему ведут к поиску новой модели взаимодействия, в которой человек признается частью природного мира, а не его покорителем. Это влечет за собой не только пересмотр ценностных и познавательных ориентиров, определение новых этических норм в отношении окружающей среды, но и «встраивание» человека в глобальную систему как структурное многообразие рационализированных унификаций.

При этом понимая в качестве структуры единство отношений и связей между элементами материальной системы, мы отмечаем, что подобное единство отражается в единстве законов физических теорий относительно представлений о структурной организации материальных систем. Иными словами, речь идет о системах как структурном многообразии и являющихся следствием тех связей, которые функционируют на основе энергетических взаимодействий. По сути, это является реализацией, то есть разрешением

противоречия такого порядка, когда в историко-философской мысли допускалось представление о возможной бесструктурности материи и противопоставлялись со времен Аристотеля земной и небесный миры, объективная реальность и трансцендентное бытие. Таким образом, следствие разрешения данного противоречия в научном дискурсе на основе идеи наличия дискретных уровней реальности, природной, социальной и человеческой, стало неотъемлемой частью современной философии и науки.

Таким образом, философия человека в современном мире представляет собой комплексное направление, затрагивающее разнообразные аспекты человеческого существования. Оно стремится не только ответить на вызовы современности, но и предложить новые взгляды на вечные вопросы о природе человека, его месте в мире и возможностях развития. Принимая во внимание структурность объектов как объективную данность, мы осознаем необходимость познания процессов, объектов, явлений как целого во взаимосвязи компонентов и связей между ними на различных дискретных уровнях. Это осознание и составляет в упрощенном виде основную идею принципа структурности.

Научно-технический прогресс, являясь дериватом человеческой культуры, выдвигает новые, в том числе, философско-антропологические измерения, связанные с рефлексией оснований концептуальных форм знаний. Наиболее значимой, по нашему мнению, представляется идея целостности мира и человека. Наряду с этим, в современном научном сообществе проблематика *системного дискурса* при анализе антропологического опыта и понимании реальности занимает особое место. Системный подход позволяет комплексно исследовать взаимодействие человека с окружающим миром, а также процессы восприятия и интерпретации реальности. Этот метод открывает новые горизонты для понимания сложных социальных, культурных и психологических явлений, происходящих в антропологическом контексте.

Исследование системного дискурса в контексте категоризации антропологического опыта выявляет уникальные паттерны в структуре понимания реальности, которые формируются под влиянием культурных, исторических и социальных факторов. Такой подход предполагает анализ многоуровневых взаимодействий и связей, которые определяют специфику человеческого восприятия мира и открывает перед исследователями новые перспективы для глубокого понимания механизмов категоризации и интерпретации антропологического опыта в широком спектре культурных и социальных контекстов.

В современном мире, где трансформация социальных, культурных и технологических процессов происходит с беспрецедентной скоростью, возникает необходимость в новых методологиях для понимания изменяющейся реальности человека и общества. Системный дискурс в категоризации антропологического опыта представляет собой именно такой подход, позволяющий комплексно оценивать различные аспекты человеческой жизни в их взаимосвязи.

Системный подход, зародившийся в середине XX века, сыграл важную роль в развитии научного понимания сложных процессов и явлений. В контексте антропологии, это направление предлагает уникальную перспективу, позволяющую анализировать культурные, социальные и личностные аспекты человеческого существования как единую структурированную систему. Так, системный дискурс не только способствует глубинному пониманию антропологического опыта в его динамике и разнообразии, но и выявлению внутренних закономерностей и связей, которые формируют основу человеческого взаимодействия с окружающим миром.

Антропологический опыт, подверженный анализу через призму системного дискурса, охватывает как индивидуальное, так и коллективное измерения. Этот опыт является многообразным и многоаспектным, включая в себя эмоциональные, когнитивные, социальные и культурные компоненты

жизненного пути человека. Важность изучения антропологического опыта через системный подход заключается в возможности обнаружения глубинных закономерностей, которые складывают понимание реальности и определяют повседневное взаимодействие индивидов в обществе.

В контексте системного дискурса, основной задачей категоризации антропологического опыта и понимания реальности является упорядочение и интерпретация человеческого опыта через структурирование знаний. Это непростой процесс, требующий глубокого понимания как сущности человеческой природы, так и способов, которыми мы взаимодействуем с окружающим миром. *Основные принципы, лежащие в основе этой категоризации антропологического опыта в системном дискурсе*, помогают отобразить его сложность и многообразие, связанные с онтологией самого человека.

Первый из этих принципов – это *иерархичность*. Системный подход предполагает, что все элементы реальности можно упорядочить в иерархическую структуру от наиболее простых до наиболее сложных. В контексте антропологического опыта это означает, что человеческие переживания, мысли, эмоции и социальные взаимодействия можно классифицировать по уровням сложности. Это позволяет лучше понять, как различные аспекты человеческой деятельности взаимодействуют между собой и формируют общий жизненный опыт.

Следующий принцип – *взаимосвязанность*. В рамках системного дискурса, все явления воспринимаются как взаимосвязанные и взаимозависимые. Это означает, что изменение в одном аспекте человеческого опыта неизбежно влияет на все остальные. Например, изменения в социальной среде влияют на эмоциональное состояние индивида, его мысли и поведение, что, в свою очередь, может влиять на его социальные связи и взаимодействия с другими людьми.

Третий принцип касается *многообразия подходов*. Системная теория признает, что для полного понимания человеческого опыта необходимо

применять различные методологии и теоретические подходы. Это может включать в себя как качественные, так и количественные методы исследования, использование теорий из разных научных дисциплин, таких как психология, социология, культурология и так далее. Такой интегративный подход позволяет системно анализировать и интерпретировать антропологический опыт в его полноте и многообразии.

Четвертый принцип связан с *адаптивностью*. В системном дискурсе особое внимание уделяется способности систем адаптироваться к изменяющимся условиям окружающей среды. В контексте человеческого опыта это означает, что индивиды и социальные группы постоянно адаптируются к новым социальным, культурным и технологическим реалиям. Понимание механизмов адаптации важно для анализа того, как люди и общества развиваются и меняются с течением времени.

Пятый принцип – это *динамичность*. Системный дискурс акцентирует внимание на том, что реальность непрерывно развивается и меняется. Соответственно, любая категоризация человеческого опыта и понимания реальности должна учитывать эту изменчивость и динамику. Это требует от исследователей гибкости в методах и подходах, а также открытости к пересмотру существующих теорий и концепций в свете новых данных и понимания.

Таким образом, эти пять основных принципов – иерархичность, взаимосвязанность, многообразие подходов, адаптивность и динамичность – формируют *фундамент системного дискурса в категоризации антропологического опыта*. Их применение помогает глубже понять сложную природу человеческого бытия и многообразие способов, с помощью которых мы осмысливаем и интерпретируем мир вокруг нас.

Таким образом, системный дискурс играет ключевую роль в понимании реальности, предоставляя теоретическую и методологическую основу для изучения и интерпретации антропологического опыта. Он формируется за счет целенаправленного взаимодействия между различными

элементами познания, объединяя их в единую систему с целью достижения комплексного осмысления сложной и многогранной природы человеческого существования. Для понимания реальности необходимо отходить от фрагментированного восприятия мира, признавая, что различные сферы человеческой деятельности – наука, искусство, религия, экономика и политика – взаимосвязаны и взаимозависимы. Системный дискурс предлагает перспективу, в рамках которой все эти аспекты могут быть интегрированы в единую концептуальную рамку, способствующую более полному пониманию реальности.

Следуя вышеприведенной логике высказываний, подчеркивая необходимость интеграции знаний, полученных в ходе различных научных исследований, и преодоления традиционных дисциплинарных границ, естествознание обретает социально-гуманитарное измерение, как и субъектная, *человекоразмерная реальность*, обретая тем самым статус философской проблемы. Учитывая сущность рационализма, сформулированного философами Нового времени как некоего порядка как атрибута Бытия («бытие упорядочено, разумно»), в то же время мы характеризуем порядок как определенный вид симметрии, по сути, определяемый в рамках антропологического опыта и как свойство нашего сознания воспринимать мир определенным образом.

Учитывая подобную постановку проблемы понимания бытия как упорядоченного единства, эксплицируя в антропологический опыт, предложим расширенную дефиницию принципа симметрии как подхода, сопряженного с принципом симметрии, определяющего логические конструкты в содержании картины мира как её рационально-эмоциональные образы. Такие образы становятся следствием учета факторов, обуславливающих функционирование целостного объекта и его развитие, раскрывающие картину мира через категорию субъекта познания и сопряженных с ним категорий.

Как мы отмечали в своих работах, принцип симметрии можно рассматривать как частный случай принципа структурности. Эвристический характер симметрии не ограничивается познанием законов природы, а в условиях познавательной ситуации, когда обнаруживается противоречие между эмпирическими данными и следствиями теории, задают новый вектор синтеза знаний, обуславливают новую структуру концептуализированной формы знания.

Смысловое содержание симметрии определяется в том числе ее этимологией и историческим контекстом применения данного понятия. Значения понятия «симметрия», которые мы выделяем как основные в данной связи, – это нечто пропорциональное и, равновесие. Вместе с тем, симметрия также понималась как соразмерность и гармония и, возможно это, в какой-то мере объясняет притягательную силу симметрии для человека, нам *нравится* симметрия, ее проявление в природе: «Само понятие, связанное с понятием красоты или гармонии, было дано великими греческими ваятелями»¹⁷⁷.

Сходным образом, на уровне физических абстракций мы тяготеем к идее симметрии, которая для нас приобретает обобщающее начало. Эта идея усматривается нами непосредственно, например, в физике симметрия может проявляться в пропорциональности – прямой или обратной: при прямой пропорциональности, например, силы к массе, мы подразумеваем, что увеличение значения силы будет увеличиваться количественное значение массы. Более сложное проявление симметрии мы усматриваем в теоретических физических законах. Относительно же симметрии как равновесия (состояние объекта), мы выделяем различные его виды в зависимости от наличия минимума или максимума потенциальной энергии, определяющей состояние объекта – от устойчивого до безразличного. Кроме того, *функциональное* представление о симметрии мы имеем исходя из обыденного опыта взаимодействия с зеркалами и на этой основе выделяем

¹⁷⁷ Баландин Р.К. Вернадский: жизнь, мысль, бессмертие. М., 1979. С. 59.

оси симметрии и различные ее виды, в том числе, поворотную симметрию и антисимметрию, а на уровнях абстрактных теоретических описаний соответствует различным видам инвариантности, например, калибровочная инвариантность (калибровочная симметрия), которую физики иногда называют глобальной. Важно понимать, что калибровочные группы симметрий не являются симметриями в привычном с точки зрения обыденного опыта симметриями подобно пространственным симметриям или даже пространственно-временным симметриям. Калибровочная симметрия «связана с внутренними степенями свободы элементарных частиц. Природа внутренних симметрий до сих пор не ясна»¹⁷⁸.

Открытие симметрии в кристаллографии и, позднее явлений изоморфизма и полиморфизма, еще более укрепило значение симметрии как обобщенной идеи, постепенно приобретающей методологический статус в научной деятельности. Однако роль симметрии в физическом познании существенно выше того, что изначально представляла собой симметрия в кристаллографии. Современная наука на основе обобщающей идеи симметрии физических событий имеет различные описания: от классического в рамках стандартной модели физики (квантовая физика и теория супергравитации), до неклассического описания физических событий фрактальной теорией, а также теорией суперструн. При различных теоретических формализмах и подходах, в данных концептуализированных формах знаний, таким образом, усматривается общая идея, обусловленная *суперпредставлением* о симметрии. Здесь мы добавляем приставку «супер» только для того, чтобы акцентировать такую познавательную ситуацию, когда генезис понятия «симметрия» и контекст данного понятия на различных уровнях репрезентации явления/явлений в сознании человека образуют единство и, таким образом, могут быть применены в качестве нового основания, исходной посылки (принципа) для последующих

¹⁷⁸ Коноплева Н. П. Калибровочные поля и Гравитация // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Физ.-матем. науки. 2011. №3. С.47

экстраполяций и концептуализаций. Многоаспектность идеи симметрии предполагает конкретизацию в процессе идеализирования объектов, процессов и явлений.

Ранее было отмечено нами, что такой вид симметрии был практически выявлен в кристаллографии и на этой основе позже переформулирован в методологический принцип, применяемый в естествознании, практически во всех его областях. Например, симметрия в физике, рассматриваемая по различным основаниям, обуславливает либо непрерывное, либо дискретное преобразование. В качестве основания симметрии рассматривают центр вращения, либо отношения между правым и левым соответственно. Если речь идет о непрерывном преобразовании, то следствием всегда будет закон сохранения. В то время как дискретное преобразование в классической физике к такому следствию не приводит. Вместе с тем, в рамках неклассических (квантовых) представлений такое противоречие между непрерывным и дискретным нивелируется.

В данном случае следствием «дискретного» преобразования будет выступать закон сохранения четности: «Четность остается неизменной в процессе эволюции изолированного ансамбля частиц. Четность состояний частицы, движущейся во внешнем сферически симметричном поле, определяется моментом импульса, а состояние частицы определяется тремя квантовыми числами: полной энергией, моментом импульса и проекцией момента импульса»¹⁷⁹. Сходным образом, симметрия между правым и левым с необходимостью рассматривается не только по отношению к природным системам¹⁸⁰, но также в исследовании культурных и ментально-психологических, в том числе и категориально-мыслительных симметрий.

Это вполне созвучно идеям рационального знания ещё со времен Пифагора. Его последователи определяли сущность мира симметрией числовых матриц, постулируя положение: «Все вещи суть числа». С одной

¹⁷⁹ Мартинсон Л. К. Смирнов Е. В. Квантовые числа и их физический смысл // Квантовая физика. М.: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2012.

¹⁸⁰ Князев В. Н. Концепции взаимодействия в современной физике. М.: МПГУ, 1991. С. 37.

стороны, числа представлены лишь в сознании человека, с другой – числа сопоставляются объектам, независимым от сознания человека. Идеализируя представление о симметрии на реальные объекты, в том числе и на астрономические тела, астрономы вследствие недостаточной точности инструментария и не развитой методологической базы были вынуждены экстраполировать некоторые положения об идеальном порядке и полагать, что все небесные тела движутся по совершенным симметричным траекториям – окружностям.

Но принцип симметрии в понимании мира восходит к самым простым, мифологическим образам культуры и мышления человека. Э. Тейлор, первый культурный антрополог в собственном смысле, писал: «Человек... научился соединять в мысли те вещи, которые он находил связанные между собой в действительности. Однако в дальнейшем он извратил эту связь, заключив, что ассоциация в мысли должна предполагать такую же связь в действительности»¹⁸¹. Подобные идеи не раз возрождались в культуре на различных этапах развития науки. В том числе это созвучно и кантианской идее, согласно которой законы природе предписывает разум. Подобные интерпретации, обусловленные пониманием симметрии как способности человека смотреть особым образом на определенные вещи, то есть обусловленные свойством нашего ума, а не имманентностью природе, мы обнаруживаем и в теоретической науке. В частности, исходя из выбора средств наблюдения по-разному характеризуется и процесс познания в различных областях¹⁸². Например, коллапсы волновых функций можно рассматривать лишь как теоретический конструкт, аккумулирующий в себе представление о вероятностном процессе проецирования свойств квантовых объектов на измерительную установку/прибор, а не как реально существующие объекты.

¹⁸¹ Тейлор Э. Первобытная культура. М.: Издательство Юрайт, 2019. С. 94.

¹⁸² См.: Фок, В. А. Квантовая физика и строение материи. Изд. 2-е, испр. Москва : Кн. дом «Либроком», 2010. 69 с.

Иными словами, свойства квантовых объектов образ/уются в сознании физика как некая суперпозиция эмпирических данных проекций измерительной установки, как теоретический конструкт, образ свойств квантовых объектов, наблюдаемых исследователем лишь принципиально (косвенно), а не непосредственно. Это вызывает в антропологическом опыте аллюзии в духе конструктивного эмпиризма и отсылку к известной притче «О слепых мудрецах и слоне», мораль этой истории как раз и заключается в том, что истина, или часть истины, доступна нам под разными углами зрения.

В данной связи, одним из важных аспектов, на котором мы акцентируем с позиции системного дискурса, – это роль контекста. Антропологический опыт не может быть полностью понят или объяснен в отрыве от социального, культурного и историко-научного контекстов, в которые он встраивается. Эти контексты действуют как системы или подсистемы, определяющие условия и границы для личного опыта и взаимодействия, то есть являющийся «системой внутренних и внешних условий жизни и деятельности человека, которая влияет на восприятие, понимание и преобразование им конкретной ситуации, придавая смысл и значение этой ситуации как целому, так и ее компонентам»¹⁸³. При этом мы разделяем внутренний контекст, обусловленный антропологическим опытом человека, его индивидуальными психологическими особенностями и, внешний контекст, осуществляемый в предлагаемых обстоятельствах с определенными пространственно-временными характеристиками. И роль данных контекстов, по Гейзенбергу, превалирует над объективностью познаваемых вещей¹⁸⁴. По сути, Гейзенберг, следовал тому пониманию, что квантовые теории являются абстрактными феноменологическими образованиями, оперирующими лишь эмпирическими величинами, обусловленными антропологическим опытом. В дальнейшем это стало одним из системных оснований возрождения полемики при выяснении отношения

¹⁸³ Качалова Людмила Павловна, Чашина Оксана Викторовна Контекстная задача как средство оценивания результатов обучения // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2017. №2 (34). С.78.

¹⁸⁴ См.: Гейзенберг В. Шаги за горизонт. – Сборник. Пер. с нем. / Общ. ред. и вступ. ст. Н. Ф. Овчинникова. – М.: Прогресс, 1987. С. 118.

достоверного и наглядного. В этом смысле, системный дискурс обогащает понимание антропологического опыта, подчеркивая, что человек и его действия, мысли, чувства и взаимоотношения находятся в постоянном взаимодействии с окружающими системами. Этот подход позволяет увидеть, как изменения в одном аспекте системы могут вести к каскаду изменений в других, и как индивиды и общности, конвенционирующие коллективное знание, адаптируются к этим изменениям или формируют новые системы взаимодействия.

Позже, изменение самого содержания принципа симметрии, обусловленного новыми подходами к классификации симметрии, сопряженных с увеличением числа классифицируемых признаков, определило особенности преобразований, фиксирующих изменение состояний природных систем. Независимо от наличия естественнонаучных смыслов, законы сохранения становятся дериватом принципа симметрии. В этом плане не представляется возможным обратное редуцирование такого типа, когда из известного физического закона мы могли бы вывести соответствующую ему симметрию. Несмотря на множество известных нам типов симметрий, мы все же руководствуемся идеей единства природы, обуславливающей системный взгляд на вещи и надежду, что известные симметрии являются частным проявлением более глубокого, пока не осмысленного содержания принципа симметрии.

Тем не менее, понимание упорядоченности связей и взаимообусловленности частей целого, целостных систем при наличии их инвариантности свойственно в целом обобщенному пониманию того, что мы исторически именовали и именуем до сих пор симметрией. В данной связи, к сопряженным понятиям, обуславливающим контекст симметрии и выражающим на каждом из этапов развития науки соответствующий симметрии полный смысл, мы относим такие понятия: структура, форма, сходство, повторяемость, ритм. Рассматривая симметричные паттерны квантовых частиц как проявления динамических субатомных процессов, мы

приходим к пониманию того порядка, когда «состояние покоя» рассматривается нами как симметрия (фиксированный в сознании образ), а «состояние динамики» антропологический опыт фиксирует как свойства асимметрии. Разумеется, установочно, мы исходим из идеи взаимосвязанности явлений субатомной действительности.

Рассматривая принцип симметрии (включая абстрактную симметрию) как универсальный коррелят познавательной активности человека, его современный мета-теоретический статус в научном познании, мы констатируем его ведущую роль в синтезе естественнонаучных знаний.

Развитие принципа симметрии связано с темпоральными модусами мира, отражающими определенную неизменность и преемственность структур во времени. При этом цикличность в развитии обусловлена комбинированием ассиметрии и симметрии, а переходы различных пространственных групп симметрий между собой выражаются сочетанием диссиметрии и симметрии. Субстанциональность материального мира выражается, как известно, фундаментальными взаимодействиями, которые также обладают сложными формами симметрии. Таким образом, выявление преемственности, осуществляемое как сохранение определенных структурных отношений во времени, позволяет говорить о симметрии развития, а симметрия приобретает критериальный статус развития.

Принцип структурности, дополненный идеями симметрии, является некоторым основанием категоризации антропологического опыта и создания рациональной картины мира. Эти идеи, принципы и категории играют важную роль в *концептуализации антропологического опыта в рамках структурно-системного подхода*.

Структурно-системный подход, включая также в себя системный метод, рассматривает картину мира как определённую структуру, раскрывающую её логико-гносеологические уровни посредством учёта знаний обо всех факторах, влияющих на её функционирование и развитие. Соединение методов системного анализа с теорией информации, векторным

анализом в многомерном пространстве состояния и синергетикой открывает в области структурирования рационального познания окружающего мира новые возможности. Здесь принцип системности играет определяющую роль, которая воплощается в представлении материи как структурно упорядоченного образования на основе понятия системы.

Из более нескольких десятков определений понятия «система», распространенных в академической литературе наиболее простое мы находим у Л. Берталанфи: «... система – это комплекс взаимодействующих элементов»¹⁸⁵. Такая организованность присуща материи в любых её пространственно-временных масштабах. Это определение является значимым во всех предлагавшихся до сих пор вариантах системного подхода, так как неформленность изменений в одном какого-либо отношении оказывается упорядоченностью в другом. Под элементом в теории множеств понимается единица множества, которая оценивается в качестве неразложимой в данном контексте (множества элементарных частиц, химических элементов). Вместе с тем совокупность элементов множества физической системой не является, её называют составом. При этом выделяют микро- и макросостав. Их систематизация производится на основании их существенных свойств.

Структурой системы называют совокупность связей, характерных для компонентов системы, определяющую строение, внутреннее устройство системы. Объектам множеств могут быть свойственны отношения различных видов, следовательно, в одной системе может быть несколько структур. Основными свойствами этих отношений являются рефлексивность, симметричность, функциональность транзитивность. Кроме того, в определённых отраслях знания рассматриваются объекты с переменной, нестационарной и т.п. структурой. При этом вид связи между объектами, когда изменение одного влечёт изменение другого, называют функцией, а

¹⁸⁵ Берталанфи фон Л. Общая теория систем. Критический обзор // Исследования по общей теории систем. М., 1969. С. 23–82.

постоянные суммарные характеристики состава и отношений между компонентами системы называются её свойствами.

На понятии системы базируется вся картина всеобщей структурированности материи; принцип структурности как раз и ориентирует исследователя на познание объективной реальности посредством выявления и характеристики элементов и других структурных образований системы и их взаимосвязей. Таким образом, структурное многообразие, то есть системность, является способом существования материи. Вместе с тем углубление представления о ней, реализуемое в физической картине мира, осмысление роли техники в современном мире, научные революции конца XIX – начала XX вв., усложнение социальных форм организации науки; формирование междисциплинарных областей знания, понятий, подходов, «научных достижений», серьёзные перестройки, новые структурирования областей «научного пространства» на каждом этапе развития науки неизменно возвращают метанаучную мысль к исследованию проблемы единства научного знания, обогащения рациональной картины мира в целом.

Философское откровение о том, что весь мир есть единое целое, заключённое в его материальности, интуитивно и созерцательно было высказано ещё Фалесом. Для наших современников ценность мысли Фалеса именно в этом, а не в угадывании того, что есть начало. Фалес как бы проникнул в сущность бесконечного количества отдельных вещей и предметов, существующих самостоятельно, без всякой связи между собой, и первый высказал, что при всём их разнообразии, они все имеют одно начало. Таким образом, уже у первых «физиков» философия мыслится как наука о причинах и началах всего сущего.

И хотя в качестве начала (принципа) в дальнейшем каждый философ будет предлагать своё, однако само требование восходить к началам и из них объяснять устройство мира и познания в основном сохраняется как часть вопроса о всеобщей связи явлений как связи материальной, принадлежащей

совокупности всех телесных вещей мира, то есть всей материи. Широко распространённый дисциплинарный подход к изучению мира, выраженный в дифференциации наук, не даёт возможности раскрыть более глубокие закономерности, присущие широкому классу взаимосвязанных явлений, не говоря уже о том, что он оставляет в тени взаимосвязь, существующую между разными классами явлений, каждый из которых был предметом обособленного изучения отдельной науки. Конечно, правильного представления о целом нельзя получить без познания его частей, поэтому системный подход вовсе не является синонимом интеграции. Системный подход – единство интеграции и дифференциации при доминировании тенденции объединения.

Системный подход включает в себя следующие основные этапы работы: выделение объекта исследования от общей массы явлений; очертание контуров, пределов системы, его основных частей, элементов, связей с окружающей средой; постановка цели исследования при выяснении структуры или функции системы, изменении или преобразовании её деятельности, наличии длительного механизма управления или функционирования. В связи с этим исследование систем не обязательно предполагает систему как материальный объект, но некоторую идеализацию сочетания возможных структур с целью выяснения критериев целесообразного или целенаправленного действия системы, её ограничений и условий существования. Отбор из числа совокупности альтернативных вариантов конечных репрезентаций осуществляется на основе выявления факторов, влияющих на систему, для представления возможных вариантов решения проблемы. Существенность факторов определяется по их влиянию на определяющие критерии цели. На этой основе составляется модель функционирования системы и её оптимизация режима существования при определении градаций решений по оптимальному эффекту, по функционированию (достижению цели). После проектирования оптимальных

структур, оптимальной схемы их регулирования проводится установление обратной связи по результатам функционирования.

Единство мира состоит в материальности. Все явления и процессы взаимосвязаны и взаимообусловлены. Однако неравномерность распределения материального субстрата в пространстве-времени в достаточно обособленные совокупности на всех уровнях организации материи даёт основания полагать, что интеграции доминирует над дезинтеграцией, интегрирующая структура является ведущей основой системы. В неживой природе такими факторами интеграции являются физические поля, в живых объектах – генетические, морфологические и другие взаимодействия, обществе – различные виды социальных отношений.

Вместе с тем интеграция, или единство материального содержания, или *состава*, различных тел, предполагает наличие общей составной части или общности всего состава. После открытия Бунзеном и Кирхгофом в 1859 г. спектрального анализа обнаружилась общность химического и изотопического состава всех известных нам тел. Открытие Дж. Томсоном электрона в 1897 г. привело к следствию, что химические виды вещества, казавшиеся ранее разобщёнными, имеют единство в силу наличия в их составе элементарной частицы, из которой строятся все атомные оболочки. В атомных ядрах также имеет место общая структурная частица – нейтрон, открытый в 1932 г., наряду с ранее известным протоном входящий в состав атомных ядер начиная с тяжёлого водорода. Открытие атмосферного давления показало, что воздух обладает весом, и это устранило разрыв между агрегатными состояниями вещества, то есть наличие общих признаков и проявлений внутренней сущности материальных объектов обуславливает единство их свойств.

Вместе с тем единство мира проявляется не только в общности состава, структуры и свойств его объектов, но и в общности его законов и форм его бытия. Идея структурного единства мира, обусловленного его материальностью, гомоморфизма, изоморфизма самых различных классов

явлений существенна для современного научного мышления. Такой научно-философский подход к качеству систем всё более выявляет их зависимость от структур. При этом «чистые» структуры в материальных системах онтологически не самостоятельны (они возможны только в абстракции), как не бывает и «чистых» элементов в структуре. Материальные системы суть единство элементов и структуры. Цели научного исследования порой заставляют нас абстрагироваться от материальных элементов и сосредоточиться на анализе структур для выявления их определённого сходства.

Однако абсолютизация этой односторонности при отвлечении от материального субстрата и построение на таком отвлечении целостного мировоззрения (например, структурализм) представляется в нашем исследовании ошибочным мировоззрением. Необходимыми условиями эффективности использования системного подхода для выявления универсальной закономерной связи, охватывающей собой все явления и вещи в мире, являются сочетания формализованных и неформализованных методов и языков описания, формальной и диалектической логики, методов анализа, дедукции, индукции, а также учёт человеческого фактора.

В результате применения системного подхода удаётся получить системные описания сложных физических явлений объективной реальности в «форме информации о системной организации сложного объекта, в которой отражается состав, структура, функции и другие системные характеристики. Такое описание адресовано, главным образом, зрительной системе человека. Для его построения используются различные виды кодирования и формы представления информации (знаковые, символические и изобразительные)»¹⁸⁶.

Таким образом, наряду с дифференциацией науки, усиливается её интеграция, основанная на объединении научных методов и на установлении общих закономерностей системного единства науки. Такое единство

¹⁸⁶ Ганзен В. А. Системные описания в психологии. Л., 1984. С. 14.

раскрывается убедительно и доказательно в результате открытия новых законов природы, равно как и законов, относящихся к жизни и деятельности человека и всего человеческого общества. Например, открытие законов химической термодинамики Вант-Гоффом и Гиббсом выявило глубокую сущность единства механической, тепловой и химической форм движения, а открытие электродинамики Максвеллом позволило глубже понять единство электромагнетизма и света (электромагнитная теория света). Вместе с тем осуществление Велером в 1828 г. искусственного синтеза органического соединения (мочевины) из неорганического на практике доказало отсутствие принципиального разрыва между органическими и неорганическими веществами.

Складывается такая интегративная тенденция в современной науке, которая выражает стремление познать объект как целое; знание объектов становится, по сути, результатом совокупной междисциплинарной познавательной деятельности, которая направляется определенными регулятивными принципами, аккумулирующими её опыт и выражающими объективные закономерности развития научного и технического знания в междисциплинарном (системно-структурном) подходе. Данный подход не является самоцелью. В каждом конкретном случае его применение может давать реальный эффект.

Системно-структурный подход представляет собой когнитивное образование в качестве некоторой системы или в качестве определённого компонента более обширного когнитивного образования, которое, в свою очередь, может быть рассмотрено как система более высокого ранга. Общей задачей такого системного исследования является анализ и синтез систем. При анализе мы выделяем систему из среды, определяя ее состав, функции, свойства, связи с другими системами. При синтезе создаём конструктивную модель реальной системы, повышая её уровень абстрактного описания, определяя полноту её состава и структур, базисы описания, закономерности динамики.

Таким образом, системный подход позволяет устранять пробелы в знаниях о данном объекте, обнаруживать их неполноту, определять задачи научных исследований, в отдельных случаях – путём интерполяции и экстраполяции – предсказывать свойства отсутствующих частей описания. Единство самих законов как более глубокое единство всего мира обнаруживается, когда новый открытый закон не только охватывает установленные факты, но и включает в себя частные законы, которые ранее рассматривались как обособленные друг от друга.

Научное знание предстаёт в философско-методологическом измерении в качестве сложной иерархической системы, где все компоненты и уровни органически взаимосвязаны. Вместе с тем необходимо учитывать, что последовательность систем в такой иерархии может быть неоднородной: системы обладают различной функциональной и структурной обособленностью и целостностью, то есть каждая разобъединённая предметная область имеет свои собственные законы, теории и понятия. Например, в середине XIX в. в физике существовало формальное, феноменологическое учение о теплоте и энергии – термодинамика с её двумя законами, принципами, или началами. Основой второго начала служило понятие энтропии, введённое Клаузиусом, как возрастающая функция состояния при необратимых процессах, а при обратимых – постоянная. С другой стороны, в математической статистике уже были разработаны законы случайных явлений. Больцман открыл универсальный закон ($S = k \ln W + C$, k – константа Больцмана, S – энтропия, W – вероятность состояния системы), связывающий второе начало термодинамики и законы вероятности; термодинамика получила статистическое истолкование и оказалась связана с молекулярно-кинетической теорией.

Рациональная картина мира возможна относительно некоторого условия. Этим условием выступает проблема единства научного знания, которая является по существу частным случаем проблемы системности в целом. Однако конкретная познавательная ситуация предполагает свое

разрешение в категориальном отношении целого и частного, определяя дискурсивность и целостность на каждом этапе развития знаний. При этом категории системы и структуры концептуально оформляются в контексте таких понятий как элемент, связь, когнитивная структура, организация, структурный уровень, уровень организации, форма организации, функция, функциональный уровень и так далее.

Различные формы бытия рассматриваются не как внешние, «наложенные» на содержание мира, но как органически слитые с ним, находящиеся в диалектическом единстве. Теория относительности показала изменение метрики пространства и времени как основных форм бытия от скорости движения материальных тел в специальной теории относительности, так и от друг друга (перераспределение гравитационных потенциалов в общей теории относительности). Вместе с тем своеобразно единство формы и содержания обнаруживается благодаря сходству различных законов природы, математически выражающихся в аналогичных формулах, несмотря на то что они охватывают различные в качественном отношении, то есть по своему содержанию, явления.

Например, закон всемирного тяготения, открытый И. Ньютоном, аналогичен по форме закону электростатического взаимодействия электрически заряженных тел (закону Кулона). Формальное сходство этих законов объясняется общностью, единством гравитационного и электростатического полей, посредством которых реализуются разные виды взаимодействия. Таким образом, формальное сходство законов качественно различных явлений, подобие их математического выражения, позволяет строить конструктивные модели соответствующих законов, наполняя их форму тем или иным содержанием с целью более полного, всестороннего изучения данной закономерности.

Возникновение системного метода научного исследования связано с именем австрийского биолога-теоретика Л. фон Берталанфи, сформулировавшего в конце 40-х годов XX в. программу построения общей

теории систем, автора фундаментального труда «Общая теория систем» (1968). Особенный интерес к исходным посылкам, концептуальной основе и понятийному аппарату системного анализа, к вопросам развития системного метода наблюдается в научном мире до сих пор как непосредственно в системном анализе, так и при «обработке информации и искусственного интеллекта, при «разработке критериев и моделей описания и оценки эффективности решения задач системного анализа, оптимизации, управления, принятия решений, обработки информации и искусственного интеллекта, специального математического и алгоритмического обеспечения систем анализа; при использовании методов идентификации систем управления на основе ретроспективной, текущей и экспертной информации; применения алгоритмов структурно-параметрического синтеза и идентификации сложных систем, их теоретико-множественный и теоретико-информационный анализ»¹⁸⁷, и так далее.

Согласно системному подходу, развивающаяся и функционирующая система, скажем, механистическая картина мира, являясь предельным случаем (в смысле принципа соответствия) более широкой релятивистской картины мира, в своих функциях неизбежно подчиняется целям этой последней (более широкой) системы, общие регулятивы развития которой могут быть поняты только при рассмотрении этого функционального подчинения.

Этот абстрактный системный принцип указывает нам путь к пониманию природы высших норм, определяющих человеческое рациональное познание, а настоятельная необходимость в системно-структурном подходе возникает там, где ставится задача изучить и логически реконструировать научное знание по его интегративным характеристикам, которые не могут быть осмыслены в рамках других подходов.

¹⁸⁷ См.: Паспорт специальности 2.3.1. Системный анализ, управление и обработка информации, статистика.
URL: <http://www.аспирантура.рф/nomenklatura>

Хотя понятие «система» означает целостное образование, несмотря на то что оно и состоит из частей и его функционирование существенно зависит от их свойств и характеристик, тем не менее система представляет собой принципиально новое (по отношению к частям) дискретное образование, обладающее особыми, только ему присущими синтетическими качественными характеристиками, не свойственными образующим его компонентам. Совокупности предметов и явлений, которые по приведённому выше определению системами не являются, Г. И. Рузавин называет агрегатами¹⁸⁸, которые не свойственны частям целого. Иными словами, целое не рассматривается просто как некоторая сумма частей. В этом проявляются неаддитивные свойства системы как целого. Поэтому понимание системы как целого, познание ее сущности не замыкается только на познании ее частей/агрегатов, элементарных процессов.

В научной литературе неаддитивные свойства системы, в угоду западной литературе, иногда называют «эмерджентными», а концепцию системы, акцентирующую внимание на несводимости характеристик целого к характеристикам частей, называют «холизмом». Таким образом, в основе системного подхода находится идея о целостном рассмотрении взаимодействия предметов и процессов.

Теоретическая модель образования и функционирования картины мира как системы предполагает:

– наличие существенных связей, фактов, законов, фиксируемых в теориях как системе онтологических утверждений и конструктивных упрощений и являющихся структурными компонентами принципов, лежащих в основаниях картины мира;

– преобладание роли внутренних связей основной концептуализированной формы знания, отражающих непосредственное

¹⁸⁸ Рузавин Г. И. Методы научного исследования. М., 1975. С. 7–13; Рузавин Г.И. Научная теория: Логико-методологический анализ. М., 1978; Рузавин Г.И. Синергетика и принцип самодвижения материи // Вопросы философии. М., 1984. № 8. ; Рузавин Г.И. Системный подход и единство научного знания // Единство научного знания. М., 1988. С. 237–252.

бытие предметов и его свойств по отношению к внешним связям (с другими частными теориями как формами концептуализированного знания);

– активно преобразующее влияние картины мира на свои компоненты (факты, законы, теории), которое заключается в том, что при конкретизации принципов картины мира теория приобретает качества, необходимые для оптимального функционирования системы;

– устойчивость свойства системности, обеспечивающая категориальный физический картины мира как сложноорганизованной системы в изменяющихся условиях.

Перспективы развития системного дискурса в антропологии напрямую связаны с интеграцией смежных дисциплин и использованием междисциплинарных методологий. Так, привлечение знаний из социологии, психологии, когнитивной науки и информатики позволяет более полно раскрыть механизмы функционирования антропологических систем, а также способы их адаптации и трансформации в условиях постоянно изменяющейся социокультурной среды. В данной связи, системный подход не только является ключевым понятием современного взгляда на мир, но и всегда был свойственен фундаментальным естественнонаучным исследованиям. Например, эту традицию развивал Д. И. Менделеев, который в своей периодической системе сумел объединить все многообразие достижений химической науки за сотню лет: химия держится «понятия о многих элементах, подчинённых дисциплине общих законов...»¹⁸⁹. За философской мыслью Менделеев признавал «нераздельную, однако и не сливаемую, познавательную трицу вечных и самобытных: вещества (материи), силы (энергии) и духа...»¹⁹⁰. Если бы Менделеев подошел к вопросу о соотношении природы и духа исторически, то есть диалектически, то не рассматривал бы сознание как нечто вполне самостоятельное, самобытное. Нам представляется, что метафизическая постановка вопроса об

¹⁸⁹ Менделеев Д. И. Периодический закон. М., 1958. С. 222.

¹⁹⁰ Там же. С. 470.

изначальности и вечности духа является в данном случае гносеологической предпосылкой для дуализма, несмотря на оговорку: «духовное мыслимо лишь в абстракте, в действительности же познается лишь через материально ощущаемое, то есть в сочетании с веществом и энергией...»¹⁹¹. Свою непоследовательность философского материализма Менделеев называет «реализмом».

С появлением в начале XX века субатомной физики, органической химии и теории химического строения вещества системный подход стал приобретать более выраженный характер. Так, А.М. Бутлеров сумел экспериментально доказать и теоретически обосновать необходимость преодоления ограниченности количественно-суммативного понимания целостности, когда целое определялось как сумма частей, а часть являлась некоторым его количеством¹⁹². Он показал, что качество молекулы имеет системные характеристики и определяется ее внутренним содержанием, количеством элементов, природой связей, порядком расположения атомов, их химическим строением. В зависимости от местоположения в структуре системы атомы по-разному могут оказывать влияние друг на друга в процессе синтеза.

В системе академика В.И. Вернадского воссоздана целостность биосферы путем объединения геологической истории Земли с историей живой материи. В понятии ноосферы он учел влияние технологической деятельности людей на биосферу. В XX веке во многом благодаря именно В. И. Вернадскому системность в исследованиях земно-космических взаимосвязей приобрела характер всеобщего принципа и получила эмпирическое обоснование, в том числе, в учении о биосфере.

В кибернетике теоретической и практической основой служит единство типов всеобщей закономерной связи явлений, которое проявляется лишь с формальной стороны в сходстве и аналогии соответствующих законов.

¹⁹¹ Там же.

¹⁹² Бутлеров А.М. Научно-популярные и исторические работы по химии // Соч. Т. 3. М., 1958.

Несмотря на глубокое качественное различие по своему содержанию технических, естественных, психических и общественных процессов, в их закономерностях существенно общее, которое раскрывается у любого явления в процессе управления им (или его самоуправления), которая выражает внутреннюю необходимость этого процесса. Таким образом, естествознание, начиная с разработки атомистических идей в физике, активно использует и развивает универсальный системно-структурный подход к объектам реального мира.

На этом фоне особое значение приобретают опубликованные в различные годы классические образцы системного познания мира в философии русского космизма и антропокосмизма: философии всеединства Н.Ф. Фёдорова и П.А. Флоренского¹⁹³. Эти исследования позволяют представить принцип системности в особом роде мировоззрения, миропонимания и философской концепции, оценить его возможности как общенаучной методологии синтеза в тех гносеологических и поисковых ситуациях в науке, когда объектом познания становятся (осознано или интуитивно) системные образования. Подобный подход обуславливает важную тенденцию в развитии системного дискурса с ориентацией на анализ транснациональных и транскультурных процессов, которые в современном мире приобретают все большее значение. Изучение перемещения культурных практик, идей и значений через границы государств и культур в системной перспективе позволяет выявить сложные процессы взаимодействия и интеграции на глобальном уровне, а также способствует более глубокому пониманию процессов глобализации и мультикультурализма.

В данной связи особое место отводится философским компонентам науки как единого целого. По мысли Н. Г. Чернышевского, философские, этические концепции не являются нейтральными по отношению к научному

¹⁹³ См.: Лыткин В. В. Человек в культуре. Философские, антропологические, региональные аспекты культуры и русского космизма: монография / кол.авторов; отв.ред В.В. Лыткин. – Москва : РУСАЙНС 2024. – 178 с.

познанию, а органически присущи воззрениям учёных, вплетаются в ткань научной теории и влияют на общее развитие науки, обуславливая её просветительскую ориентацию. Однако социально-психологический фон в XX веке оказался таким, что именно иррациональная компонента современных физических теорий стала придавать им высокий пиетет. Время от времени ажиотаж вокруг физических концепций создаёт замкнутый круг из иррациональных физических мифологем и разорванного сознания современного человека.

Вместе с тем собственно объяснительные и эвристические возможности принципа системности нашли отражение в работах Г.Я. Ярошевского, посвященных изучению научного наследия одного из основателей мировой и отечественной психологии Л.С. Выготского. Эти взгляды созвучны современным понятиям культурно-исторической эпистемологии о том, что формирование системного единства научного знания следует рассматривать в широком аспекте исторического развития культуры. И чем сложнее системное образование, тем более выраженным становится системный подход при его познании.

Широкое распространение этого подхода к изучаемым явлениям в физике позволило осмыслить с помощью картины мира как особой системы понятий и методов исследования данные современной физики, объединив их и объяснив в наиболее общей физической теории. Применение системного подхода, по сути, противостоит механицизму и исходит из понимания мира (не только объекты, но и процессы) как сложной самоорганизующейся системы. Такой подход стал широко применяться во второй половине XIX века, когда в физической теории «появились», во-первых, немеханические объекты (электромагнитное поле) и, во-вторых, поставилась под сомнение адекватность динамических закономерностей, обуславливающих однозначность детерминизма, в статистической физике Маквелла–Больцмана–Гиббса.

Таким образом, возникновение самого системного метода и его применение в науке характеризуют значительную возросшую зрелость современного этапа ее развития. Это проявляется, в частности, и в том, что междисциплинарный подход, сменивший дисциплинарный, стал всё шире применяться для установления связей и закономерностей, присущих разным областям явлений. Исследуемый объект стал рассматриваться как целостная, определённым образом организованная система компонентов, обладающая значительной степенью устойчивости. Поэтому синтезирующая роль принципа системности основывается на возможности единства, общих характеристик у объектов различных структур и уровней организации, а свойства данной системы как целого зависят от природы исходных компонентов, их количества, способов их связи и взаимодействия.

Сложный объект в целом никогда сразу понять невозможно. Сложность объекта устанавливается нами по ряду признаков, в частности это возможность выделить подсистемы и установить их обеспечивающие функции в сложной иерархии. Поэтому познание объекта в целостности означает синтез ранее полученных об объекте знаний, их объединения или, точнее говоря, логической организации всего наличного знания, относящегося к изучаемому теорией кругу явлений, в структуру внутренних связей, образованных из взаимосвязанных, взаимодействующих и взаимопроникающих компонентов. Иными словами, структурированность является также одним из основных признаков сложности объектов.

Так, основные требования дополнительности (комплементарности) как междисциплинарного подхода научного исследования применительно к данной познавательной ситуации можно сформулировать следующим образом: для воспроизведения целостности явления на определённом этапе его познания следует применять взаимоисключающие и взаимоограничивающие «дополнительные» классы понятий, которые могут использоваться обособленно в зависимости от конкретных

(экспериментальных и других) условий, но только взятые вместе исчерпывают всю поддающуюся определению и передаче информацию.

Качественное своеобразие такой системы определяется не столько природой составляющих её компонентов, сколько способами связей, организацией их в целостную устойчивую систему. Представление о сложноорганизованном объекте картины мира как системе выдвигает и такие теоретико-методологические и специально разрабатываемые вопросы прикладного характера как определение оптимальных вариантов конструирования картины мира, классификация теорий, структурных компонент, в свою очередь также являющихся сложноорганизованными объектами.

Технологический прогресс также оказывает заметное влияние на развитие системного дискурса в антропологии. Внедрение цифровых инструментов анализа, таких как машинное обучение и большие данные, открывает новые возможности для изучения антропологических систем в гораздо большем масштабе и с высокой степенью детализации. Это позволяет не только выявлять скрытые закономерности в социокультурных процессах, но и предсказывать их развитие, прибегая к моделированию системных взаимодействий.

В заключение, системный подход в контексте антропологического опыта открывает новые перспективы для понимания сложности человеческой природы и реальности. Он позволяет углубленно анализировать многогранность и плетение различных аспектов антропологического опыта, обеспечивая более глубокое и всестороннее понимание человека как сложной системы, действующей в рамках и под влиянием других систем.

Развитие системного дискурса в антропологии открывает новые возможности для понимания сложносочиненных структур антропологического опыта и взаимодействия человека с реальностью. Системный подход, подразумевающий анализ социокультурных феноменов через призму их взаимосвязей, взаимозависимостей и функционирования в

рамках целостных структур, способствует более глубокому осмыслению антропологических данных. В контексте антропологии системный дискурс фокусируется на изучении человека как элемента различных систем: от микросистем личностных взаимодействий до глобальных социокультурных комплексов.

Новым результатом исследования в данном разделе стало предметное описание и концептуализация принципа структурности картины мира человека в его соотнесённости с философско-антропологической проблемой категоризации реальности в антропологическом опыте.

Установлено, что концептуализация системно-структурной картины мира человека связана с осуществлением категоризации реальности как в антропологическом опыте, так и в его теоретико-логических конструкциях. Единство отношений и связей между элементами картины мира человека составляет описание и понимание как материальных предметных систем, так и социально-идеальных предметностей, наличных в любой пространственно-временной точке реальности.

Развитие системного дискурса в антропологии открывает новые возможности для понимания сложносочиненных структур антропологического опыта и взаимодействия человека с реальностью. Системный подход, подразумевающий анализ социокультурных феноменов через призму их взаимосвязей, взаимозависимостей и функционирования в рамках целостных структур, способствует более глубокому осмыслению антропологических данных. В контексте антропологии системный дискурс фокусируется на изучении человека как элемента различных систем: от микросистем личностных взаимодействий до глобальных социокультурных комплексов.

Системно-структурное единство рациональной картины мира основывается на категориальных принципах, отражающих всеобщие законы организации и самоорганизации природных и социокультурных систем. Это

опровергает дихотомии догматической метафизики и идеалистической онтологии, связанные с противопоставлением земного и небесного мира, божественного и человеческого, наблюдаемой эмпирической реальности и трансцендентного бытия. Подобный идейный денотат мы рассматриваем в качестве продукта индоевропейского мышления, где основанием является дифференциация и редукция к первопринципам первичного хаоса (непознанного), а следствием – принципы континуальности выявленных элементов как целого.

Технологический прогресс также оказывает заметное влияние на развитие системного дискурса в антропологии. Внедрение цифровых инструментов анализа, таких как машинное обучение и большие данные, открывает новые возможности для изучения антропологических систем в гораздо большем масштабе и с высокой степенью детализации. Это позволяет не только выявлять скрытые закономерности и основные тенденции (тренды), в социокультурных процессах, но и предсказывать их развитие, прибегая к моделированию системных взаимодействий.

Итак, перспективы системного дискурса в антропологии не ограничиваются лишь академическим интересом. Они предвещают эволюцию понимания человека и его места в мире, обещая более глубокое осмысление антропологического опыта и новые подходы к управлению социокультурными процессами в условиях глобальных вызовов современности.

3.2. Культурно-генетическая репрезентация антропологического опыта в рациональном познании мира

Второй параграф данной главы призван раскрыть содержание и принципы историзма в трактовке антропологического опыта в рамках темпоральной дивергенции и культурно-генетического обоснования, что позволило выявить историческую динамику в познавательных императивах человека и реальной картине мира.

Прежде всего, рассмотрим проблему *концептуализации историзма в понимании антропологического опыта в рамках темпоральной дивергенции, филогенетической и онтогенетической.*

В современном научном мире вопросы культурно-генетической репрезентации антропологического опыта занимают особое место на перекрестке антропологии, философии и генетики. Они раскрывают глубокие связи между наследственными факторами и культурными процессами, формирующими человеческий опыт и познание. Размышления о том, как генетические особенности влияют на формирование культурных практик и, в свою очередь, как культурный контекст воздействует на выражение генетических склонностей, становятся ключевыми в понимании человека как биокультурного существа.

Погружение в тему культурно-генетической репрезентации открывает новые горизонты для рационального познания мира, позволяя расширить границы традиционных подходов к изучению человека. Этот подход предлагает комплексный взгляд на антропологический опыт, подчеркивая взаимодействие и взаимозависимость культурных и генетических аспектов развития человечества. В контексте постоянно развивающегося мира такой анализ помогает глубже понять сущность человека, его прошлое, настоящее и возможные пути будущего развития.

Рассматривая историю развития мышления человечества (филогенез) на всех ступенях развития общества, мы обнаруживаем, что материальная

деятельность людей не только предшествовала их духовной деятельности, но и стимулировала и определяла собой последнюю. Например, открытие закона сохранения и превращения энергии в середине XIX века было вызвано в первую очередь потребностями развития техники и теоретического обобщения накопившегося практического опыта по применению паровых машин. Предмет познания рассматривается в истории человечества не пассивно, а действенно, с позиций его переделки и практического использования, ведь познание совершается ради практических интересов человека. Сам процесс познания понимается исторически как процесс возникновения и развития знания из незнания, как переход от непознанного к познанному.

Предположение о том, что мы можем постигать природу, строится на основе её представления как динамического процесса. По Г. Риттеру: «... всё, что мы должны постичь в других жизненно, мы должны сами усвоить так, чтобы мы были в состоянии воспроизвести в себе тип»¹⁹⁴. В этом случае, постигая природу, мы постигаем себя – то, что дано *при/рода*[x]. Ф. Шлегель писал в работе «Развитие философии»: «... история охватывает всё становление ... все подразделения носят позднейший и относительный характер»¹⁹⁵. Действительно, в гуманитарных науках сам объект историчен, претерпевает существенные изменения за время исследования. Культурные аспекты понимания антропологического опыта также выступают и в качестве фильтров рационального познания, подчеркивая, как определенные представления могут формироваться, поддерживаться или изменяться в зависимости от культурного контекста. Это взаимодействие между культурной спецификой и антропологическими основаниями позволяют раскрыть многоуровневую природу человеческого познания, где каждая культура способствует формированию уникального угла зрения на мир, предоставляя различные способы интерпретации и восприятия реальности.

¹⁹⁴ Огурцов А. П. От натурфилософии к теории науки. М., 1995. С. 217.

¹⁹⁵ Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика. Т. II. М., 1983. С. 179.

Однако, естествознание имеет дело с объектом, который не претерпевает существенных изменений за время исследования, поэтому и стремится абстрагироваться от воздействий человеческой деятельности на объект, понять природу, существующую саму по себе. Однако в XX веке естественные науки отмечают сложный характер субъекта и объекта в научном исследовании, представляющий собой специфическую деятельность. Любые попытки построения исторического знания есть не что иное, как самооценка – здесь объект и субъект исследования *конфлюэнтны* (*перетекают* друг в друга).

Помимо того, обнаруженная объектно-субъектная конфлюэнтность в культурных традициях и обычаях, играет решающую роль в сохранении и передаче антропологического опыта, обеспечивая тем самым долговременное сохранение знаний. Примеры такого передачи включают устное народное творчество, которое служит не только хранилищем истории и культуры, но и механизмом обучения и социальной адаптации. Обряды перехода, семейные традиции, образы в искусстве – все это несет в себе сложные слои антропологического смысла, раскрывая перед человеком пути к пониманию многообразия мировых культур и способствуя развитию глобальной социальной эмпатии. Изучение культурных аспектов антропологического опыта открывает путь к пониманию того, как знания, ценности и убеждения формируют нашу реальность, как они передаются сквозь поколения и как они могут изменяться под влиянием внешних и внутренних факторов.

Таким образом, культурные аспекты антропологического опыта занимают центральное место в изучении рационального познания мира. Они позволяют ученым и исследователям различных дисциплин не только лучше понять, как формируются индивидуальное и коллективное сознание, но и раскрыть потенциал культурного разнообразия как ключа к обогащению человеческого опыта и развитию более глубокого и комплексного взгляда на мир.

В изучении рационального познания мира важное место занимает раскрытие генетических основ этого процесса. Современные исследования в области генетики и нейронауки открывают новые горизонты в понимании того, как биологическое наследие человека предопределяет его способность к рациональному мышлению и аналитическому восприятию мира. Эта перспектива особенно значима для антропологии, поскольку она стремится осмыслить культурно-генетическую репрезентацию антропологического опыта.

Генетические исследования указывают на наличие конкретных генов, влияющих на когнитивные способности человека, такие как память, внимание и способность к обучению. Эти гены играют ключевую роль в формировании нейронных сетей, которые, в свою очередь, являются основой для развития рационального мышления. Таким образом, генетический код человека может определять предрасположенность к определенным когнитивным стилям и стратегиям познания.

Культурный контекст, в который рождается индивид, также оказывает влияние на развитие его когнитивных способностей. Культурные традиции, язык, образовательные практики формируют уникальный опыт, который интегрируется с генетическим наследием, влияя на развитие рационального мышления. Этот процесс можно рассматривать как взаимодействие генетически предопределенных способностей с культурно специфическими способами их реализации.

Примечательно, что определенные культурные практики могут стимулировать развитие когнитивных функций, которые заложены генетически, но не были бы полностью реализованы без соответствующего культурного контекста. Например, культура, акцентирующая внимание на литературных и математических знаниях, может способствовать развитию высокой степени абстрактного мышления и аналитических способностей у индивидов, обладающих генетической предрасположенностью к этим особенностям.

Таким образом, генетические основы рационального познания мира представляют собой комплексное поле исследований, требующее интеграции данных из генетики, когнитивной науки и культурной антропологии. Разгадывание этой сложной взаимосвязи позволит глубже понять механизмы рационального мышления и способствовать разработке методов их эффективного развития и коррекции в различных культурных контекстах.

Интересно, что генетическое влияние на когнитивные способности не является статическим или абсолютным. Пластичность мозга позволяет культурным и образовательным воздействиям модифицировать и даже усиливать рациональные способности, что указывает на сложное взаимодействие генетических и культурных факторов в процессе познания мира, в процессе осуществляемой человеком деятельности.

«Естественное» движение инструментовки познания и деятельность учёного, организующего эту деятельность путём системотехнического действия, становятся компонентами единой системы. Способ функционирования такой системы непосредственно задаётся её социальной обусловленностью. Иными словами, учёт соответствующей роли ценностных элементов науки, с необходимостью обуславливающих картину мира, позволяет проводить чёткое различие между природой как независимым от сознания науки объектом и картиной мира, которая связана с уровнем познавательной способности и имеет возможность быть социально обусловленной. Такое понимание можно сравнить с тем, как мы понимаем человека, говорящего с нами. Не только отдельное слово, отдельное предложение, воспринимаемое нами, но и отдельное высказывание есть для нас одно проявление его внутренней жизни; и мы принимаем это высказывание как свидетельство о его внутреннем мире. Понимающий, который сам целостность в себе, также, как и тот, кого он должен понять, дополняет себя его целостностью из единичного выражения, а единичное выражение из его целостности.

Таким образом, культурное влияние является основополагающим в процессе познания антропологического опыта; с точки зрения современной антропологии, культура и генетика находятся в тесном взаимодействии, влияя друг на друга. Этот процесс можно рассматривать как двустороннее взаимодействие, где культурные практики формируют генетические адаптации, а генетические особенности влияют на культурные представления. Такой подход помогает углубить понимание того, как культурные практики и взгляды способствуют генетической адаптации, и наоборот. Механизмы культурной адаптации, таким образом, становятся ключевыми в изучении антропологического опыта в рамках рационального познания мира.

Эту социокультурную обусловленность в рациональном познании можно было не учитывать, когда теория была неразрывно сращена с методологией. Она входила в познавательную деятельность без особой фиксации, благодаря самому факту сращения. Однако, в связи с взаимным отчуждением этих двух слоёв познания, их единство приходится *специально организовывать*. Здесь необходим аппарат, социальная детерминация которого является определяющим условием функционирования самой системы. Поэтому усложняется картина взаимодействия естественнонаучного знания с философией, в связи с чем выявление субстанциональных свойств понятийной системы – философской по своим масштабам и «антифилософской» по своему генезису и логической функции – затрудняется. Понятийная система картины мира составляет основу для категориального аппарата логического конструирования мира как мысленной целостности. А его конкретизация при анализе объективной значимости сопряжена с системным подходом, который требует от субъекта при историческом исследовании в центр познания ставить представление о целостности.

Развитие научного знания сопряжено с усложнением в сознании ученого структурно-функциональных связей между разнородными

компонентами знания, а по сути происходит повышение системности в понимании человеком соотношений между понятиями, фактами, законами, иными видами знания. Оперирование разнопорядковыми понятиями, а также преодоление односторонности в интерпретации фактов возможно лишь при изучении систем не в противопоставлении, а во взаимосвязи части и целого. Подобно тому, как анализ сопровождается синтезом, этап дифференциации наук циклическим образом сменяется междисциплинарными исследованиями.

В данной связи развитие научных коммуникаций, средства массовой информации и цифровых технологий также вносят свой вклад в репрезентацию антропологического опыта, предоставляя платформы для обмена знаниями и культурным взаимодействием на глобальном уровне. В эру цифровизации возможности для кросс-культурного общения и познания выходят на беспрецедентно высокий уровень, позволяя людям из различных уголков мира делиться собственным антропологическим опытом, преодолевая географические, языковые и культурные барьеры. Принцип историзма же призван расширить и углубить представление о конструктивности любой понятийной системы.

В ходе развития научного познания, и прежде всего на этапе развития классических теорий, наблюдается своеобразная «инверсия», когда методологической основой становится не какая-либо философская система, а конкретно-научная теория, претендующая на статус всеобщего обоснования всех остальных научных теорий.

Исследование культурно-исторической репрезентации антропологического опыта в рациональном познании мира представляет собой мультидисциплинарное поле, на стыке культуры, биологии (естествознания в целом), технических наук и социологии. Оно требует комплексного подхода, объединяющего усилия исследователей из разных областей для создания целостной картины человеческого опыта и его взаимодействия с миром, позволяя тем самым расширить границы нашего понимания человека и его места в очень сложном и динамично меняющемся

мире. Сопряжение исторического и культурно-генетического подходов в рамках конкретно-исторического и культурологического предполагает выявление способов конструирования картины мира.

Науки, которые изучают мир, взятый «сам по себе», исторически формировались под влиянием тех же факторов и идеалов научности, которые формировали и картину мира. Это было достигнуто в естествознании соединением математического фундамента и эксперимента. Такое соединение возможно только при выделении субстанционального свойства как определяющей стороны, что является: «... свидетельством высшего уровня эмпирического понимания предмета и предпосылка его теоретического изучения»¹⁹⁶. С этого момента определяется связь исторического и логического, задающая механизм конструирования различных типов интерпретационных систем на базе фундаментальной физической теории – от механистической физической картины мира до квантово-полевой картины мира и так далее.

Вариативность результата при таком соединении объясняется тем, что при соотнесении объективных и субъективных факторов в историческом процессе попытка создания универсальных исследовательских моделей неизбежно определяет множественность подходов к трактовке природных процессов через призму научных событий.

Явления, которые мы соотносим к природе или истории, имеют другие предикаты, чем только быть в пространстве и времени, так как мы знаем их эмпирически, уже на уровне антропологического опыта, соотнесённого с принципом историзма.

В явлениях реального мира, природных, социальных и человеческих, мыслящий дух постигает непрерывное: правило, закон, материю. Единообразие периодического возвращения (форм) низводит временной момент их движения до второстепенного момента, не для их бытия, а для нашего восприятия и понимания. Таким образом: «... сущностью

¹⁹⁶ Кумпф Ф., Оруджев З.М. Диалектическая логика. Основные принципы и проблемы. М., 1979. С. 118.

исторического метода является открытие из бытия [объектов] их становления, а из становления их бытия»¹⁹⁷. Как следствие мы понимаем, что физика есть не природа, а *способ созерцания* природы, но мы считаем научные результаты физики как науки достоверными путём принятия их как истинных через наше знание.

Конструирование картины мира с использованием исторического подхода определяется *фундаментальным регулятивом темпоральной дивергенции*, который фиксирует расхождение признаков функционирования объекта научного исследования по временной шкале, вызванное закономерно-генетическими или вероятностно-историческими предпосылками. В этом отношении изменения типа развития очень близки к изменениям типа функционирования. В системе, статистической по своим состояниям, но динамической по своим переходам (например, идеальный газ), заложена возможность к саморазвитию, ибо увеличение её флуктуаций может привести к необратимым последствиям. Система, классическая по своим состояниям, но статистическая по своим переходам (например, броуновские частицы), связана с необратимостью и, стало быть, на классическом уровне состояние такой системы может восприниматься нами как случайное. Микросистемы являются статистическими как по своим состояниям, так и по переходам, то есть сильно флуктуируют по начальным данным и конечным состояниям. Таким образом, на всех уровнях неравновесность есть то, что порождает порядок из хаоса.

Как принцип историзма становится *познавательным императивом в понимании человека и формировании картине мира?*

Трансформации в любых типах развития очень близки к изменениям типов функционирования, поэтому методология познания конкретизируется в качестве фундаментального регулятива *темпоральной дивергенции* при использовании культурно-исторического подхода в конструировании картины мира и распадается на ряд познавательных императивов.

¹⁹⁷ Дройзен И.Г. Историка: Лекции об энциклопедии и методологии истории. СПб., 2004. С. 559.

1. Императив субстанциональной ретроспективности

Специфика этого требования в научном познании проявляется в использовании принципов *актуализма* и *гносеологической ретроспекции*. В свою очередь одним из условий применимости гносеологической ретроспекции является применение принципа, обусловленного представлениями о неизменности физических законов. Суть принципа актуализма можно выразить формулой: «Настоящее – ключ познания прошлого». Естественно, что при изучении прошлого нет ничего необычного: знать прошлое не значит идти вспять. В таком познании ещё не выработаны конкретные процедуры, а предполагается только направление, в котором ведётся исследование. Возможность переноса знания, полученного при изучении процессов, совершающихся в настоящее время на процессы, происходившие в прошлом, обуславливается следующими положениями.

Генетическая обусловленность прошлого, настоящего и возможного будущего в определенном смысле позволяет нам из настоящего прояснять прошлое, то есть современное знание обладает «лучшей версией» интерпретации знания прошлого и позволяет нам не только прояснять факты прошлого, как исторические, так и научные факты, но и познавать само прошлое.

Говоря о настоящем, мы подразумеваем определенный этап исторического развития и соответственно структура нашего опыта и наших представлений о мире уже содержит исторический контекст, подобно тому как принцип соответствия исключает парадигмальность в физике и определяет условия «вырождения уравнений» на основе исключения (идеализации) специфических условий, выраженных характеристическими ее членами. Подобным образом, структурные уровни картины мира организуются путём включения предшествующих ступеней развития. Это означает, что, применяя принцип гносеологической ретроспекции, предполагающий проведение анализа процессов прошлого на основе имеющихся данных о подобных процессах в настоящем, мы обнаруживаем

повторение одних и тех же сочетаний, которые обуславливают, помимо присутствия особенного на каждой из ступеней развития, существование и общего. То есть, чтобы воспроизвести реальный исторический процесс возникновения и развития картины мира, нам необходимо исходить из её сущности. Такого рода анализ и позволяет проецировать на прошлое современные знания, чтобы рекурсивно осуществить репрезентацию истории исследуемого предмета. Иными словами, метафорическим решением этой проблемы является положение о том, что более развитая система является ключом для понимания более простой.

Далее, мы исходим из констатации *темпорального тождества* объекта самому себе даже в условиях его дивергенции (расхождение признаков по временной шкале). В гносеологическом аспекте предполагается, что многие физические теории, как исходные, так и обобщённые, основываются на единой концепции пространства-времени. Значит и устойчивость, выявленная на основе вариативности в условиях преемственности опыта и составляет основу принципа неизменности физических законов, без которого применение принципа гносеологической ретроспекции в одном из требований субстанциональной ретроспективности необоснованно.

Характеризуя дополнительно принцип актуализма, отметим, что сфера применения его значительно уже принципа историзма, который требует сопоставления не только настоящего с прошлым, но и различных этапов прошлого друг с другом. Кроме того, при сопоставлении настоящего и прошлого важно учитывать не только факт их преемственности, но и наличие качественных различий. Разность состояний объекта, характеризующую процесс развития нельзя не учитывать при исследовании.

Характеризуя дополнительно принцип униформизма, обусловленный представлениями о неизменности физических законов, напомним, что он основывается на признании устойчивости, покоя, единообразия в ходе развития. Существование единообразия как в пространственном, так и во временном отношении не вызывает сомнения. Если бы не было

устойчивости, единообразия, то каждый раз нам приходилось бы говорить о развитии чего-то нового (метафизика). Так, когда мы говорим о развитии какого-либо физического процесса, мы твёрдо уверены, что развивается именно этот физический процесс. Следует отметить, что мы не абсолютизируем это единообразие и не противопоставляем, не отрываем его от других сторон развития, поэтому невозможно представить данный принцип как метафизичный. Таким образом, принцип униформизма в познании физических объектов требует учета наличия устойчивости (неизменности физических законов, их инвариантности) в процессе развития.

Вместе с тем абсолютизация настоящего ведет к *презентизму*, то есть истолкованию прошлого в терминах современности, при котором представление исторических событий, их оценка происходит без учёта исторической уникальности и специфики различных этапов развивающегося предмета.

Презентизм полагает, что история нужна не для реконструкции прошлого, а как материал усвоения её уроков при решении современных проблем. Это понимание презентизм получил, опираясь на философию прагматизма. С другой стороны, абсолютизация отличий прошлого от настоящего ведет к *антикваризму* – такому подходу, который, восстанавливая события прошлого, делает упор на уникальности и неповторимости исторических условий, полностью абстрагируясь от современных представлений, опасаясь так называемых «модернистских привнесений». Таким образом, антиномические предикаты презентизма и антикваризма являются результатом излишне упрощенной методологической позиции в историческом познании, гносеологические корни которой лежат в абсолютизации зависимости от прошлого, а также в преувеличении момента устойчивости явлений, их сохраняемости в настоящем.

Выполняя требование субстанциональной ретроспективности, мы с необходимостью уже должны иметь некоторое предварительное представление о сущности физической картины мира в настоящий момент и

под ракурсом этого представления устанавливать исходную стадию её развития, а конкретизировав представление о её сущности, обогащать познание последующей историей для выработки более глубокого понимания настоящего. Таким образом, во взаимодействии настоящего и прошлого осуществляется взаимная корректировка представлений о сущности объекта познания. Благодаря этому создается основание для более конкретного последующего рассмотрения его истории.

2. Императив гносеологической призмы: возможное и действительное

Здесь реализуется синтетическая функция принципа историзма, которая заключается в направленности принципа на переосмысление нового знания с учётом вышерассмотренного требования субстанциональной ретроспективности, поэтому логическая форма принципа приобретает функционал гносеологической призмы.

Например, в историческом познании учёный пытается найти истину, но среди субъективно препарированных фактов (исторических документов, отражающих интересы исторических персонажей)¹⁹⁸. Фактически мы имеем дело с двойным уровнем субъективности: как со стороны автора исторического документа, так и со стороны исследователя, обременённого собственными теоретическими и ценностными установками, то есть имеющего субъективную картину реальности.

При использовании культурно-генетического подхода интерпретационное множество исследуемого объекта в разных исторических периодах должно основываться на *принципе открытости*, определяющем любое историческое исследование принципиальной множественностью интерпретаций, благодаря чему последние не являются конечными. В используемой нами модели «гносеологической призмы» включение принципа открытости предполагает: в «исторической интерпретации... плодотворность точки зрения, в её способности *пролить свет* [выделено – А. К.] на имеющийся исторический материал, помочь осмыслить и обобщить

¹⁹⁸ Жидков В.С., Соколов К.Б. Культурная политика России: теория и история. М., 2001. С. 22.

его»¹⁹⁹. Принцип открытости накладывает ограничение на использование гносеологической призмы в научном исследовании, подобно тому, как отсутствие света делает вообще бессмысленным использование оптического прибора. В реальном процессе познания совокупность объективных условий (предпосылок) выступает реальной возможностью, которая превращается в действительность посредством субъективной предпосылки – человеческой деятельности, где факты являются продуктом рук человеческих, результатом деятельности субъектов, преследующих собственные цели.

Отрицание существования возможности вне действительности мы находим уже у Д. Бруно: «Возможность быть дана вместе с бытием в действительности, а не предшествует ему»²⁰⁰. Развитие эта мысль получает в трудах Гоббса, который подчёркивал тождественную природу возможности и действительности: возможность, или потенция, и действующая причина по существу означают одно и то же, рассматриваемое лишь в различной связи, а именно о причине говорят, имея в виду действие, которое уже наступило; о возможности же – имея в виду действие, которое ещё должно наступить²⁰¹. О том, что возможность всех изменений вещи содержится и в самой вещи, её внутренней природе, говорил и Г. Лейбниц: «В вещь не может проникнуть извне нечто такое, что потенциально, в возможности уже не находилось бы в ней..., что с ней происходит, происходит лишь потому, что основа происходящего находится в её недрах, потому что это может произойти так...»²⁰². Уже в XIX веке Гегель утверждал: «Деятельность есть движение, выводящее предмет из условий, в которых он имеется в себе, и дающее предмету существование посредством снятия существования, которым обладают условия»²⁰³.

Существенно иной точки зрения придерживался И. Кант. По его мнению, возможность и действительность не свойственны вещам, внешнему

¹⁹⁹ Поппер К. Открытое общество и его враги. М.: Феникс, 1992. Т.2. с. 216.

²⁰⁰ Бруно Д. Диалоги. М., 1949. С. 241.

²⁰¹ Гоббс Т. Избранные произведения: В 2 томах. Т. 1. М., 1964. С. 156.

²⁰² Цит. по: Фейербах Л. История философии. Т. 2. М., 1967. С. 341.

²⁰³ Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1 [Наука логики]. Москва : Наука, 1974. С. 327.

миру, а являются характеристиками человеческого разума, его познавательных способностей. Он отмечал: «Различие возможных вещей от действительных есть такое, которое имеет значение только субъективного различия для человеческого рассудка»²⁰⁴. Критикуя этот тезис, Гегель развивал дальше мысль Лейбница об органической связи возможности с непосредственной действительностью: «Непосредственная действительность содержит в себе зародыш чего-то совершенно другого. Сначала это другое есть только возможность, но эта форма затем снимает себя и превращается в действительность. Эта новая действительность... есть подлинно внутреннее непосредственной действительности, которое пожирает последнюю. Таким образом, возникает совершенно новый образ вещей и вместе с тем не возникает ничего другого по сравнению с тем, что было раньше, ибо первая действительность лишь полагается соответственно его сущности»²⁰⁵. По Гегелю, действительность представляет собой единство внутреннего и внешнего, сущности и существования, необходимое в его проявлении (существовании) через случайное.

Иными словами, в процессе творческой деятельности мы можем сталкиваться с проблемой соотнесения субъективных и объективных факторов в историческом процессе. Как отмечалось, возможные траектории развития под воздействием целого комплекса параметров как объективного, так и субъективного характера носят вариативный характер, что и является основанием для появления новых качественных характеристик и особенностей. Интерференционная картина, получаемая при использовании модели «гносеологической призмы», представляет собой множество точек, в развитии системы называемых точками бифуркации, предполагающих множественность альтернативных вариантов развития системы. Исходя из такого понимания проблемы, мы приходим к выводу, что существуют факторы, имплицитно предопределяющие развитие исторического процесса,

²⁰⁴ Кант И. Критика чистого разума. М., 1994. С. 294.

²⁰⁵ Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1 [Наука логики]. М., 1974, с. 246.

и случайные факторы, имеющие субъективный характер по отношению к историческому процессу.

Таким образом, функционал гносеологической призмы, присущий принципу историзма, способствует не только переходу между уровнями знания, но и формированию новых концептуальных систем на основе категориального синтеза.

3. Императив диалектической методологии

Он представляет собой использование в ходе познания основных законов диалектики. Здесь можно выделить несколько категориальных форм этого императива.

(3.1) Установка определения качественных изменений в структуре физической картины мира, их количественные характеристики.

Взаимозависимость характеристик материальной системы обуславливается тем, что количественные изменения на определённом этапе приводят к качественным, а новое качество порождает новые возможности и интервалы количественных изменений²⁰⁶. Выражение «переход количества в качество» имеет рациональный смысл при переходе одного качества в другое на основе количественных изменений. Изменение качества базисно предполагает прибавление или убавление структурных, или информационных компонент системы. Это возможно и от замены элементов одной природы элементами другой природы или в результате изменения структуры при прежнем составе элементов.

Изменение качества на феноменологическом уровне базисно предполагает описательную способность предметов проявлять свою сущность через различные взаимодействия с другими предметами (аддитивные, эмерджентные, диспозиционные, необходимые, случайные, существенные, несущественные и так далее). Изменение качества на онтологическом уровне предполагает прибавление или убавление

²⁰⁶ Ильин В.В. Мера // Диалектика материального мира. Онтологическая функция материалистической диалектики. Л., 1985. С. 140–141.

структурных, или информационных компонент системы, например, от замены элементов одной природы элементами другой природы или в результате изменения структуры при прежнем составе элементов. На сущностном уровне изменение качества приводит к целостности, тождественной внутренней определённости объекта.

Учитывая сущностную трактовку качества, мы определяем количество через совокупность таких изменений в системе, которые не тождественны изменению её сущности. В свою очередь переход в познании от качественных характеристик к количественным связан с развёртыванием математических средств познания, позволяющих достигать точности в исследованиях и более эффективно овладевать природой объекта. Качество и количество связаны в мере. Субстанциональная мера есть закон структурной организации системы, соответствие количественных моментов в составе и структуре системы её качественной специфичности. Одним из типов меры является «безмерность». При безмерном развитии процесс кумуляции, накопления необратимых изменений в субстрате и структуре системы, ведёт к расшатыванию структуры системы, к её неустойчивости, создающей предпосылку для её перехода в иное качество. Безмерность, неустойчивость и аритмичность выражают внутреннюю необходимость в замене одной меры другой.

(3.2) *Установка на обнаружение скачков, определение их типов и видов* (постепенные или взрывообразные, одинарные или интегральные, коренные и некоренные, и т.п.)

Представление о скачке связано с ускорением процесса развития во времени и необходимостью их классификации и анализа. Скачки, прежде всего различаются по формам движения материи, затем по времени их протекания – разовые (скачки-взрывы) и стадиобразные (постепенные). Критерием является время существования основного объекта исследования, предшествующего этапу его развития. Скачок – это момент или стадия превращения одного качества в другое. Скачки взрывного типа обычно

характерны для систем с жёсткой структурой, а постепенные скачки преимущественно свойственны системам с гибкой организацией. По количеству подсистем или систем, включённых в скачок, различают одинарные и интегральные скачки. Кроме того, по отношению к главной стороне сущности предметов скачки подразделяются на коренные и некоренные. С некоренными обычно связывают представления о сущностных изменениях на «подсистемном» уровне развития объекта, в отдельных его состояниях. Учитывая роль скачков в развитии, их характеризуют как прогрессивные, регрессивные и одноуровневые (нейтральные). Выделяются и другие виды скачков: глобальные, локальные, необходимые, случайные и т.п.

(3.3) *Установка на диалектический синтез.*

В процессе развития каждая ступень, являющаяся результатом двойного отрицания-снятия, представляет из себя синтез предыдущих ступеней и воспроизводит на более высокой основе структуру исходной ступени развития. Никакое развитие невозможно без отрицаний. Существует множество различных типов и видов отрицания. Поскольку в основе принципа историзма лежит идея развития, то мы остановимся на отрицаниях, вычленимых по характеру действия. По отмеченному основанию выделяют *конструктивное* и *деструктивное* отрицания.

Первые детерминируются главным образом внутренними противоречиями. В этом случае система содержит в себе свое собственное отрицание (самоотрицание). Учитывая направления развития, конструктивные отрицания подразделяют на прогрессивные, регрессивные и нейтральные. По значимости в процессе развития прогрессивные отрицания делятся на: а) *отрицание-трансформация* (изменение свойств системы с сохранением её интегрирующей структуры), б) *отрицание-снятие* (преобразование внутренней, интегрирующей структуры системы), в) *отрицание-синтез* (синтез двух отрицаний-снятий). Таким образом, «все установленные синтезы должны содержаться в высшем синтезе... и

допускать своё выведение из него»²⁰⁷. По Гегелю, синтез есть объединение тезиса и антитезиса, достижение более высокого содержания, чем это имелось в «тезисе» и «антитезисе».

С.Л. Франк считал, что отрицание отрицания по содержанию есть «суммированное отрицание» в том отношении, что ведёт к образованию синтеза. В полной мере отрицание отрицания выводит наличное многообразие на уровень «непостижимого», новой системности: «Оно есть то, что не относительно, и вместе с тем имеет относительно не вне себя, а объемлет и пронизывает его»²⁰⁸. Поэтому отрицание отрицания для С. Л. Франка фактически направлено на преодоление отрицания, на то, чтобы, возвысившись над «отрицанием», усмотреть конститутивное, то есть определяющее начало в бытии.

Наряду с этим, в действии закона отрицания-отрицания осуществляется преемственность в структуре, причем со ступенью ещё более ранней, чем та, которая имела до второго «отрицания». При этом общий уровень содержательного развития значительно выше, чем на исходной ступени. Таким образом, синтез является итогом развития, результатом двойного отрицания-отрицания и с содержательной, а не формальной стороны характеризует поступательность развития. Такой синтез является выражением закона отрицания-отрицания, и, выделяя содержательную сторону, мы используем в данной установке понятие диалектического синтеза. Действие этого диалектического синтеза полностью обнаруживается лишь в целостном, относительно завершённом процессе развития, через цепь взаимосвязанных друг с другом переходов, когда можно зафиксировать более или менее законченный (с точки зрения направления развития) его результат: на каждой отдельной стадии он обнаруживается лишь как тенденция.

Повтор на высшей ступени внутренней структуры исходной ступени обуславливает особую форму развития – спиралевидную. Схематически это

²⁰⁷ Фихте И. Г. Соч.: в 2 тт. Спб., 1993. Т. 1. С. 91.

²⁰⁸ Франк С.Л. Непостижимое // Франк С.Л. Сочинения. М., 1990. С. 297.

выглядит как ломанная линия, конец которой сориентирован на возврат. С учётом общей поступательности развития системы эту форму развития логичней представить в виде спрессованной конусообразной спирали, расширяющейся кверху (чем изображается и рост содержания, и убыстрения темпов развития). Спираль наглядно демонстрирует противоречивость формы развития, свидетельствует о глубокой сущностной противоречивости развития материальных систем, поэтому диалектический синтез требует для своего установления повышенного внимания и конкретности.

(3.4) *Установка на противоречивость предмета* (внутренние и внешние, конструктивных и деконструктивных и т.п.). Применение данной установки обусловлено выявлением философско-гносеологических противоречий (соотношение субъекта и объекта) и логико-методологических (соотношением сторон познавательной деятельности).

Логико-методологические противоречия позволяют отражать противоположности предметного противоречия в анализе каждой из сторон, а затем в синтезе. Между тем, логико-методологические противоречия охватывают не только развивающиеся материальные системы, но и структурную противоположность относительно статичных материальных систем (например, как при познании двойственной природы электрона). Здесь отражается не источник развития, а взаимоисключающие свойства, находящиеся в единстве и выражающие сущность явления. Кроме этого, противоречивость результата и исходного этапа связана с выявлением антиномии-проблемы. Антиномией принято называть появление в ходе рассуждения двух противоречащих, но одинаково обоснованных утверждений.

Решение этой проблемы происходит не посредством формалистических манипуляций над входящими в неё предикатами, но благодаря исследованию физических состояний и процессов, что позволяет уточнить предикаты и приводит к замене формулировки проблемы формулировкой ответа на неё. Углубление мышления в сущность предмета

ведёт к снятию антиномии-проблемы, формально-логического противоречия и формулировке нового положения, исключающего антиномичность. Таким образом, использование в данной установке принципа раздвоения единого и познания противоречивых частей его полностью согласуется с законом исключения противоречий в формальной логике.

Следование этим установкам познания призвано обеспечить достижение многосторонней характеристики истории рассматриваемого предмета. Наряду с этим, также отмечается, что приведённые установки равнозначными не являются. Поскольку основной идеей, лежащей в основе принципа историзма, является идея развития, то для понимания диалектики развития установка на выявление его противоречивости может выделяться в качестве относительно автономной и квалифицироваться как самостоятельный принцип диалектического мышления.

4. Императив дифференциального анализа развития

Специфика данного требования – в установке естественной последовательности развития предмета (стадии, фазы, периоды, циклы, ритмы) и выявлении диалектики общего и единичного в этом процессе. Большое влияние на развитие градуалистской модели развития оказал английский философ Г. Спенсер. По его мнению, дифференциация и интеграция материи и движения происходит, согласно механическим законам направления движения, по линии наименьшего сопротивления и группировки.

В предыдущих императивах эта сторона предмета затрагивалась в установках на преемственность и скачки. Теперь предмет рассматривается в аспекте градации целостного процесса исторического развития, преемственности качественного своеобразия состояний. Существуют переходные моменты (периоды) от одного исторического этапа к другому: «Мы имеем много примеров тому, как путем совершенно незаметных градаций можно перейти от одной формы к форме, коренным образом от неё

отличающейся»²⁰⁹. Выявление «переходностей» есть форма обнаружения взаимосвязей в историческом процессе на фоне тезиса о закономерности развития.

Трудность научного описания, а тем более выявления чётких закономерностей в истории лежит в основе морфогенетических законов. Историческое развитие не является прямой реализацией исходного экстенсивного разнообразия; структурные перевоплощения возникают в переводе интенсивного многообразия в экстенсивное. Необходимо учитывать, что в историческом развитии причинность является системной и целевой. В этом смысле самоорганизация (регуляция целостности, наращивание адаптивности, рост оптимальности и так далее) является основой исторического морфогенеза.

Определение естественной последовательности развития предмета исходит из начального определения экспликативной эвристической схемы, определяющей применимость к предмету структурных законов конкретного уровня исторической динамичной организации.

Архитектоника их такова²¹⁰: 1) структурные зависимости дальнего порядка (мегатенденции) определяются социальной фенологией, фундаментальной ритмодинамикой (циклика, ритмика социально-исторических структур; генерация, реставрация, элиминация социально-исторических условий); 2) структурные зависимости среднего уровня (макротенденции) определяются модульными теориями социума (типы движений, влияния); 3) структурные зависимости локального уровня (микротенденции) определяются антропологическими описаниями.

Важное обстоятельство при таком описании имеет то, какой понятийной системой или картиной мира, традицией руководствуется исследователь. Так называемая лапласовская традиция предполагает экстраполяцию типа линейной зависимости на состояние мира в целом (по

²⁰⁹ Гипотеза развития // Теория развития: сб. ст. под ред. В. А. Фаусека. СПб. : Тип. Акц. Общ. Брокгауз-Ефрон, 1904. С. 46.

²¹⁰ Ильин В.В. Новый миллениум для России: путь в будущее. М., 2001. С. 81.

аналогии с основным законом механики, который позволял по начальному состоянию рассчитать любое последующее состояние). При таком рассмотрении процессы выступают как движение с предопределённым, заранее известным исходом. Современная картина мира вместо таких основных характеристик как регулярность, детерминированность и обратимость, в качестве описания объекта положительного знания использует «случайность», «сложность» и «необратимость».

Таким образом, присутствие человека в истории не в качестве пассивного продукта общих структур – квазиобъекта, подчиняющегося непреложным закономерностям, а в качестве субъекта, действующего под знаком неопределённого выбора, делает объяснение исторического процесса сложным и нелинейным и, по сути, не редуцируемым. Учёт факторов, носящих случайный характер, то есть субъективный по отношению к историческому процессу, позволяет выделить два типа эволюционных процессов, оказывающих влияние на развитие когнитивности в философии: «Эволюционный процесс представляет собой совокупность отношений, выражающих правила отбора возможных продолжений процесса»²¹¹. Это так называемые натуралистическое, «дарвиновское» и культурно-историческое, «квазидарвиновское» эволюционное развитие.

В «дарвиновском» типе эволюционного развития система не пересекает точек бифуркации и, следовательно, развивается на основе объективных закономерностей, определяющих тренды биологической теории когнитивных процессов (К. Лоренц, Д. Кэмпбелл, Р. Ридль). При «квазидарвиновском» эволюционном развитии ментальности, рассматриваемым в русле культурно-исторической школы (Л.С. Выготский, Р.С. Лурия и последователи психогенетики) формы дальнейшего развития непредсказуемы, подвержены любым случайным воздействиям. Выделенные Ч. Дарвином основные факторы эволюции (изменчивость, наследственность и отбор) в применении к развитию исторического процесса на основе функционального анализа

²¹¹ Моисеев Н.Н. Модели экологии и эволюции. М., 1983. С.23–31, 11.

возможно редуцировать. Под изменчивостью мы понимаем уже возможные формы и состояния исторического процесса в результате воздействия множественности как прогнозируемых, так и случайных факторов наследственности выступает связующим звеном между предыдущими и последующими формами исторического процесса. Отбор, по сути, представляет результат конкуренции объективных и субъективных факторов в конкретный исторический период. В данной связи представляет для нас интерес филогенетическое направление «эволюционной эпистемологии»²¹² американского психолога Дональда Кэмпбелла и немецкого философа Герхарда Фоллмера. Данное направление связывает опыт человека с его генетическим комплексом, исторически обуславливающим способности к познанию окружающей действительности.

Подобная трактовка исторического процесса приводит, таким образом, к выводу о двойственном характере возможности познания исторического процесса. С одной стороны, если развитие системы может быть детерминировано случайными факторами, то говорить о законах эволюции не представляется возможным. С другой стороны, при «дарвинском» развитии, исторический процесс эволюционирует под влиянием объективных факторов результатов исторического развития. Такие исходные установки, реализуемые в эволюционной эпистемологии, указывают лишь на возможность объяснения биологической основы материальных систем с эволюционно-теоретической точки зрения, когда представление о человеке в процессе его естественного развития, о его свойствах, по словам К. Лоренца, формируется в рамках естествознания. В данном ключе мы не только можем выявлять объективные закономерности, но и прогнозировать эволюционный процесс.

Понимание академиком Н. Н. Моисеевым на этой основе случайного, а не системного характера вектора эволюции в пределах возможных состояний

²¹² Фоллмер Г. Мезокосмос и объективное познание (О проблемах, которые решены эволюционной теорией познания) // Вестник МГУ. Сер. 7. Философия. 1994. № 6. С. 46.

системы подчёркивает тот факт, что востребованность внешних факторов (являющихся результатом объективного развития системы) различна в конкретные периоды исторического развития. При обоснованной классификации данных периодов по различным классам корреляционных выборок, на наш взгляд, позволил бы провести статистический анализ так называемых «случайных» факторов в историческом процессе, что существенно бы обогатило существующие циклические модели, которые также можно применять при конкретизации принципа историзма.

При анализе фазовых переходов принимается во внимание, что статические системы взаимоисключают проявления принципов актуализма (изменчивость) и униформизма (устойчивость). Динамические системы их взаимопредполагают, обладая свойствами упорядоченности, нелинейности, самоорганизованности и сложности. Последние аранжируют трансформацию стационарных состояний через структурные фазовые превращения. Основная характеристика фазовых превращений – в точке фазового перехода, представляющей собой внешнюю или внутреннюю турбулентность. В известной классификации различают два типа фазовых перехода: 1) фазовые переходы первого рода (скачок), связанные с изменением состояния; 2) фазовые переходы второго рода (полиморфные превращения, реформации), связанные с изменением порядка. При этом вводится понятие фазового равновесия систем и её флуктуации (разбалансирующее воздействие).

5. Императив вероятностного детерминизма

Базисом этого императива являются понятия вероятностного распределения, массового явления. *Вероятностное распределение* означает, что, несмотря на изменение значений некоторых характеристик от явления к явлению, относительное число элементов с определённым значением этих характеристик является устойчивым. Задание распределения некоторой случайной величины есть задание возможных значений, которая принимает эта величина, и соответствующих им вероятностей. При этом такие виды

распределений, как нормальное распределение Гаусса, распределение Пуассона и др. – выражают тип внутренней упорядоченности в соответствующем массовом явлении.

Специфика данного императива указывает на асимметричность отношения в вопросах причинности состояния объекта. Итогом установления взаимосвязностей этапов (фаз, состояний) является рассмотрение их закономерностей, характеризующих процесс развития предмета в переходе от одного исторического состояния объекта, с одной структурой, к другому его историческому состоянию, с другой структурой²¹³. Принцип историзма опирается на такую концепцию исторического процесса, в которой закономерность и необходимость неотрывна от вариативности, многообразия возможностей и случайностей: помимо общих (циклических) законов физического порядка, управляющих миром, логично допустить наличие управляющих миром частных, и даже исключительных, эпизодических зависимостей (закономерностей).

Вероятностные методы используются и в структурном подходе: познание материальных процессов начинается с познания элементов и аспектов их строения, а это находит своё выражение в том, что познание новых областей действительности обычно начинается с исследований их статистических состояний. Через исследование статистического аспекта фрагмента действительности идёт развитие всех теорий науки. В ходе исследования этой проблемы важнейшее значение приобретает выработка весьма абстрактных, обобщенных понятий, которые бы позволили отображать более глубокую сущность, более глубокие уровни в строении систем и объектов. А деление свойств объектов по степени их общности, анализ форм их субординации и признания фундаментального характера обобщённых свойств в синтезе картины мира лежат в основе современной разработки идеи об уровнях во внутренней организации материи. Развитие теории вероятности есть продвижение самой идеи об уровнях и значимости

²¹³ Грушин Б. А. Историзм // Философская энциклопедия. М., 1962. Т.2., с.352.

обобщённых свойств, ведь природу вероятности трудно раскрыть, не опираясь на представления о структурных уровнях, и обратно. Теория вероятностей применима не ко всем объектам, то есть исследует даже не вообще массовые явления, а некоторый их класс, определяемый как вероятное массовое явление или массовое случайное событие. Вероятность здесь означает, что при переходе от одного явления к другому (от одного элемента множества к другому) характеристики явлений изменяют свои значения независимым образом, то есть значения некоторой характеристики одного явления существенно не зависят и не определяются значениями этой характеристики у других явлений.

Пример вероятного, или случайного, массового явления: согласно теории газов, механическое состояние каждой молекулы газа в своей основе не зависит от состояний других молекул и не определяется ими. Тот или иной вероятный аспект имеет любое массовое явление, хотя эта вероятность по-разному может характеризовать мощь императива вероятностного детерминизма в проникновение сущности явления.

Вместе с тем, развитие теории вероятности, обусловило предпосылку ее аксиоматизации (А.Н.Колмогоров), в результате которой наметились вполне ощутимые тренды перехода от эксплицитного определения математической вероятности к имплицитному выражению основных понятий теории вероятности посредством аксиоматических положений.

6. Императив векторного анализа

После того как закономерности переходных состояний выявлены, необходимо определить характер протекаемых процессов, их направленность (прогрессивное, одноуровневое, динамическое изменение, стагнация). Направленные преобразования являются критериальным отношением развития.

Если фазовые переходы первого рода связаны с изменением состояния, то фазовые переходы второго рода обусловлены изменением порядка. С нарастанием сложностей увеличивается и вероятность разбаланса. Примером

разбаланса является эффект, обнаруженный в электронной литографии, где применяются субмикронные тонкопленочные структуры на основе сверхпроводников. В подобных структурах планарные размеры сверхпроводников сравнимы с длиной зарядового разбаланса, то есть длиной, на которой происходит конверсия неравновесных квазичастиц в, так называемые, куперовские пары²¹⁴. Эти неравновесные эффекты в подобных структурах обусловлены возникновением некомпенсированного положительного или отрицательного заряда, что несомненно связано с порогом эффективности явления сверхпроводимости.

В общем и целом, до тех пор, пока вероятность остается возможностью, обострений не возникает. При приближении к критической точке фазового перехода складывается остро конфронтационная разупорядоченная фаза. Диалектико-логический анализ с необходимостью должен выявлять противоречивость любого развития и с учётом требования векторного анализа принципа историзма упреждать полное разупорядочивание с недопущением принятия вероятности нулевого значения, хотя нулевая вероятность еще не означает невозможное событие.

7. Императив гносеологической проекции

Результатом предыдущего императива историзма является выявление такого фактического состояния дел, при котором представляется возможным и необходимым определить основную тенденцию с целью предсказать её дальнейшее состояние. Базисом императива гносеологической проекции являются: 1) анализ и выявление условий развития; 2) выделение трендов или их совокупности, рассматриваемые как основная тенденция развития; 3) практическая реализация этой тенденции, объединяющий познание и практику.

8. Императив интенционального дискурса понятийной этимологии

Те или иные положения развиваются в предметном дискурсе (речь, погружённая в жизнь). Учёт этой специфики развития предмета

²¹⁴ См.: Шмидт В.В. Введение в физику сверхпроводников. Москва : МЦНМО, 2000. 397 с.

обуславливает данный императив как требование анализа всей истории предметного спора, историю отражающих её понятий и положений.

Таким образом, используемый в методологии истории науки принцип историзма является одним из важнейших элементов доказательства положений, которые отражают сущность предмета в данное время.

Принцип историзма и историко-генетический подход противопоставляются *агенетическому принципу*, связанному со структурным подходом, который возможен без генетического, то генетический без структурного невозможен, так как структура есть итог развития объекта, помогает раскрыть те конкретные этапы, которые прошёл объект, прежде чем стать тем, чем он является и бывает.

Аксиология науки с необходимостью обуславливающих категориальный синтез картины мира, проводим различие между природой как независимым от сознания науки объектом и рациональной картиной мира, которая связана с уровнем познавательной способности, обусловленным антропологическим опытом, в том числе в аспекте его социальной обусловленности.

Итак, мы *впервые* раскрыли содержание и механизмы историзма антропологического опыта в рамках темпоральной дивергенции и культурно-генетического обоснования, что позволило выявить историческую динамику в познавательных императивах человека и реальной картине мира.

Концептуализация антропологического опыта предполагает учёт историзма в рамках темпоральной дивергенции и историко-генетического обоснования антропологического опыта человека в познавательных императивах рационализации актуальной картины мира. Принцип историзма и историко-генетический подход не столько противопоставляются агенетическому принципу и основанному на нем структурному подходу, сколько дополняет его.

Сам процесс познания нами понимается исторически как процесс возникновения и развития знания из незнания, как переход от непознанного к познанному. Таким образом реализуется представление научно-познавательной деятельности человека как системно-структурной связано также с осмыслением её как процесса, в котором объект и субъект исследования *конфлюэнтны* (*перетекают друг в друга*), а функционирование ментально-познавательной системы задаётся её социокультурной обусловленностью.

ГЛАВА IV. Эмпирический и теоретический категориальный синтез антропологического опыта

Итак, наше исследование проводится в рамках философски ориентированной концептологии и методологии. Мы исходим из того, что любая теория состоит из категориальных концептов: сущих, принципов, законов и переменных. Философско-теоретическая методология изучает способы управления указанными концептами и категориями, которыми являются дедукция, эксперимент, индукция и гипотеза. Все вместе эти четыре способа мышления и образуют предпосылки категориального синтеза антропологического опыта в рациональном знании. Индукция включает дисперсионный, регрессионный и функциональный анализ. Гипотеза рассматривается как способ смены частично устаревших принципов и теоретических рационализаций новыми. Управление теориями совершается посредством теоретического синтеза и конструирования, причём это достигается путём постановки проблем в гипотезах, интерпретации фактов и получении инновационных выводов.

Дифференциация уровней в структуре научного знания отражает общий вектор познания от явления к сущности. Возникающее противоречие относительно специфики рационального мышления при различении эмпирического и теоретического знания и его анализа структуры в данной главе рассматривается во всеобщей форме.

4.1. Чувственно-созерцательные схематизмы в рационализации антропологического опыта

В первом параграфе мы ставим задачу соотнести категориальный синтез антропологического опыта в рациональном познании со структурами эмпирического обоснования в чувственно-созерцательных категориальных схематизмах.

В широком смысле слова, аккумулируя антропологический опыт в различных формах знания, в зависимости от способа получения, субъект познания получает знания опытным путем либо используя сложные логические процедуры мышления. Однако для усвоения знания необходимо понимание в качестве способности постигать смысл. Подобная сопричастность мысли предполагает возможность включения нового знания в систему уже усвоенных идей и представлений. В этом смысле, Сократ указывал, что без понимания мысль не только не фиксируется в голове (не запоминается), но тем самым и обманывает доверие, ставит под сомнение общие интересы.

Контакт человека с реальной действительностью посредством наблюдения и эксперимента обуславливает формирование эмпирического знания. Такое знание характеризует факты, в качестве которых выступают объекты, процессы и явления реальной действительности, природы. Интересно, что в современном представлении природа, рассматриваемая в общем виде, как нечто изначально данное до нас, то есть буквально этимологически представляет данность человеку при/рода[х], – не является в полной мере тождественным пониманию бытия (греч. ὄντος «онтос» — сущее) в древнегреческом философском смысле. Представление о современном бытии, которое в отличие от истинно существующего и неизменного тождественного самому себе *онтос*, основано на принципах эмпирического мира, для человека изменчивого и зависящего от различных условий.

Например, в физическом познании на стадии школьного обучения используются задачи, решение которых рассматриваются при так называемых, нормальных физических условиях атмосферы и температуры (давление $p=0,1013$ МПа = 760 мм рт. ст.; и $T=273,15$ К (0 °С)). Иными словами, нормальные условия соответствуют норме, отражающей количественные параметры условий, в интервалах которых существование человека относительно благоприятно или хотя бы возможно. То есть норма

природы, в нашем представлении, как бы привязана к совокупности условий, в которых человеческая жизнь возможна и существует в статистической физиологической норме.

Таким образом, сам контакт человека с природой посредством опыта оценивается человеком через его практическое отношение к природе. А поскольку природа выступает для нас в практическом отношении как объединяющее начало, на основе которого мы способны интегрировать факты, то сами факты обладают для нас известными свойствами (отношениями), выражающими практическую возможность человека взаимодействовать с объектами, процессами и явлениями на основе практической целесообразности с позиции удовлетворения потребностей. То есть, свойство объекта, например, есть отношение человека к объекту, воплощенное посредством способа (метода) вовлечения данного объекта в условия своей жизнедеятельности с целью удовлетворения своих потребностей.

Разумеется, синонимичные понятию «свойство», такие понятия как «характеристики», «признаки», «параметры» различаются на основе контекста употребления в практической функции. Например, характеристика выступает важнейшим свойством среди прочих в зависимости от характера деятельности, который человек практически в данный интервал времени в рамках технологического уклада считает наиболее важным, значимым. Разумеется, «степень важности» достаточно широко варьируется, особенно при создании искусственных объектов на основе технического задания, определяемого, в сущности, материальными потребностями человека и человеческого общества.

Иными словами, фактами выступают известные нам фрагменты действительности, которые мы имеем возможность наблюдать. Наблюдение само по себе уже содержит методы измерения и описания. Такое понимание содержится в дефиниции принципа наблюдаемости, широко представленного в физике, согласно которому наблюдаемо всё то, что подлежит измерению.

При этом в познании различают измерение непосредственное (при помощи органов чувств) и принципиальное (опосредованное с использованием сложных приборов).

Таким образом, соответственно то, что измеряемо, в известной степени, доступно в символическом и математическом описании. Поскольку наблюдение – это, в первую очередь, метод описательного, регистрирующего характера, специально организованного восприятия объекта изучения, то подобная организация восприятия не может состояться в научном смысле слова без постановки цели исследования, без соответствующих гносеологических установок/принципов, задающих наблюдению целенаправленный характер.

Кроме установления фактов, возможна их первичная классификация, группировка, позволяющая фиксировать определенные отношения, на основе которых в последующем выводятся эмпирические закономерности (динамические и статистические) и законы. В отличие от закономерности как характеристики устойчивых причинно-следственных связей явлений и событий, закон является атрибутом их сущности. Это связано с тем, что генетически категория закона проявляется в человеческой деятельности позднее категории закономерности (отображающих явления).

Вместе с тем, нам следует различать то обстоятельство, что факт и научный факт в методологическом смысле далеко не всегда являются тождественными понятиями. Для того чтобы наблюдаемый факт приобрел статус научного факта, необходимо подвести его под теорию. Способом подведения факта под теорию принимается последовательная процедура объяснения, предполагающая в теории описание наличия таких условий, при которых факт имеет место, то есть, когда в данных условиях факт существует.

Таким образом, практически при воспроизведении данных условий, мы с уверенностью можем наблюдать и констатировать наличие факта как фрагмента объективной реальности (объекта, процесса, явления). В этом

смысле, одной из важнейших функций научного факта является его воспроизводимость: воспроизводя условия существования факта, мы воспроизводим сам факт. Научный факт включается в систему связей и зависимостей для раскрытия в полной мере сущности наблюдаемых фактов. Обратная взаимосвязь теории и непосредственно наблюдаемого факта описана и отражена широко известным в философии критерием фальсификации теории, сформулированным К. Поппером.

Антропологический опыт аккумулируется в различных формах знания, группировка которых обусловлена способами их получения. Как правило, субъект познания может получать знания опытным путем или используя сложные логические процедуры мышления. В таком случае группировка знаний осуществляется с учетом выделения двух уровней познания: эмпирического и теоретического.

Каждому из этих уровней соответствует свои объекты: эмпирические и теоретические. Последние представляют собой продукт идеализации и абстракции. Поэтому основное различие между эмпирическим объектом и теоретическим состоит в том, что эмпирический объект для человека выступает реальным объектом, то есть фрагментом объективной реальности. Вместе с тем, эмпирический объект, в известной степени, специфичен, индивидуален и, определенно является продуктом абстрагирования того, что может быть отвлечено от действительных черт реальных предметов. В строгом смысле слова, нельзя утверждать о тождестве реального и эмпирического объектов. Условное отождествление, которое всё же имеет место, может рассматриваться как уступка той эпистемологической позиции, которая именуется в философской традиции как наивный реализм. В свою очередь эмпирический и теоретический объекты являются результатом существенно различной степени идеализации и схематизации.

Характеризуя эмпирический уровень познания, мы отмечаем представленность знания в виде описания фактов. Как отмечалось выше, описание и измерение наряду с наблюдением и экспериментом, несомненно

являются составными методами аккумуляции антропологического опыта в научном познании. Разумеется, при использовании логических и методологических процедур, используя эмпирическое описание фактов, мы с необходимостью имеем возможность осуществить функцию научного предсказания. По сути, научное предсказание, согласно дедуктивно-номологической модели Карла Густава Гемпеля²¹⁵, является сходной дедуктивной процедурой, которую мы относим к объяснению. Различие между предсказанием и объяснением часто используют как различие между эмпирическим и теоретическим знанием.

Несмотря на довольно простую интерпретацию данного различия, исследователи считают его достаточно существенным, так как объяснение предполагает логическое заключение состоявшихся фактов, а предсказание является сходной логической процедурой относительно потенциальных фактов, которые в данный и прошлый моменты времени не фиксировались. Таким образом, схожесть данных логических процедур основывается на общих стандартах понимания, а различие основано на векторе темпоральной дивергенции. Понятие «темпоральный» обуславливает в данном случае, что логические операции вероятностного поиска неизвестных величин происходят по временной шкале.

Иными словами, эмпирическое и теоретическое знание отличаются и по генезису: генетически первичным, то есть по вектору направления развития сложности системы знания, является знание на уровне «явления», то есть эмпирическое. Развитие исследования эмпирического знания обуславливает переход на уровень «сущности» предмета, являющийся более высоким уровнем познания, своеобразной «надстройкой» по отношению к эмпирическому знанию. С диалектической точки зрения исследуемый объект представляется как «совершающее процесс противоречие».

²¹⁵ Гемпель, К. Г. Логика объяснения / Пер. с англ., сост., вступ. ст. и прил. к. ф. н. Назаровой О. А. М. : Дом интеллектуал. кн., 1998, 237 с

Таким образом, если теоретическое знание – надстройка, то эмпирическое знание выступает базисом не только теории, но и деятельности по производству и систематизации знаний в полном смысле. Иными словами, эмпирический базис теории является первичным основанием концептуализированных форм знания.

Поскольку в естественном языке невозможно описать «мир как он есть»²¹⁶ в силу субъективации языка, то и концептуализация предметных областей, представленных в научных/концептуализированных формах знания, остается, в известной степени, антропоцентричным и семантически нагруженным²¹⁷. Существенным образом в познании это связано с такой предельной формой обобщения как научная картина мира. В данной связи В. И. Вернадский относил научные факты и их обобщения в различной степени классификации к основному фонду науки²¹⁸.

Вместе с тем, взаимосвязь эмпирического и теоретического уровней обуславливается влиянием теоретических представлений на компендиум эмпирических знаний, что, несомненно, придает эмпирическому знанию определенный теоретический контекст. Именно теоретический контекст позволяет нам интерпретировать совокупность эмпирических данных, экстраполируя эти данные как особую форму знания о действительности.

Таким образом, историко-генетическая и культурно-онтологическая первичность эмпирического уровня знания относительно теоретического обусловила выделение эмпирической и теоретической стадий развития науки. Несмотря на то, что теоретические изыскания велись «на заре» становления «науки о наиболее общих законах природы», именно с констатации фактов начинается этап эмпирического уровня познания. Поэтому факты, в некотором роде, выступают синонимом истины, поскольку факты становятся для нас основанием последующего утверждения или

²¹⁶ См.: Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. 416 с.

²¹⁷ Трофимов В.В. Человекообразность науки и культурные парадоксы трансгуманизма // Дис. ... канд. филос. наук / 09.00.13. Белгород: НИУ «БелГУ», 2018. 151 с.

²¹⁸ Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста: [сб.: К 125-летию со дня рожд.]. М., 1988. С. 94.

опровержения гипотезы. Кроме того, факты являются также подтверждением или опровержением следствий теорий, что позволяет нам утверждать о наличии обоснования теории или ее фальсификации: «В чисто логическом же отношении процедура фальсификации, согласно К. Попперу, осуществляется в соответствии с правилом вывода классической логики *modus tollens*»²¹⁹.

При всей, казалось бы, очевидной ясности вопроса, проблема факта является не только наиболее значительной, но и в методологическом плане не в полной мере изученной проблемой в современном познании. Общее представление о мире строится на основе понимания факта как определенного (мыслимого в пределах) фрагмента объективной реальности. Такими фрагментами выступают не только объекты, но и процессы, явления, в том числе мыслимые нами как реальное событие, являющееся подмножеством исходов в различных модальностях антропологического опыта.

Таким образом, значимые события фиксируются нами на основе реализации философско-антропологических и методологических процедур концептуализации и категоризации путем выделения их из генеральной последовательности фрагментов объективной реальности и событий. Иными словами, если не зафиксировано, соответственно не интерпретируется, так как не является научным фактом и, наконец, не является знанием в строгом смысле слова. Поскольку факт представляет собой форму научного знания, то являясь отражением действительности в сознании человека, представляет собой конкретный результат организации познавательной деятельности, обусловленной отношением субъекта к объекту.

Вместе с тем, сужение модальностей объекта в познавательном процессе путем использования ограниченного набора методов методологического инструментария, соответствующего выбранной области определения, приводит к ограничению понятия *объект* до понятия *предмет*.

²¹⁹ Суцин М. А. Фальсифицируемость как регулятивный принцип : границы применимости // Научно-исследовательские исследования. 2021. Ежегодник. С. 26.

Иными словами, предметом становится то, что мы выделяем [вниманием] в объекте в процессе его исследования.

Таким образом, факт, как «фактуальное суждение», является высказыванием, полученным в результате процедуры концептуализации первичного компендиума антропологического перцептивно-аффирмативного опыта. Поэтому данное высказывание является характеристикой предметно выделенного нами фрагмента/фрагментов действительности или его события, а также их свойств и отношений с другими известными нам событиями, методологически подлежащие определенной группировке по общему основанию. Выполнение группировки как методологической процедуры позволяет человеку не только выявлять причинно-следственные связи, но и выделять отдельные типы явлений внутри генерального состава совокупности данных. В качестве данных, мы понимаем такое представление фактов, форма которых оказывается приемлемой для обработки человеком. Одной из таких значимых форм представления фактов является их понятийное оформление, или по сути, описание.

Сущность описания факта (объекта) предполагает, в известной степени, описание свойств объекта, состоящее в понятийном его оформлении. При этом нас интересуют не сколько самые общие свойства объекта, сколько существенные его характеристики. Также характеристики в ряде условий могут выступать и признаками, если подобные характеристики [признаки] являются общим основанием для группировки объектов. При этом полнота знания об объекте напрямую зависит от детализации описания. Существуют несколько стадий описания и, на первичной стадии исследователь зачастую указывает наличие признаков, соотносящихся с принципом необходимых и достаточных (существенных) условий, выделяя при этом необходимые, существенные и несущественные. Справедливости ради, отметим, что на данной стадии, как правило, отсутствует осознанная в полной мере конечная их классификация и, существенные признаки зачастую описываются вместе с несущественными.

Вместе с тем, конечная фиксация фактов осуществляется посредством процедуры описания в символических формах описания, обусловленных самим понятийным содержанием. Такие символические формы, представленные в виде таблиц, формул и так далее, выступают дополнительными средствами констатации, функционирующими в последующей структуре рассуждения в виде посылок, на основе которых строится вывод. При этом существенным при описании мы считаем необходимость следования императиву «фиксации времени» в том интервале, в рамках которого мы осуществляем фиксацию или описание факта.

Поскольку научный факт имеет место при условии «подведения» факта под теорию, то и сам факт мы рассматриваем лишь в рамках его интерпретации, смысла изучаемого объекта как взаимосвязи внутреннего содержания и внешнего проявления. В этом плане, для нас факт – это уже интерпретация. Антропологический опыт, в части физического познания, уже придает фактам определенный теоретический колорит.

Таким образом, интерпретация подразумевает знание и использование теоретических понятий и законов объясняющей теории. Следовательно, представление фактов в виде эмпирических данных в процессе сбора фактического материала осуществляется не стихийным образом, а на основе фактуальных высказываний, сопряженных как с понятийно-категориальным аппаратом, так и знанием соответствующей предметной области.

Концептуализированные установки, обуславливающие специфику интерпретации фактов, выступают для исследователя гипотезами, поскольку интерпретация не обязательно обладает объективной достоверностью. Поэтому, как ни странно, с обыденной точки зрения, но факты на поверку могут оказаться не только гипотетическими, но и ложными.

Поскольку концептуализация выполняет функцию установки, то есть определяет некие основания интерпретируемых фактов, то сами факты впоследствии могут быть подвержены группировке при делении их на

классы. В результате факты подвергаются процедуре обобщения, если их отдельные единичные характеристики могут рассматриваться как признаки, то есть присущи не только единичному исследуемому объекту, но и известным объектам определенного класса. Поэтому в зависимости от условий, мы можем рассматривать факты как единичные, так и общие. В случае единичного факта мы имеем дело с отражением конкретного явления или предмета, а потому без выявления дополнительных связей, единичный факт становится лишь флуктуацией²²⁰.

Относительно фактов, классифицируемых нами как общие, следует отметить наличие у них таких выявленных связей, которые сходны с известными классами объектов. Выявление подобных связей исследователи, как правило, осуществляют дедуктивным способом. В данной связи корректнее такие факты было бы называть «эмпирическими обобщениями». Например, иллюстрацией такого метода служит тезис о том, что конкретный состав и строение конкретного химического элемента присущ всем предметам, состоящих из него. Выявление свойств химического элемента у различных предметов, сходных по составу получали индуктивным путем. Следовательно, в результате индуктивного обобщения, выявляя свойства конкретного химического элемента, мы уже дедуктивным образом можем предположить свойства любого предмета, изготовленного в идентичном составе.

Однако, если одной из значимых характеристик факта мы выделяем императив темпоральной фиксации, то в случае выделения «общего факта», данное условие может показаться достаточно противоречивым в строгом смысле слова. Во-первых, общий факт по определению не может являться выражением случайных связей. Во-вторых, с позиции статистической нормы, общий факт является результатом эмпирического обобщения высказываний, осуществляемого не путем абстрагирования (как в случае обобщения

²²⁰ См.: Мерзон Л.С. Проблема научного факта. Ленинград : Наука, 1972. С. 40.

понятий), а индуктивным способом, представляющим собой вывод от единичных суждений к обобщаемому суждению.

Процедура обнаружения, а в дальнейшем и всестороннего анализа фактов сопряжена с проблемой установления истины. Как общий, так и единичный факт представляет собой, в известной степени, элементарное, фактуальное знание. А по отношению к знанию применимы общие эпистемологические критерии истинности. Поскольку истина является не свойством объекта познания, а свойством знания, то установление истины сопряжено с историчностью самого развивающегося знания, его генезисом. Размышления о генезисе истины порождает вопрос о том, «как появляется независимое от целей сплоченности сообщества объективное суждение о внешнем мире?»²²¹ Поскольку в качестве эмпирического базиса концептуализированных форм знания мы рассматриваем факты, постольку актуальным остается вопрос как об истинности самого фактуального знания, так и степени восприятия истины – достоверности²²².

В качестве альтернативного понимания статуса факта, можно выделить мнение, согласно которому факты не обладают значением истинности, а обладают лишь значением существования. Иными словами, к фактам неприменима какая-либо оценка. Разумеется, с этим можно согласиться в том случае, когда фактом мы называем какой-либо фрагмент действительности. Однако, «явление», как мы описали выше, фактом не является. Наряду с этим, иная точка зрения указывает на то, что факт может являться абсолютной истиной. Однако если бы мы допустили такое утверждение, то количество программных знаний о факте, или его полнота должна быть исчерпывающей.

Третья точка зрения, обоснованная научными аргументами, определяет факт, как «относительную истину». Описанный выше императив темпоральной фиксации в отношении факта, таким образом, позволяет нам

²²¹ Антоновский А. Ю. О ценности истины и ее генезисе // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2014. №3. С.51

²²² См.: Мерзон Л. С. Проблема научного факта. Л., 1972. С. 46.

рассматривать факт с точки зрения конкретики, которая свойственна для относительной истины. Конкретики в том смысле, что факт, как и относительная истина, должен рассматриваться в рамках фиксированного времени и сопряженным с ним местом и условиями (обстоятельствами). В этом смысле в рамках кумулятивной парадигмы знания процесс познания бесконечен, а, следовательно, истинность факта имеет относительную характеристику. Это утверждение справедливо как с точки зрения концептуального, методологического, так и технического инструментария, а также учитывает естественные ограничения перцептивно-аффирмативного опыта субъекта познания на данном и последующем необозримом этапах развития человека, его познавательных способностей.

Наряду с критерием объективной истинности, в человеческом познании неизбежна и, так называемая, субъективация факта в процессе исследования, связанная с оценочными аспектами относительности истины самого факта: «... и физика и психология претендуют на роль всеохватывающих дисциплин: первая стремится описать всю природу, вторая рассматривает все явления, связанные с духовной деятельностью, а природу считает существующей для нас лишь постольку, поскольку мы познаем ее»²²³. Основаниями для субъективации фактов, таким образом, выступают дериваты культуры, в которую «погружен» исследователь, связанные с известными установками и традицией. В этом смысле фактуальный материал на проверку оказывается нагруженным личностными аспектами исследователей, антропологическим опытом в латентной форме²²⁴.

Таким образом, «осознание» становится для нас недостаточно ясным явлением, а стало быть, понимание фактов в рамках чувственного восприятия, к которому неизбежно редуцируется любой этап познания в физике (например, геометризация физики, посредством которой остается инвариантным эстетический вкус и преэминентность исторических аналогий

²²³ Вигнер Е. Пределы науки // Этюды о симметрии. М.: Наука, 1971. С. 170–181.

²²⁴ См.: Экспериментальная психология. Вып. 1-2. М., 1966. С. 25–26.

в понимании самых абстрактных аспектов в физическом познании) не носит алгоритмический, в строгом смысле, конечно исчислимый характер.

Научные факты приобретают форму относительного знания; на это по совокупности нам указывают такие аспекты фактуализации знания²²⁵, как степень эмпирического обобщения, специфики используемого понятийно-терминологического аппарата, выбранных критериев истинности знания в рамках общих эпистемологических установок и парадигмы истинности.

Иными словами, фактуализация представляет собой «механизм перехода факта знания в факт сознания»²²⁶, устойчивую форму восприятия действительности. Диалектика относительной и абсолютной истины указывает нам на приближенность относительной истины бесконечных порядков к гносеологическому идеалу, то есть допустимо говорить об относительной истине, в частности и о любом факте – её выражении, как частице абсолютной истины. В данном значении, для процесса познания факт выступает определенным единством абсолютного и относительного, не допускающего абсолютизации одной из сторон.

Действительно, абсолютизация такой стороны факта, как «относительность истины» возводит в бесконечную степень и субъективную его составляющую интерпретации, приводящую к трансцендентальной дедукции: «что помыслил, то и есть...» и крайнему, идеальному субъективизму (солипсизм). С другой стороны, принятие тезиса об абсолютизации истины, как известно, исключает тезис о бесконечности процесса познания

Вместе с тем логическая оценка фактов с позиции их ложности или истинности применима по отношению к общим фактам, которые принято называть эмпирическими обобщениями. Поскольку такие эмпирические обобщения носят индуктивный характер, на который влияют множество

²²⁵ Пром Н.А. Фактуализация знания как когнитивная система адаптации реальности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. №4. 2019. С. 50-62.

²²⁶ Пром Н. А. Фактуализация реальности в медиадискурсе: характеристики, типы, способы выражения. Дис. ... докт. филолог. наук / 10.02.19, М., 2020.

факторов, именно отсутствие полноты индукции может привести к ложному выводу. Таким образом, эмпирические обобщения являются уже более сложной формой представления эмпирического знания. На основе анализа эмпирических обобщений, сопряженного с индуктивными методами, выявляются эмпирические закономерности, образующие первичную эвристику, призванную «упрощать решение конструктивных, практических задач»²²⁷. В частности, в физическом познании широко используются статистические методы обработки данных, а именно «сглаживание данных» посредством аппроксимирующих функций, а также процедура выявления статистических связей. Вместе с тем, при наличии флуктуаций в амплитудах наблюдаемых характеристик, применяется статистический анализ с учетом вероятностных законов распределения: биномиальный, Пуассона, геометрический, показательный, равномерный, нормальный и так далее.

Посредством методов регрессионного и корреляционного анализа обнаруживается алгоритмическая последовательность, специфический порядок на основе выявления определенной зависимости измеряемых величин. В предыдущих главах настоящей диссертации мы представили примеры описания типов зависимостей (прямых, обратных, пропорциональных, непропорциональных, и так далее), основанных на корреляции временных, пространственных или количественных параметров.

Понимание эволюции системы напрямую связано со знанием эмпирических закономерностей. В частности, динамическая система в общем виде представляет собой такую совокупность (множество) элементов, между которыми установлена функциональная зависимость положения в фазовом пространстве и времени. В физике под фазовым пространством принято понимать такое пространство, в котором каждая точка этого пространства «соответствует одному и только одному состоянию из множества всех возможных состояний системы. Точка пространства, соответствующая состоянию системы, называется «изображающей» или «представляющей»

²²⁷ Философия: Энциклопедический словарь. / Под редакцией А. А. Ивина. М., 2006.

для него. Таким образом, изменению состояний системы, – то есть её динамике, – можно сопоставить движение изображающей точки; траекторию этой точки называют фазовой траекторией (следует отметить, что она не тождественна действительной траектории движения), а скорость такой изображающей точки называют фазовой скоростью»²²⁸.

Иными словами, «вычисление» функциональной зависимости как первичной абстракции эмпирической зависимости позволяет детерминировано описывать динамическое состояние системы в рамках императива темпоральной дивергенции. При этом в философии различают априорную темпоральность и эмпирическую темпоральность на основе специфики «линейной прогрессии прошлого, настоящего и будущего»²²⁹. Таким образом, раскрытие природы явления на основе выявления эмпирических закономерностей, происходит в большей мере при фактуализации, нежели в представлении только научных фактов. Поэтому эмпирическое обобщение становится для нас первичной формой концептуализации эмпирического знания, сопряженного с процедурой её фактуализации.

Однако эмпирические закономерности рассматриваются в науке с позиции процедуры «соотнесения различных сторон и компонентов феномена с целью установления его инвариантной смысловой структуры», то есть с позиции феноменологического анализа. Поскольку такая процедура предполагает предикацию лишь первичного антропологического опыта при анализе данных, то эмпирические закономерности не могут выступать объяснением причины явления.

Это связано с тем, что феноменологический анализ, применяемый в физике, нивелирует процессы более «низкого уровня», необходимые, как правило, в теоретическом в описании тех явлений, которые порождают

²²⁸ Фейгин М.И. Проявление эффектов бифуркационной памяти в поведении динамической системы (рус.) // Соросовский образовательный журнал : журнал. 2001. Т. 7, № 3. С. 121—127.

²²⁹ См.: Темпоральность // URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Темпоральность>; Кант И. Сочинения в шести томах. Т. 3. М., 1964. С. 404.

исследуемые эмпирические факты, представленные в феноменологическом анализе как первичные данные. Феноменологическое описание достаточно широко используется в физическом познании и представлено при исследовании: 1) в термодинамике при выявлении общих свойств макроскопических объектов, например, процессов перехода между различными состояниями термодинамического равновесия; 2) феноменологии элементарных частиц при анализе конкретных экспериментов в интерпретационном аспекте тех или иных концепций физики.

В данном ключе, оценка феноменологических теорий физике была представлена В. Гейзенбергом, который писал: «Важнейшая общая черта феноменологических теорий состоит в том, что хотя они делают возможным соответствующее описание наблюдаемых явлений, и, в частности, нередко позволяют очень точно предвычислить новые эксперименты или последующие наблюдения, все же они не дают истинного познания явлений»²³⁰. Таким образом, в рамках науки подобные закономерности не являются окончательными в описательной части теорий и генетически представляют собой отражение определенного этапа истории естествознания, на смену которому придут открытия законов, имеющих однозначный характер.

Феноменологическое описание эмпирических фактов предполагает наличие отчета наблюдателя, оформленного в виде протокола данных. Существуют разные формы протоколов, но для всех общей особенностью является известная степень формализации периодических наблюдений. Наряду с этим, символическое описание единичных фактов и эмпирических обобщений различаются степенью ранжированности по сложности фактофиксирующих высказываний. Иными словами, помимо описания наблюдаемых фактуальных данных, представленного в графической,

²³⁰ Гейзенберг, В. Роль феноменологических теорий в системе теоретической физики // Успехи физических наук, № 91, 1967. С. 732.

табличной и прочих формах, требуется описание эмпирических зависимостей.

Однако отличие записей эмпирических фактов от записей эмпирических зависимостей существенно; эмпирические зависимости описываются с использованием переменных. Разумеется, это подразумевает наличие и процедуры экстраполяции данных, на основе которой выполняется предсказательная функция. Таким образом, образованная эмпирическая схема позволяет не только осуществлять индукцию, но и на основе экстраполяции предсказывать поведение объекта как сложной системы, а также осуществлять трансдукцию исследуемых свойств объекта; выявлять неизвестные характеристики системы по уже известным характеристикам и так далее. В эпистемологии и, например, в физике, идеальная картина природы представляет собой пример подобных эмпирических обобщений на определенном этапе развития науки. Одной из разновидностей идеальных картин природы является картина мира.

Условием того, что эмпирические закономерности существуют и их возможно и необходимо отыскивать, является принятие тезиса о закономерности развития природы и наличия причинно-следственной связи в этом развитии. Таковы необходимые и достаточные условия, где физические свойства окружающего мира являются необходимым условием, а отыскиваемые эмпирические закономерности, то есть признаки, – достаточным условием. Поэтому физика свою цель определяет в отыскании/открытии законов природы и практическая сторона этой исследовательской деятельности определяет существующий в обществе пиетет к науке. В качестве примера из истории науки наиболее известных эмпирических закономерностей приведем, достаточно хорошо известные нам из школьной программы по физике, такие как периодический закон Д. И. Менделеева, уравнение Менделеева–Клапейрона (состояние идеального газа), закон Ома и др. Выявление таких эмпирических закономерностей, благодаря которым можно управлять природными процессами, становится

необходимым условием для установления эмпирических законов, представленных в точных формулах.

В переходе от перцептивного плана антропологического опыта к эмпирическим обобщениям на основе выявления признаков (общих свойств) при классификации достаточно большого множества однотипных объектов формируются основания гипотез, определяющие комплекс познавательных установок, по отношению к которым в условиях концептуальных противоречий при формировании картины мира необходимо осуществлять определенную согласованность.

Генетически эмпирические основания являются более долговечной эпистемологической структурой, нежели компендиум деривационных гипотез, возникших на ее основе в истории науки²³¹. В.И. Вернадский писал: «Даже если оно является непонятным и противоречит господствующим теориям и гипотезам»²³². Иными словами, по Вернадскому, теория не должна противоречить эмпирическим основаниям, а если эмпирическое обобщение противоречит теории, то последняя ставится под сомнение. Это утверждение в духе К. Поппера о фальсифицируемости как критерии научности эмпирической теории, который был сформулирован в 1935 году. Очевидно, что научные гипотезы не следует отождествлять с эмпирическими обобщениями, поскольку эмпирическое обобщение не только не объясняет факт, но и само нуждается в интерпретации теории.

Количество эмпирических закономерностей с развитием науки постоянно растет. Однако ни одна гипотеза не имеет в своем арсенале достаточного количества предположений, необходимых для всей системы, или хотя бы группы эмпирических закономерностей. Вместе с тем, физическая картина мира как обобщенная форма концептуализированного и категоризированного знания содержит в себе объяснение всех эмпирических закономерностей и представляет собой не просто обобщенный

²³¹ См.: Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М., 1988. С. 40-41.

²³² Там же. С. 91.

образ реальности, но и рассматривается в качестве «системы знаний наиболее общих закономерностях и свойствах мира. Осуществляет синтез научных и философских понятий и идей, объединяя проблемы видов и строения материи, её фундаментальных объектов, общих закономерностей их взаимодействия, движения материи, проблемы сущности пространства и времени, причинности и закономерности»²³³. Тезис о том, что в реальной действительности все явления между собой обусловлены причинными связями, закреплён философией и наукой в категории и принципе причинности. В сущности, данный принцип устанавливает причинное соответствие явлений и законов.

В данной связи начальный исторический период становления современных теорий обусловлен большим количеством фактов и эмпирических обобщений, что позволяет говорить о сложной фактуальности при их интерпретации. Дело в том, что смысл фактуальных предложений задается концептуальной матрицей (сеткой), основа которой обусловлена антропологическими способами абстрагирования (человеческой способности перцептивно-аффирмативного выделения существенных свойств) и антропологической спецификой деятельности (деятельностный подход) макроскопического субъекта познания (деятельность макросубъекта определяет его специфику когнитивного аппарата). Порой несоответствие обыденного и научного антропологического опыта в физике при описании фактов приводит к такой конфликтной ситуации в познании как двойственность или парадокс.

При наличии подобной ситуации в науке актуализируется задача формирования когерентности знания в зависимости от типов парадокса (эмпирико-эмпирический, внутритеоретический, межтеоретический)²³⁴. В этом смысле физическая теория и эмпирические обобщения взаимосвязаны в рамках процедуры нормализации, исключающей дублирование и

²³³ Стёпин В. С., Горохов В. Г., Розов М. А. Философия науки и техники. М.: Гардарика, 1996, с. 232–240.

²³⁴ Майданов А.М. Возникновение парадоксов и способы их разрешения // Философия науки. Вып. 3 М., 1997. С. 170–184.

избыточность фактических экспериментальных данных, полученных различными способами.

Следование тезисам о том, что «человек – мера всех вещей» или «человек – венец природы (творения)» с античных времен «естественным образом» поставило человека и Землю в центр мироздания и, как следствие, определило метафизическую сущность геоцентризма. Вместе с тем, один из основных тезисов эзотерических учений (герметизм, спиритизм, кабала, суфизм)²³⁵, которому тайно следовало множество ученых от Античности и до эпохи Просвещения включительно, о том, что эмпирическое бытие человека является периферией духовного бытия, вызвали представление о том, что Порядок скрыт от чувственного взора и доступен лишь Разуму. Высшим бытием является Логос, который вследствие онтологической и творческой избыточности Единого, эманационирует в материальный Универсум. Отсюда вытекает основное целеполагание ученого, его нравственная задача Просвещения и Посвящения, а также и понимания Образования как преобразование своего несовершенного бытия и достижения духовного уровня, приближая себя к уровню Абсолюта. Этот путь познания глубоко пронизан мистикой, не только божественной, но и естественной (как в случае с алхимией), основанной на принципе единства материи, который признается и современной наукой.

Вместе с тем, в научной среде не могли не отметить, что подобные теоретические построения шли вразрез с «бритвой Оккама», принципом, который в современной научной формулировке звучит: «Не умножайте сущности сверх необходимого». Этот принцип еще называют законом экономии мышления, суть которого известна со времен Аристотеля как закон достаточного основания. Таким образом, нивелирование в научном дискурсе «многого», которого в те времена было предостаточно без особой

²³⁵ Панин С.А. История эзотерических учений в перспективе истории философии // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки, 2012. С.142-146; Hanegraaff W. Beyond the Yates Paradigm: The Study of Western Esotericism between Counterculture and New Complexity // Aries, Vol. 1, Issue 1. Brill, 2001. Pp. 5–37.

необходимости утверждения фантастических теоретических конструкций, стало реакцией умонастроения научного сообщества, определившего дух соответствующей эпохи, тяготеющий к последовательному эмпиризму, к наблюдениям и эксперименту.

Философия Ф. Бэкона, Д. Юма, Дж. Локка, Дж. Беркли стала основным выразителем этого духа, стремясь вернуть человеку достоинство, которого он лишился вследствие отрицания эмпиризмом его божественной природы. Попытка определения человеческого достоинства была осуществлена в трансцендентальном эмпиризме, типичной формой которого является материализм. Концепция человека «*tabula rasa*» (в пер. с лат. – чистая доска) отвергает доктрину иннатизма (лат. *innātus* «врожденный»), то есть врожденных идей, и определяет прогрессивное развитие человека «с чистого листа» как самосозидание.

Смысл новой жизни еще следует наполнить и испытать и смысл этот родственен мысли о том, что Истина и Благо доступны лишь Разуму и Воле. Разум определяет целеполагание деятельности человека, отвечая на вопрос «Зачем»? Воля дефрагментирует эмпирическую реальность в надэмпирическую целостность. Вместе разум и воля должны обеспечить прогрессивному человеку Свободу, реализовав лозунг «Человек – венец природы» и «человек – Творец», ибо для эмпириков Бог и есть природа. Чтобы познать природу, ее необходимо испытывать, однако исследовательский опыт того времени был еще недостаточно обширен, чтобы избежать наивной и неправильно истолковываемой фактуализации.

Тем не менее, выдвижение новых идей, концептуализация новых понятий определило развитие научного знания не только в экстенсивном аспекте развития, то есть в рамках существующей теории, но и в интенсивном ключе, связанным с развитием методов обработки эмпирических данных. Интенсивное развитие научного знания предполагает возможность выработки новой теории в ситуации появления аномальных фактов. Последние появляются, как правило, с расширением предмета

исследования в отношении новых аспектов «фрагментов реальности». Технический прогресс и вычислительные возможности существенно позволили нарастить фактическую базу; только небольшой процент данных ЦЕРН (адронный коллайдер) были выложены в 2016 году в открытый доступ вместе с виртуальной машиной LINUX CERN 6 и инструментами для анализа. Однако даже этот объем информации впечатляет – 300 терабайт, чтобы обнаружить скрытые корреляции эмпирических данных для получения эмпирических обобщений, даже с этим инструментом понадобится не один десяток лет.

Установление корреляций эмпирических данных предполагает эвристический поиск с применением различных групп методов по обработке количественных данных. В результате огромной специфической работы по сопоставлению количественных характеристик выявляются частотность, повторяемость явлений, аппроксимируются свойства для определения тенденции и т.п. Прогрессивное наращивание количественных фактов важно для установления математической зависимости и является необходимым условием выявления сущности явления на более широком уровне эмпирического обобщения. Разумеется, нас волнует, прежде всего, качественный аспект знания и, в данном смысле, формальная новизна повышения количественных характеристик не всегда содержит новую информацию об исследуемом эмпирическом факте: технически аккумуляция однотипных фактов даже в бесконечной прогрессии не позволит нам раскрыть сущность вещей. В этом смысле, научный факт существенно отличается от наблюдаемых фактов, поскольку своей фактуальностью включен в концептуальную систему научного знания и является частью ее логической и категориальной структуры. Фактуальное знание стимулирует эвристику аккумуляции эмпирических фактов для содержательного обогащения эмпирических обобщений с целью более глубокого понимания движущих сил физических процессов.

Такое понимание, в достаточно полной мере, присуще на таком уровне научных абстракций в отношении эмпирических фактов, содержится в картине мира. Она представляет собой наиболее общее эмпирическое обобщение физических эмпирических данных на уровне фактуализированной системы знаний об общих закономерностях и свойствах природной реальности. Ключевые аспекты познания, представленные в картине мира, определяют актуальность их теоретического анализа. С позиции категориального анализа, физическая картина мира по масштабам экстраполяции и корреляции эмпирических обобщений обнаруживает философский мировоззренческий статус. И «антифилософская», если ее рассматривать с позиции логико-гносеологических оснований и ее генезиса применительно к обогащению содержания рациональной картины мира в рамках ее логически непротиворечивой целостности при сохранении понятийно-категориального аппарата.

Категориальность рациональной картины мира в научном познании выполняет функцию анализа концептуальных теоретизированных форм знания в аспекте их потенциальной ревизии при учете таких факторов как влияние культуры в научных исследованиях и развитие научных представлений о личности исследователя. Иными словами, рациональная картина мира обнаруживает категориальный статус.

Вместе с тем, происходит известная методологическая трансформация понятийно-терминологического аппарата рациональной картины мира в рамках новой концептуализации, осуществляемой на метаязыковом уровне по отношению к физическим теориям. Иными словами, принципы теории как эпистемологические установки ограничены областью применимости, то есть не экстраполируются на более широкую предметную область. В то же время принципы и ключевые понятия картины мира имеют максимально общий характер сродни философским идеям, выражающим максимально общее отношение субъекта к действительности и потому их область определения

(основания) включает в себя области определения всех фундаментальных физических теорий на данном этапе.

Действительно, теоретическое исследование направлено к сущностной стороне свойств, признаков предмета, то есть делают его фактуальным и выделяют на уровне сознания его от других предметов. По отношению к частным физическим картинам мира это означает, что исследование с необходимостью выясняет специфику знаковых систем как отражение объективной реальности. Поскольку реальность есть объективная реальность, представленная в знаковых системах, то характеристики объективно-реального мира предстают посредством понятий и терминов, законов. В этом основное отличие природной реальности от объективной реальности, поскольку последняя не зависит от того, что мы о ней думаем, то есть не зависит от концептуальных форм знания.

Таким образом, использование знаков интерпретатором обусловлено процедурой замещения материального объекта, не связанной с детерминацией естественного характера. Это справедливо для формы знаков, но не для значения: для интерпретатора использование знака подразумевает не только осознанное использование форм знака, но и их смысловых значений. Последнее является необходимым условием возможности представления объектов физической реальности. Вместе с тем, однозначность представления при интерпретации обозначаемых объектов осуществляется в научном сообществе конвенциональным образом. Без конвенциональности, задающей неизменность свойств знаков, в принципе не представляется возможным осуществить различения знаков и их оперирование, например, при соответствии знаку групп материальных объектов.

Взаимосвязь знака и реальности осуществляется в рамках семиотических систем, а не отдельных знаков. В результате мы имеем дело с гипотезами в рамках функционирования знаковых систем. Подобие образа рациональной картины мира реальной действительности возможно на основе

морфизма в категории знаковых систем, функционально отображающих структуру реальности в знаковых гомоморфных значениях. При этом, ссылаясь на теорему о гомоморфизм²³⁶. При таких значениях рациональная картина мира выступает в модельной функции объективной реальности. Гомоморфизм упрощает представление в сознании об объективной реальности, предполагая конструирование ее рационального наглядного образа. Таким образом, знаки выполняют функцию отражения взаимосвязи и взаимоотношения познаваемых объектов.

Вместе с тем, наглядность такого отображения посредством форм физических моделей с использованием символического языка с точки зрения обыденного опыта не обладает привычной образностью. Наряду с этим, на высоком уровне обобщения, на уровне физической и даже рациональной картины мира, отражающей взаимосвязь и взаимоотношения объектов реальности, картина мира является рациональным образом объективной реальности.

Однако, если учитывать такую особенность знака, как не тождественность объекту, то сходное отличие будет обнаруживаться и в отношении знака и образа. Из этого некоторые исследователи полагают, что и знаковая система, в частности картина мира, не может являться образом. Тем не менее, информация, которую мы соотносим при оперировании образами позволяет нам в достаточном приближении воспроизводить оригинал. По нашему мнению, знаковая система не должна рассматриваться только как совокупность знаков, но необходимо рассматривать знаки во взаимоотношениях: трудно представить познавательную ситуацию, в которой мы рассматривали бы существование знака без учета его связей с другими знаками.

В данной связи картина мира, рассматриваемая исследователем в качестве знаковой системы, приобретает основные признаки образа, отражающего познаваемый объект (структуру, свойства) в достаточной мере.

²³⁶ Гомоморфизм. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/гомоморфизм>.

Таким образом и рациональная картина мира становится образом реальной действительности, достаточно наглядным образом. Интенция к наглядности компонентов знаковых систем, будь то графический чертеж или структурно-логическая блок-схема, обусловлена тем, что в данной форме рациональная картина мира представляет собой пересечение науки, культуры и философии: «На эту картину и её оформление человек переносит центр тяжести своей духовной жизни, чтобы в ней обрести покой и уверенность»²³⁷.

В широком смысле слова в философии образ представляет собой репрезентацию или представление. В принципе, если элемента знания достаточно для содержательной репрезентации группы объектов, то обнаруживается сходный методологический функционал. Образ, по сути и есть информация об объекте, системе и так далее. Иными словами, образом является все то, что в какой-либо мере несет в себе информацию о другом.

Требование наглядности к концептуальным формам знания предъявляется на основе рациональной сопряженности перцептивным каналам познающего субъекта, то есть наглядность обусловлена возможностью восприятия органами чувств. Этот принцип лежит в основе любых структурно-функциональных моделей, описывающих и объясняющих самые сложные природные явления и процессы. Таким образом, наглядность специфических образов действительности необходима как для объяснения, так и для понимания изучаемого явления, объекта в процессе познания.

Вместе с тем, хотя наглядные образы апеллируют к чувственным формам отражения, смысловая содержательность диалектически обращена к понятийному мышлению. Диалектика единичного и общего в рациональной картине мира обнаруживается на примере сопоставления представления образа на чувственном уровне как явления и теоретическом уровне как сущности. Иными словами, рациональная картина мира рассматривается нами в единстве наглядного и абстрактного. В процессе конструирования картины мира обнаруживаем отражение единства и сущности в

²³⁷ Эйнштейн А. Физика и реальность. Сб. популярных работ. М., 1965. С. 9.

эмпирической репрезентации существенных связей и отношений, с одной стороны теоретически типизированное, а с другой синтетически существенное. Наряду с этим, сущность рациональной картины мира раскрывается в причинно-следственных связях, событиях: различные восприятия одного и того же события обуславливают различные типы причинно-следственных связей.

Иными словами, теоретические представления в рамках теоретического мышления являются необходимым инструментом понимания сущности явлений и закономерностей объективного мира. В данной связи, рациональная картина мира представляет собой знаковую систему, в которой понятие знака является базовым элементом картины мира. При этом характер связи денотата и его субъективного образа (концепта денотата) – десигната, остается условным в отношении сходства с предметом. Мыслительные процедуры обобщения, абстрагирования и т.п. приобретают новый эвристический потенциал для исследования. Такая точка зрения позволила создать знаковое направление, при помощи которого возможно моделирование ряда когнитивных функций (целеполагание), иных типов картин мира.

Идея неисчерпаемости материи обуславливает «неисчерпаемость процесса познания»²³⁸. С позиции теории информации: «информация об объективной реальности получает свое эффективное содержание только тогда, когда успешно используются для преобразования материального мира в ходе практической деятельности, в которой субъект диалектически связывается с объектом и изменяет и свою и его организованность»²³⁹. Организация информации с позиции абстрактно-схематической, алгоритмической и материально-энергетической моделей определяет информационную емкость объекта, возможности переработки которой

²³⁸ Мостепаненко А. М. Неисчерпаемость микрообъектов и проблема многообразия пространственно-временных отношений. — «Философские науки», 1971, № 1.

²³⁹ Земан И: Познание и информация. Гносеологические проблемы кибернетики / Перевод с чешского Р.Е. Мельцера. Спецредакция и предисловие кандидата философских наук А. Д. Урсула Москва: Прогресс, 1966.- 254 с.

человеком весьма ограничены. Конструирование человеком картины мира является в данной связи необходимой гносеологической процедурой, позволяющей существенно ограничить информационную емкость объективной реальности на основе специфического упорядочивания количества информации, воспринимаемой субъектом.

Элиминация и снятие чрезмерной сложности эмпирического базиса картины мира, и трансформация ее в компактную декомпозицию происходит путем отвлечения связей, несущественных в практическом отношении исследователя. Иными словами, рациональная картина мира представляет собой упрощенную, абстрагированную, копию объектов реального мира, в которой объекты рассматриваются лишь в тех аспектах и свойствах, которые нас интересуют. В этом смысле абстракции огрубляют, упрощают не только саму мысль, или даже ощущения, но и понятие.

В силу того, что комплексное и всестороннее исследование предполагает использование в познании упрощенных моделей, появляется бесконечное множество со/бытийных картин мира с различными характеристиками объектов. Понимая «картину» мира как «образ» исследуемой реальности, мы отмечаем, что непосредственно в ее создании участвует человек, задавая параметры своего герменевтического мира, коррелирующих с объективной реальностью.

Картина мира не выражает абсолютные соответствия, так как картина мира отражает лишь определенную стадию человеческого познания со/бытийных объектов, сопряженную с условностью уровня развития символического знакового языка. Таким образом, картина мира не только замещает исследуемую реальность в познании, но и содержит в себе синтез знаний об окружающем мире и о человеке как познающем субъекте, выражающий целостное представление о мире. И как концептуальное знание, обладает экстраполяционным потенциалом в отношении со/бытийных конструкций.

Таким образом, мы *впервые доказали* связь концептуализации и категоризации в познании через соотнесение и перенос (трансдукцию) антропологического опыта на структуры эмпирического обоснования рациональной картины мира.

При этом установлено, что эмпирическая концептуализация и категоризация антропологического опыта реализуется, прежде всего, в рациональном научном познании. Нормативное требование учета специфики рационального мышления при различении эмпирического и теоретического знания реализуется по способу отражения действительности в антропологическом опыте, и способам получения знаний.

Контакт человека с реальной действительностью посредством наблюдения и эксперимента обуславливает формирование эмпирического знания в антропологическом опыте, который аккумулирует в различные формы знания. В переходе от перцептивного плана антропологического опыта к эмпирическим обобщениям на основе выявления признаков (общих свойств) при классификации достаточно большого множества однотипных объектов формируются основания гипотез, определяющие комплекс познавательных установок.

Наглядность специфических образов действительности необходима как для объяснения, так и для понимания изучаемого явления, объекта в процессе познания. Вместе с тем, хотя наглядные образы апеллируют к чувственным формам отражения, смысловая содержательность диалектически обращена к понятийному мышлению.

4.2. Антропологический опыт в рациональной реконструкции теоретического знания

Выделение признаков явлений или сущностей на основе фактов позволяет обогатить, расширить пределы теоретических понятий. Сопряженность теоретических и эмпирических понятий происходит на основе опыта: объяснительный базис корреляции данных эмпирической регрессии осуществляется посредством осмысления выборки на основе принципов. Данный подход предполагает классификацию верифицируемых данных опыта с возможностью последующего объяснения и прогнозирования.

Обобщение эмпирических закономерностей предполагает выявление сущностей первого и последующих порядков. В общем формальном научном смысле, порядком называют инвариантное состояние системы относительно неких параметров среды, например, пространственных сдвигов. Вместе с тем, целью познания, при этом, остаётся выявление детерминанты инвариантности, а не выявление реального или потенциального поведения системы. Такое объяснение сущности фрагментов объективной реальности возможно на теоретическом уровне познания в рамках концептуальных форм знания, в том числе гипотез, теорий, включающих законы, онто-гносеологические и логико-гносеологические установки в виде системы принципов, составляющих основания теорий: «Возникновение понятия закона природы положило начало формированию научного мировоззрения»²⁴⁰.

Основной компендиум теоретического знания представлен в рамках фундаментальных положений теоретической физики. В данном компендиуме содержится объяснение не только самих явлений объективной реальности, но и их группировки по областям в рамках, так называемых, центральных

²⁴⁰ Шалак В.И. Алгоритмические явления в природе: модель объяснения // Вопросы философии. 2020. № 11. С. 121.

теорий. Группировка явлений по областям обусловлена тезисами детерминизма о взаимосвязи явлений объективной реальности. В физической реальности данная универсальная связь имеет статус основных законов, выражающих сущность исследуемых явлений.

Иными словами, речь идет о глубинных связях и тенденциях развития актуальных и потенциальных форм бытия. Таким образом, основные законы – это суть теоретические законы, которые в отличие от эмпирических законов не ограничиваются выражением связей непосредственно наблюдаемых фактов (объектов, процессов, явлений объективной реальности). Границы применимости эмпирических законов обусловлены рамками именуемого исследователем природного явления. В теоретической науке, эмпирические закономерности всегда являются неким частным случаем, следствием теоретического закона.

Для элегантного отображения внутренних связей между явлениями, то есть их группировки по областям, в формализме теоретических законов используется новые математические объекты – операторы. Фактически, оператор для теоретической физики является специфическим обобщением понятия функции, которое в эмпирической физике используется весьма широко для обобщенного аналитического или графического отображения зависимости сущностей в соответствии с неким правилом. Однако специфика этого обобщения аналогична «обобщению» правила в закон. Иными словами, правило есть некая функция соответствия друг другу наборов (по количеству переменных) чисел/значений. В то время как, оператор указывает на соответствие целых групп объектов, над которыми формально можно осуществлять математические операции.

Одним из примеров отображения эмпирических закономерностей и их теоретического выражения в виде закона является соотнесение эмпирического правила Э.К. Ленца, сформулированного им в 1833 году, и теоретического закона, представленного впоследствии уравнением Дж. Максвелла. Согласно выводам Максвелла, источниками электрического

поля являются как электрические заряды, так и изменяющиеся во времени магнитные поля. В свою очередь, магнитные поля приходят в возбужденное состояние как вследствие наличия электрического тока в проводнике, так и переменного электрического поля. Однако, отмечается отсутствие симметрии в представленных Максвеллом уравнениях относительно имеющих общую природу электрических и магнитных полей, так как в реальности отсутствуют магнитные заряды по аналогии с известными электрическими зарядами. Очевидно, что правило К.Х. Ленца определяет связь явлений электромагнитной индукции и электрических токов, тогда как для уравнения Максвелла эта связь является частным случаем в рамках взаимосвязи электромагнитного поля и электрических зарядов, описывающих более широкую группу физических явлений.

Любой объект как фрагмент объективной реальности гносеологически неисчерпаем и в силу этого является сложным объектом/системой. Однако сложность в научном исследовании, по нашему мнению, рассматривается не в суммативном наращивании параметров исследуемой системы, а как практический замысел, *«замысловатость»* связей составляющих её элементов. Эта *«замысловатость»* связей делает рациональное описание весьма запутанным, а порой и противоречивым.

Прояснение подобной *«запутанности»* картины материальных объектов и их взаимосвязей осуществляется субъектом путем отвлечения от чрезмерной сложности. Известные ограничения наших органов чувств, работы мозга, побуждают создавать простой рациональный образ, устраняя сверхсложную замысловатость описания. Для простоты и алгоритмической ясности мысли мы с необходимостью *«упаковываем»* наше сверхсложное знание об объектах реальной действительности, используя специфические алгоритмы, формализмы, символы. Аллюзия этой познавательной ситуации в том, что для упрощения представления о мире нам приходится усложнять язык его описания, совершенствовать формализмы и правила, в соответствии с которыми мы можем оперировать *«упакованными»*, отвлеченными от

реальной сложности, абстрактными объектами так же просто, как если бы они были в действительности простыми.

Формально сложность любой мыслительной операции обуславливает информационную емкость оперируемого объекта. Разумеется, чем меньше операций необходимо осуществить для получения результата, тем «*проще*» сам процесс. И в этом смысле, простота решения конкретной задачи определяется количеством, в том числе когнитивных, операций/действий: мы можем решить задачу путем совершения множества операций сложения при отыскании, например, площади фигуры, или решить её в одно действие при помощи интеграла. Разумеется, разница подхода очевидна не только в количественном отношении мышления, но и в качественном. Это качество нашего мышления видоизменяется благодаря нашей способности к «совершенствованию инструмента»: усложнению самого научного аппарата как в математически формальном, так и в понятийно-терминологическом плане.

Таким образом, мысленное отвлечение от реальных систем создает абстракцию, которая широко используется в научном описании в формах идеализированных объектов, моделей, наделяемых исследователем определенными свойствами/признаками и на их основе соотносящимися с, так называемыми, классами реальных объектов. Идеализированный объект как репрезентация фрагмента реальности, то есть замещающий реальный объект, выступает для нас, как исследователей, объектом оперирования с использованием, в том числе, средств математического моделирования и преобразования²⁴¹.

Установленный порядок действий при осуществлении процедуры идеализации предполагает мысленное осуществление предельного перехода к нулевому значению некоторых параметров исследуемого объекта, который в реальности такого значения иметь не может. В широком смысле для идеализированных объектов мы можем не только уменьшать или

²⁴¹ См.: Степин В.С. Теоретическое знание: Структура, история, эволюция. М., 2000, С. 70.

пренебрегать некоторыми реальными свойствами, исходя из практических целей, но и гиперболизировать их, то есть делать их намеренно более преувеличенными при выборе способов реализации практической задачи. С другой стороны, экстраполяция узкой практической части исследования, имеющей эвристический характер, в иные экспериментальные условия может привести к наличию флуктуаций, или выявлению так называемых, флуктуационных значений, выпадающих из интервала прогнозируемых величин. Подобные «напоминания» о сложной природной взаимосвязи выявляются порой и в лабораторных «идеальных» условиях.

Широко известными со школьной скамьи примерами идеализаций являются «материальная точка», «идеальный газ» и так далее. На их примере для широкого круга обучающихся достаточно легко обосновать, что идеализация как методологическая процедура не является сугубо произвольным процессом, а предполагает наличие определенных условий (опытная ограничительная мера), при которых мы можем применить идеализацию. В частности, идеализация «материальная точка» предполагает наличие возможности у исследователя пренебречь линейными размерами и, соответственно, формой движущегося объекта, при условии, что траектория движения данного объекта на много порядков превышает размеры самого объекта. В иных случаях, например, при исследовании аэродинамических свойств объекта в специальных лабораторных условиях (аэродинамической трубе) задача носит уже ситуативный и более сложный характер исполнения. Идеализация «материальная точка» в данном случае по отношению к исследуемому объекту неприменима.

В квантовой физике идеализация «материальная точка» также не может быть применима, например, к электронам, поскольку в соответствии с принципом корпускулярно-волнового дуализма длина волны де Бройля электрона (электрон как квантовый объект одновременно является и частицей, и волной) сравнима с размерами самого атома, который на четыре порядка превышает линейные размеры электрона в классическом смысле

субстратной интерпретации элементарных частиц. С учетом этого, данную ситуацию предлагается рассматривать в иной, абстрактной квантово-механической модели атома, которую в физике и квантовой химии именуют волновой моделью с использованием такого понятия как вероятностное распределение электронной плотности для орбитали. Наряду с этим, в общем виде, для идеализаций объектов используются не только пренебрежение линейными размерами, но и временем, а также другими параметрами объекта как сложной системы в рамках поставленной цели исследования и способов ее практической реализации.

Разумеется, в теоретическом познании используются более сложные идеализации, образующие смысл таких абстрактных объектов, в том числе и ненаблюдаемых сущностей (кварки и т.п.), которые физики называют «теоретическими конструктами»²⁴². На теоретическом уровне познания, теоретические конструкты не являются редуцируемыми к эмпирическим терминам описания. Конструктивной особенностью сознания субъекта познания является его активный характер, обуславливающий возможность эмиссии в концептуальные структуры знания специфических понятий и терминов, не выводимых эмпирическим путем, но имеющих соответствующее эмпирическое обоснование. Иными словами, ученый предписывает идеальному объекту его свойства и соотносит эту интеллектуальную конструкцию как схему с реальным объектом или, строго говоря, с набором его свойств.

Активный характер познающего субъекта в рамках практической научной задачи, в известной степени, обусловлен его антропологическим опытом, определяющим тип алгоритмизации (конструктивизации) познавательного процесса: в целом, свойства идеальных объектов все же задаются или приписываются самим исследователем, а не усматриваются полностью им в реальном объекте. Приписывание неких свойств в рамках логически непротиворечивого мышления является необходимой мерой

²⁴² Степин В. С. Теоретическое знание: Структура, история, эволюция. М., 2000. С. 66.

соотнесения фактов с описанием предполагаемых условий их существования как научного объяснения.

В конечном итоге, заметим, что свойства объекта суть, прежде всего, являются выражением субъектно-объектных отношений (антропологического интервала свой/чужой): «задача состоит не в исследовании того, что он усматривал в фигуре или в одном лишь её понятии, как бы прочитывая в ней её свойства, а в том, чтобы создать фигуру посредством того, что он сам *a priori*, сообразно понятиям мысленно вложил в нее и показал (путем построения). Он понял, что иметь о чем-то верное априорное знание он может лишь в том случае, если приписывает вещи только то, что необходимо следует из вложенного в неё им самим сообразно его понятию...»²⁴³. В данной связи множество свойств идеального объекта в силу необходимости интеллектуального контроля при ограниченном антропологическом опыте весьма ограничено.

Существенное отличие идеального от идеализированного, то есть замещающего идеальное, например, в эксперименте, впоследствии служат для конструирования их производных, дериватов, а также комплекса отношений часть–целое во взаимосвязи транзитивных и частично упорядоченных формализованных отношений на основе интуитивных идей. Такая рациональная форма освоения действительности, по сути, является концептуализацией, позволяющей осуществлять «переход от одного уровня исследования к другому»²⁴⁴.

В соответствии с объяснением факты (наблюдаемые процессы, объекты, явления) приобретают научный статус. Объяснение представляет собой теоретическое осмысление посредством процедуры подведения факта под теорию: в общем виде это означает то, что в теории содержатся описания условий существования факта. Опытное воспроизведение данных условий человеком предполагает, в свою очередь, возможность воспроизведения

²⁴³ Кант И. Критика чистого разума. Соч.: В 6 т. Т. 3. М., 1964. С. 84–85.

²⁴⁴ Ахтямова В.А. Концептуализация свойств и отношений системы / В.А. Ахтямова, Э.А. Ефанова, А.М. Ахтямов // Вестник Казан. технол. ун-та, 2011, Т. 14, №8. С. 308–312

самого факта (явление, процесс, объект) в действительности. Таким образом, объяснение становится важнейшим компонентом рациональной репрезентации концептуальных форм знания не только в рамках конкретной теории, но и, так называемой «единой теории всего».

Предложенная Р. Декартом процедура рационализации путем квантификации в описании сложных структур бесконечно-многообразного мира позволило рассмотреть качественные признаки исследуемого объекта в количественном измерении. Таким образом, на основе математических формализмов, в частности, теории групп, по квантифицируемым признакам, то есть выражаемым количественным способом качественных признаков, и алгоритму определяется степень симметричности различных объектов, в том числе, живой природы. Наряду с этим, понимание симметрии как инвариантности объекта в настоящее время наиболее распространено в научной среде и применимо не только к материальным, но и математическим объектам. К последним мы относим, в том числе, уравнения, операторы, функции; при этом, несмотря на формальное описание инвариантности относительно некоторых преобразований, исследователь воспринимает конечный результат подобных преобразований с позиции антропологического опыта в эстетическом аспекте *изящества* и *красоты*.

В этом именовании мы обнаруживаем идею «*стандартизации*», понимания того, что многообразие мира основано на мультиплетах ограниченного набора элементов, представленных в математических структурах и алгоритмах. По сути, данный подход имеет отношение к современному основанию научного представления о существовании законов вообще, в том числе законов сохранения. В такой трактовке «... ясно проступают контуры понимания закона природы как выражения причинно-следственной связи между фактами и явлениями, причем, Бэкон в качестве

наиболее глубоких причин указывает «*Latentis Processus et Latentis Schematismi*» тел, то есть отсылает к микроуровню организации материи»²⁴⁵.

Объективная сложность в науке ранжирует, в известной степени, трудность понимания природы как эмерджентной системы. При этом сложность поведения систем приобретает характеристики полиномиальности²⁴⁶. Вместе с тем, наше стремление видеть в объективном сложном невидимое простое, то есть ясное для ума («*oculi mentis*»), определяет очевидную необходимость поиска маяков в штормовом море жизни: интенция к неизменности и фундаментальности человеческой жизни проецируется на «топографию» единой картины Природы в поиске ее неизменности и фундаментальности и привносит, таким образом, философско-антропологическую повестку. Этим, возможно отчасти, и определяется инвариантность как сущность науки, как специфическая деятельность человека, направленная на рациональное объяснение мира человеком. Такое объяснение посредством инвариантности, симметрии характеризует наш мир единым, а физическое знание о мире – системным, основанным на единых принципах.

Интенция ученого о единстве была присуща науке с ранних стадий ее становления на уровнях первичных концептуальных объяснений, которые требовали наличия некоторых допущений, определяющих функцию объяснения причины. Иными словами, объяснение еще до стадии развертывания теории предполагает выход за рамки эмпирических данных.

Развитие теоретического знания, в отличие от процесса приобретения эмпирического знания, различается характером взаимодействия субъекта и объекта. Эта специфика отражается в постановке, формулировании проблемы через вопросы. Форма этих вопросов на теоретическом уровне познания существенно отличается от вопросов, который исследователь

²⁴⁵ Дмитриев И.С. От «номоса» к «фюсису» и обратно (концепция «закон природы» в философии Ф. Бэкона) // Epistemology & Philosophy of Science. 2021. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-nomosa-k-fyusisu-i-obratno-kontseptsiya-zakon-prirody-v-filosofii-f-bekona> (дата обращения: 19.03.2023).

²⁴⁶ Johnson, Steven. Emergence: The Connected Lives of Ants, Brains, Cities. New York : Scribner, 2001. P. 19. ISBN 978-34111040742.

задаёт себе на эмпирическом уровне исследования. Теоретическое знание является ответом на познавательные вопросы о причинах и смыслах того, что эмпирическое знание представляет, как некоторое описание («какой?», «каким образом?») факта.

Таким образом, ясность теоретического знания содержится не в самом описании фактов, но в раскрытии их сущности события каузальным объяснением как «установлением связей между отдельными явлениями и общими фактами»²⁴⁷. При внимательном прочтении философских трудов О. Конта, можно убедиться, что употребляемое им понятие «общий факт» в *Курсе позитивной философии* коррелирует с широко используемым современным понятием «научный закон», из которого дедуктивно выводится новое знание о фактах, где «Царство духа не противопоставляется царству природы, но рассматривается как его имманентная часть»²⁴⁸.

Таким образом, теоретическое знание не сводится только к объяснению фактов и законов в рамках принципа соответствия и принципа единства законов природы, когда один закон является частным случаем по отношению к другому. При этом объяснительная база закона принадлежит законам, действующим на более высоких уровнях организации в пространстве и времени, а само объяснение в практической деятельности приобретает характеристики функциональности, структурности и субстратности.

Объяснения *функционального* типа подразумевает обращение к следствиям, в том числе регулярного однотипного характера. В зависимости от состояния порождающего объекта, мы рассматриваем данные следствия как функции или дисфункции. Вместе с тем, при *структурном* объяснении, исходя из определения системы как структурного многообразия и, обращаясь к структуре как основному фактору системы, объяснение обладает достаточной полнотой описания фактов. В этом смысле, изучение структуры перестает быть автономной исследовательской задачей и является отправной

²⁴⁷ Конт О. Курс позитивной философии // Родоначальник позитивизма. Вып. 4. Спб., 1912–1913.

²⁴⁸ Подвойский Денис Глебович Предметно-методологическое самоопределение новой науки о человеческом обществе: огусть Конт и его теория // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2002. №1. С.103.

точкой объяснений различного типа, в том числе при исследовании генезиса объекта: «... знание структуры объекта является ключом к выяснению его генезиса»²⁴⁹. Такой подход достаточно развит при использовании имитационного моделирования, когда «в условиях неполноты аналитической модели мы вынуждены создавать имитатор, или имитационную модель»²⁵⁰, кибернетизации внешних объектов. Вместе с тем, имеет также значение и субстратная основа, материал, определяющая многие физические свойства объекта. Акцент на данной составляющей фактора определяет статус объяснения как *субстратное*.

При допущении у субъекта познания наличия психологической готовности понимания, Нильс Бор постулировал принцип комплиментарности (дополнительности), в соответствии с которым одна теория (квантовая механика) объясняет факты (процессы, явления, объекты), наблюдаемые в микромире, а другая теория (классическая механика) апеллирует к антропологическому опыту субъекта познания, интерпретирующего факты с целью понимания внутреннего содержания объясняемых первой теорией фактов. В этом смысле, показательно, что физики иногда говорят, что объяснение даёт им понимание. Именно имманентно присущее человеку глубинное содержание имплицитной памяти формирует необходимую установку, основанную на предыдущем опыте, а потому определяющую степень комплиментарности теорий в рамках общенаучного принципа соответствия.

С позиции целостного знания, целью [слово «цель» происходит от слова «целое»] научного исследования становится экстраполяция данных на основе смыслов [предвидение, прогноз], позволяющих осуществлять путем аппроксимации промежуточного знания конструктивизацию познавательного процесса. По сути, именно предвидение, а не простое объяснение

²⁴⁹ Кедров Б.М. Методологические проблемы естествознания (о теоретическом синтезе в современной науке) // Диалектика и современное естествознание. М., 1970. С.181.

²⁵⁰ Kuznetsov A.V., Zhikharev A.G., Matorin S.I., Buzov A.A., Chekanov N.A. Methodological and practical aspects of developing the unit objects pools in system-object models // International Journal of Innovative Technology and Exploring Engineering. Volume-8. Issue-6S3. April 2019. Pp. 582-585.

свершившегося факта и является высшей целью научной деятельности, науки в целом. Возможность предвидения становится существенным признаком наличия в сознании субъекта познания обобщенного образа реальной действительности, рассматриваемой им в теоретической целостности субъективного образа объективной реальности.

Таким образом, с позиции рационального, научного мировоззрения идеальная картина природы, которая формируется в науке, – картина мира, – в качестве обобщённого/целостного образа действительности на теоретическом уровне познания раскрывается в полной мере, то есть теоретик испытывает влияние картины мира посредством исходных обобщенных положений, имеющих научный статус постулатов, принципов, начал. Разумеется, подобное влияние мы не можем считать однозначно непосредственным, однако при этом во внимание необходимым образом принимается тот факт, что новые теории не являются простой экстраполяцией существующих теорий, то есть не могут быть результатом индуктивного обобщения в более широкой предметной области. Новизна идей, рассматриваемых в качестве нового основания для таких теорий в формате систем принципов и т.п. не выявляется посредством простых обобщений эмпирических данных. Для учёных идеи, как мысленные прообразы, обусловлены способностью субъекта познания осуществлять связь с философским, по сути, а потому для физики – «внеэмпирическим» источником познания.

В свою очередь, проблема обоснования, так называемого, внеэмпирического знания на данный момент не является решенной. В попытке описания новых аспектов реальности, теоретическое физическое знание всё больше противостоит абсолютизации опыта, его привязки к чувственному познанию, эмпирическим данным. Вместе с тем, даже на стадии логической обработки эмпирических данных уже применялись и совершенствовались научные абстракции, типологии, схемы, модели. В настоящее время, подобные логические формы в рамках своей

концептуальности в развитии понятийного аппарата в содержательном плане существенно далеки от уровня простого обобщения эмпирических данных в виде определенных закономерностей и для начинающего исследователя играют роль внеэмпирического принципа, который выражается в словесной, либо математической формуле, имеющей статус закона.

При этом, для ученого, по словам П. Дирака, представляется крайне важным эстетическая сторона, казалось бы, далеких от чувственных категорий математических формулировок: «физический закон должен обладать математической красотой»²⁵¹. Для человека красота всегда является источником вдохновения, исследователь в силу обыденного опыта, трансформировавшегося в форму научной рациональности следует, по сути, той же традиции, что и обыватель, то есть интуитивно предполагает, что Природа «предпочитает» красивые решения некрасивым.

Впоследствии физики, например, стали применять эстетическую категорию красоты по отношению к свойствам таких фундаментальных частиц как кварки. При этом учёными в русском языке используется слово «красота» несмотря на то, что в данном контексте изначально используется английское слово «*beauty*» – прелесть.

Итак, понятия «красота» и «прелесть» исследователи рассматривают как синонимы (несмотря на обширную христианскую культурологическую традицию, в отдельных местах разводящую данные понятия) и обозначают им квантовое число, с помощью которого даётся характеристика адронов. При этом «красота» сохраняется в сильном и электромагнитном фундаментальном взаимодействии и пропадает («увядает») в слабом. Таким образом, красивыми считаются адроны, чьи квантовые числа имеют значение больше нуля, то есть положительное.

В данной связи, вопрос о красоте закона, выраженного в математической форме, остается дискуссионным как с точки зрения

²⁵¹ Цит. по: Медведев Б В, Ширков Д В. П. А. М. Дирак и становление основных представлений квантовой теории поля // Успехи физических наук. 1987-09-01. Т. 153, вып. 9. С. 59–104.

объективности, так и научности. Научные законы являются символическим отражением в нашем сознании объективных законов. Их объективность определяется «условиями», за пределами сознания человека, и потому не зависящими от него. В нашем понимании, исходной рациональной посылкой является наличие некоей закономерности Мира, отражение которого человек способен увидеть в «зеркале» научных законов. Данная репрезентация знаний посредством научных законов, составляющих концептуальное ядро теории, имеет «концентрированный» вид и определяет общий контекст теории. Вместе с тем, постановка вопроса о возможной специфичности физических объектов порождает в нашем понимании градацию объективных законов по таким основаниям как объем действия законов, по характеру их действия (*динамические, статистические*). Разумеется, классифицирование возможно осуществлять не только по данным основаниям, но в целом, подобная классификация применяется в науке довольно часто.

Помимо *красоты* законов, довольно часто встречаются рассуждения, близкие к обыденному пониманию, например, такие характеристики законов как неизменность, незыблемость, постоянство и, в какой-то мере, даже их вечность... Однако, философская категория вечности в общем смысле подразумевает наличие свойств, не подверженных изменениям во времени, то есть используется чаще как вневременное понятие. Это также означает, что и во времени свойства сложного объекта остаются в неизменном виде, то есть в каждый момент времени «вечный объект» содержит в себе всю полноту бытия. Возможность существования подобных объектов в материальном мире наукой не рассматривается, но исторически подобная фантазия существует в различных мифах, мистических учениях, как некий идеал алхимиков. Но можем ли мы научно говорить о вечности законов? Всё же физики чаще употребляют это понятие вечности не в философском его значении, а в идеализированном с позиции времени, по версии инфляционной теории, относительно близком, но, в известных пределах, меньшем по длительности ко времени существования Вселенной согласно

стандартной космологической Λ CDM-модели (по оценкам порядка $13,799 \pm 0,021$ миллиарда лет²⁵²). Для этого огромного интервала времени, практически бесконечного для сознания такого конечного физического существа как человек, физики оперируют понятиями фундаментальных констант, инвариантности законов природы относительно сдвигов во времени. Без такого единообразия законы не подлежали бы познанию хотя бы в рамках индуктивных умозаключений.

Примером концептуализации, порой сопровождающейся конвергенцией смыслов, а также их конверсией при переходе от одного уровня исследования к другому, является трансформация эмпирических законов в теоретические, то есть от сущности первого порядка к сущности второго порядка и так далее, от абстрактных знаний к их синтезу в теории. Выявление эмпирических закономерностей на следующем этапе познавательной деятельности приводит к установлению эмпирических законов феноменологического характера, описывающих условия существования систематической связи между непосредственно наблюдаемыми при помощи органов чувств фактами в виде процессов и явлений объективной реальности. Выявленная тенденция процессов общего характера, выраженная количественно, является выражением функциональности эмпирических законов.

В качестве подобных, законов феноменологического характера, выступают, как правило, законы, обобщающие эмпирический (фактический) материал. Разумеется, говоря об обобщении фактуальных данных, мы подразумеваем и выбор концептуализации, в рамках которой подобное обобщение будет успешным. Так, законы Кеплера, выведенные им на основе обобщения лучших данных того времени астрономических наблюдений, выполненными Тихо Браге на протяжении двадцати лет, стали возможны только потому, что обобщение Кеплер проводил в рамках концептуализации

²⁵² Planck Collaboration. Planck 2015 results: XIII. Cosmological parameters: [англ.] // Astronomy and Astrophysics. 2016. Т. 594 (September). С. 31, строки 7 и 18, последняя колонка. DOI:10.1051/0004-6361/201525830.

коперниканской системы. Для Кеплера таблицы наблюдений (эфемериды) выступают лишь строительным материалом, используя который как «архитектор» он полагал возможным создать «стройное здание новой модели»²⁵³.

Тихо Браге рассматривал свою научную деятельность в рамках геоцентрической модели, предполагал наличие сферы неподвижных звезд с фиксированным радиусом, поэтому Браге оппонировав системе Коперника использовал следующий аргумент в письме астроному Ротману: «Годовое движение Земли должно было бы отодвинуть сферу неподвижных звезд в такую даль, что путь Земли вокруг Солнца стал бы исчезающе мал по сравнению с этим расстоянием. Считаешь ли ты возможным, чтобы расстояние между Солнцем, этим предполагаемым центром мира, и Сатурном не составило бы даже 1/700 расстояния от сферы неподвижных звезд? К тому же это пространство должно быть пустым, лишенным звезд. А между тем так должно быть непременно, если годичный путь Земли, рассматриваемый с неподвижных звезд, должен составлять по величине только одну минуту. Но ведь тогда и неподвижные звезды третьей величины, видимый диаметр которых также равен минуте, должны были бы иметь размеры земной орбиты»²⁵⁴. Наряду с этим в истории науки приводятся огромное множество подобных эмпирических законов из разных предметных областей, расширяющих свои границы одновременно с развитием прогресса своей эпохи.

Таким образом, становится достаточно очевидным, что в отличие от других областей человеческой культуры, наука имеет достаточно выраженную прогрессивную природу, хотя и оспариваемую многими философами науки во второй половине двадцатого века. С учетом открывшейся полемики относительно того, что же еще может являться прогрессом науки, дальнейшая концептуализация стала приобретать не

²⁵³ Белый Ю.А. Иоганн КЕПЛЕР (1571-1630). М., 1971.

²⁵⁴ Письмо Тихо Браге астроному К. Ротману 24 ноября 1589 г. Tychonis Brahe Dani Opera Omnia, v. VI, 1919, p. 179.

только методологический, но и аксиологический, а также философско-антропологический характер вопросов.

Установление теоретических законов выводит наше представление о причинах рассматриваемого эмпирического факта за пределы их феноменологического понимания, поскольку данные законы раскрывают чувственно не наблюдаемые связи феноменов. Раскрытие подобных связей осуществляется посредством абстрактных конструкторов с использованием логических процедур идеализаций. Помимо принципов, концептуальное ядро естественнонаучных теорий включает теоретические законы, имеющие более широкие объяснительные возможности, с соответствующими им сопряженными понятиями. При этом Поппер и Кун по-разному понимали прогресс науки: первый апеллировал к идее, что последовательные теории могут приблизиться к истине, в то время как последний характеризовал прогресс с точки зрения способности теорий решать проблемы.

В данной связи, прогресс видится нам понятием, которое связано с целью. В этом смысле, даже недостижимая цель не обязательно является для нас утопичной. Например, такая сугубо человеческая цель, выходящая за рамки нормативности, как нравственное совершенство, может функционировать в науке в функции регулирующего принципа в смысле Канта, если она направляет наш состав мыслей и действий так, чтобы мы могли продвигаться к ней. Подобным образом функционал любого научного принципа с необходимостью может выступать в регулятивной функции. Необходимым условием, определяющим концептуальную установку при расширении референтного поля значений, является также и условие диалектического скачка, выражение которого мы наблюдаем, в частности, при переходе от эмпирического закона к теоретическому закону. Несомненно, такой диалектический скачок как переход от эмпирического закона к теоретическому (от явления к сущности и так далее) является таким же свидетельством прогресса науки.

Таким образом, прогресс науки обуславливает рост объяснительной мощи знания вкупе с возможностью его распространения. О преемственности или традиции распространения знаний, унаследованной впоследствии европейской культурой, мы читаем у Платона в отношении добродетели, которую, по его мнению, можно передавать другим поколениям. Однако, способ передачи не есть простое научение или некий шаблон. Природа добродетели, как процесса установления блага в действительности единичного человека, находится в области трансцендентного, а потому внеэмпирического опыта. Отсюда знание ради самого знания без понимания истинной причины добродетели делает человека неспособным воспринимать идеи, как некие смысловые связи антропологического опыта. Рассмотрение трансцендентного как внеэмпирического в качестве antecedента знания, обуславливает в качестве цели самого знания как такового, – добродетель. Приближение к этой цели посредством выработки концептуальных форм знания повышает объяснительную мощь закона и позволяет нам рассматривать законы (эмпирические, теоретические) через призму ранжированности их объяснительной мощи аналогичной статистической мощности на примерах конкурирующих гипотез как первичных форм концептуального знания. Благодаря такому подходу и сам эмпирический закон со временем получает объяснение на основе высокорангового теоретического закона.

Наряду с этим объяснение обуславливает предсказание, в том числе и еще неизвестных в смысле наблюдаемости явлений, путем рассмотрения их в качестве консеквентов предсказанных закономерностей. В качестве примера объяснительной «мощности» закона приведем для сравнения эмпирический периодический закон химических элементов в классической формулировке Д. И. Менделеева и теоретический закон нобелевского лауреата по химии Ф. Содди, сделавшего открытие радиоактивных атомных превращений, в результате которого периодичность химических элементов объясняется зависимостью от величины электрического заряда атомного ядра.

Справедливости ради отметим, что в 1913 году одновременно с Фредериком Содди и независимо от него Казимир Фаянс открыл правила смещения, которые регулируют преобразование одних химических элементов в другие в процессе радиоактивных распадов.

Действительно, предметом химии не является изучение ядерного превращения вещества, поэтому аналогичным примером, объясняющий эмпирическую закономерность распределения электронов по орбитали, выступает принцип исключения (запрета) Паули, который предоставил теоретическое объяснение эмпирическим числам, соответствующим количеству электронов на орбиталях атома. С этой целью, Вольфганг Паули ввел, так называемое, квантовое число, которое впоследствии физики стали называть *спином электрона*. Наряду с этим, подобных примеров великое множество, демонстрирующих вышеуказанное отношение эмпирических и теоретических законов далеко не в единичном случае.

Вместе с тем, благодаря развитию знаний о сложных системах и нелинейных процессах, по характеру предсказательной функции различают *динамические* и *статистические* закономерности. В данной связи, подобное различие и классификация закономерностей основана на способности познающего субъекта осуществлять в опыте конвергенцию понимания, – от фактов, рассматриваемых в интервале строго однозначных связей состояний объекта во времени, к пониманию фактов на основе представления однородности ансамбля объектов в заданных условиях, неизменных в рассматриваемом интервале времени. В свою очередь, закон, выступая основанием закономерности, то есть являясь атрибутом сущности, является генетическим дериватом категорий, отражающих явления. Однако сущность, или причина закономерности, которая выражается концептуально в понятии закона, является существенно более значимым, чем определение связи феноменологического характера между исследуемыми явлениями.

До XX века динамические законы, то есть строго детерминированные, достаточно в полной мере, с практической стороны, рационально описывали

реальность, в которой состояние систем (объектов) описывается физическими величинами, имеющими однозначные значения. С появлением квантовой физики, стало очевидно, что динамические законы являются лишь частным проявлением статистических законов. Ученые убедились, что статистические, или вероятностные законы, наиболее адекватно отражают связи в объективной реальности, то есть соответствуют научным фактам в смысловой, структурной и потребительской (прагматической) формах с учетом повышения уровня соответствия физическим данным при расширении референтного поля физических объектов в конвенциональном научном познании. При этом выявлена детерминация, выражающая причинную связь и связь состояний: «Причинная связь первична, связь состояний вторична»²⁵⁵.

Статистические же законы исторически еще именуют законами-тенденциями. Такие законы объясняют в рамках существующей теории процессы в мегасистемах, имеющих вероятностно-статистический характер. Тенденция является одной из характеристик связи между явлениями, поэтому достаточно может быть выражена качественным законом (без математической формализации), а не количественным. В этом смысле, переход от качественного закона к количественному закону предполагает наличие переменных, то есть математических объектов, занимающих множество числовых величин, и потому поддающиеся формализации.

Иными словами, количественные законы выражены/формализованы при помощи математических символов и формул/уравнений. Такой переход от качественных выражений к количественным знаменует последующий этап углубления знания и приводит последние к известной классификации законов на эмпирические, теоретические, динамические, статистические. В настоящее время количественные законы отражают не только предметную

²⁵⁵ Левин Г.Д. Проблема трансформации эмпирического знания в теоретическое // Вопросы философии. 2018. № 8. С. 89.

область естественных и технических наук, но и всё более проникают в «сферу духа», гуманитарную область.

В свою очередь, познание повышает информативную емкость законов; обобщения, по аналогии с «*big data*», подобно тому, как эмпирические данные (таблица эфемерид) Тихо Браге были обобщены Иоганном Кеплером и впоследствии имели более емкое выражение в законе тяготения Исаака Ньютона, который, в свою очередь имел более ёмкое выражение в общей теории относительности Альберта Эйнштейна. Наряду с этим мы отмечаем изменение статуса эмпирических законов при появлении новых теорий, по отношению к которым эмпирические законы в соответствии с «принципом соответствия» становятся частными. Таким образом, основные векторы взаимосвязи концептуальных форм связи проходят по траекториям перехода качественных законов к количественным, частных законов к общим, эмпирических к теоретическим.

Считается, что закон как таковой не является продуктом сознания познающего субъекта, то есть идеей в том смысле, что всё же рассматривается в итоге как нечто отделенное от мира явлений. В данной связи кредо науки по Берtrandу Расселу представляется в следующем тезисе: «есть формулы (каузальные законы), которые связывают события, как воспринимаемые, так и недоступные восприятию; эти формулы обнаруживают пространственно-временную непрерывность, то есть не предполагают никакой прямой неопосредованной связи между событиями, находящимися на определённом расстоянии друг от друга»²⁵⁶. Вне данного кредо, без открытия законов, о теоретичности науки не могло быть и речи, её основная функция осталась бы только описательной. Напротив, теоретическая наука в своей основной функции предлагает объяснение, в полной мере которое представляет отсылку на закон. Таким образом, отсылка на закон возможна вследствие признания объективной закономерности. Иными словами, в основе рациональной картины мира

²⁵⁶ Рассел Б. Философский словарь разума, материи и морали. Киев: Port-Royal, 1996. С. 164

существует допущение, что устойчивость мира в рамках его свойств базируется на неизменности физических законов. В этом смысле теоретическое мышление субъекта познания формулирует категории, отражающие фундаментальные законы реальной действительности, фрагментами которой является сам человек.

Переход от описательного процесса в сторону объяснения фактов в некотором смысле обесценивают набор опытных данных в случае, если мы не в состоянии выделить из них основной, фактообразующий, который мы находим у М. Бунге: «гипотезы и теории скорее выделяют опыт, нежели суммируют его ... Ни одна физическая теория не появилась как результат созерцательных размышлений ... над опытными данными»²⁵⁷. Наряду с этим сопряженность гипотезы и философских убеждений исследователя отмечал В.И. Вернадский: «... в общем и в частности [гипотезы] создает ту среду, в которой имеет место и развивается научная мысль. В значительной мере она ее обуславливает, сама меняясь в результате ее достижений»²⁵⁸. Следствием этого варьирование и отбор методологических принципов осуществляется исследователем на основе выбранного им научного подхода (научного метода) в научном исследовании.

Таким образом, основанием гипотезы выступают принципы, среди которых мы выделяем принципы системности (целостности), структурности, историзма. С учетом общих требований к самим принципам, мы выделяем определенную специфику, связанную с объектами реальной действительности, их физической природой. Фактическое соответствие гипотезы и фактов, то есть проблема обоснованности гипотезы, зависит не столько от самого знания, сколько от эмпирических данных. Эти гипотезы мы именуем эмпирически обоснованными гипотезами. Вместе с тем, в случае фальсификации или невозможности экспериментальной проверки гипотезы, производится попытка связать ее с уже имеющимся корпусом знаний. При

²⁵⁷ Бунге М. *Философия физики*. М., 1975. С. 22–23.

²⁵⁸ Вернадский В.И. *Философские мысли натуралиста*: [сб.: К 125-летию со дня рожд.] / [предисл. А. Л. Яншина и др.]; АН СССР. М.: Наука, 1988, С. 98.

«удачном» (логически непротиворечивым) соотношении подобные гипотезы имеют теоретическое, а не эмпирическое обоснование и, впоследствии данная гипотеза как предположение способно выступать регулятивным последующих экспериментов.

В истории науки яркими примерами в данной связи выступают, например, предположения Максвелла о существовании электромагнитных волн; предположения Планка о квантах и так далее. Причем показательно и то, что Макс Планк периодически, подрабатывая настройкой органов (музыкальный инструмент), «прописал» в некотором смысле концепт равномерно темперированного музыкального строя в пространстве мышления и бытия исследователя микромира: гармонические осцилляторы (резонаторы), взаимодействующие с излучением, у него стали такими же равномерно темперированными, как и в случае с равномерно темперированным музыкальным строем.

В этом смысле, вся идея квантовой физики, если связать репрезентант соответствующего концепта с личностной историей создателя квантовой механики, находит свое воплощение благодаря «импринтингу» равномерно темперированного музыкального строя (РТС) Ж.Ф. Рамо, идеи которого популяризировал известный математик Д'Аламбер. В процессе фальсификации гипотезы все же остается некий рациональный остаток, используемый исследователем в качестве «строительного материала» будущих научных изысканий. Таким образом, развитие рациональной картины мира демонстрирует процесс восхождения от абстрактного к конкретному при воспроизведении действительности в теоретическом мышлении.

Среди существующих гипотез на данный момент, физические гипотезы являются, в известном смысле, «долгожителями». Не только эмпирическое, но и теоретическое обоснование гипотезы наряду с выполнением требования отсутствия противоречия известным физическим законам, а также законам естественных наук в целом, является условием конвенционального принятия

основной идеи, концепта, обуславливающего способ понимания в систематическом рациональном описании на уровне концепции. Однако само требование согласования с уже имеющимся знанием, в условиях «аномальной науки» (Т. Кун) создает препятствие, в смысле эвристической парадигмальности, в рамках концептологии при организации процесса продуктивного творческого мышления с учетом изменения референтного поля объектов естественнонаучного и философского анализа. Иными словами, оценка гипотезы должна осуществляться не в терминах логической истины, а в терминах верификации, подтверждения и принятия гипотезы. Следовательно, не гипотеза, а наличное знание должно быть согласовано с гипотезой. Таким образом, правильность гипотезы, так или иначе, обосновывается через верификацию ее следствий опытным путем.

Однако, опытным путем не всегда можно проверить гипотезу. Это связано с разными причинами, в том числе с отсутствием технических и т.п. возможностей создания эксперимента. По истечении времени, некоторые гипотезы «дожидаются» своей очереди, то есть развитая техническая база со временем совершенствуется, впрочем, как и методы, необходимые для опытного обоснования гипотезы.

Таким образом, примем этот временной интервал от появления гипотезы до ее обоснования за «время жизни» гипотезы. Наряду с этим, в ряде гипотез вообще отсутствует ясное понимание того, каким образом они могут быть подтверждены, впрочем, как и опровергнуты. В данной связи принцип проверяемости (верифицируемости) для существования гипотез не может быть строго однозначным критерием для их выдвижения. В противном случае, мы вынуждены были бы констатировать, что множество существующих гипотез являются бесплодными фантазиями, лишив их, таким образом, конструктивной функции в процессе концептуализации и развития знания. Тем не менее, критерии, подобные принципу «бритвы Оккама» сохраняются, обеспечивая нам логическую простоту оформления и минимум возможных допущений при максимуме объяснения явлений. Последний

критерий Альберт Эйнштейн имел в виду, когда ссылаясь на необходимость «внутреннего совершенства» гипотезы, теорий как концептуализированных форм знаний.

Особенностью генезиса знания является и то, что мы изначально имеем дело с плюрализмом гипотез относительно попытки объяснения наблюдаемых фактов. Такое положение вещей определяет проблемную ситуацию. В данной связи, физики шутят: проблем не существует, а существует только решение, – осталось лишь его отыскать. Но, как говорится, в каждой шутке есть доля истины и «мораль» ее такова, что гипотезы, даже самые неординарные, выступают для нас на определенном этапе познания аппаратом мышления. Такое конструктивное отношение к множеству гипотез, создает ситуацию необходимости «отделения рационального зерна от плевел» путем совершенствования, апробации в конечном счете, конкурирующих между собой исследовательских программ. Данный научный феномен со временем приобретает массовый характер и приводит к стимуляции определенных научных направлений. В любом случае, гипотеза остается для нас инструментом, полезным лишь на определенном этапе концептуализации физической картины мира.

Конкуренция гипотез представляет собой в научном мире нечто большее, чем монополистическая конкуренция, например, товаров в экономике. Для исследователя важно не столько выбрать одну из множества гипотез, сколько установить истинную причину существующего плюрализма, выявить возможный характер их взаимосвязи. Феномен конвергенции смыслов, помимо «бесконечной» сложности исследуемых объектов, затрудняющих проверку гипотез, становится одной из причин противоречивых интерпретаций. Кроме того, влияние субъективности в выборе гипотез также недостаточно изучена, ведь при достаточно формализованных процессах познания всегда остается место ситуации, описанной современным перифразом афоризма из комедии «Братья»

римского писателя-комедиографа Публия Теренция: Если двое делают одно и то же, то это не одно и то же [*Si duo faciunt idem, non est idem* (лат.)].

Таким образом, помимо конкурентных отношений, мы выделяем отношения частичной комплиментарности в тех случаях, когда гипотезы не эквивалентны по объяснительной мощи в отношении эмпирических данных. В случае, так называемой, эквивалентности гипотез опытное обоснование любой из них не является методологической «панацеей» выбора отчасти потому, что «в одни и те же цифры можно вложить разные идеи», то есть различные гипотезы имеют практически равную вероятность казаться убедительными. Функцию арбитра для исключения субъективности выбора возлагают (в рамках ожидания), как правило, на будущую гипотезу, которая способна объяснить различные выборки фактов конкурирующих гипотез с позиции общей полноты рассматриваемых данных. Всегда в данной связи необходимо иметь в виду, что количество фактов хоть и ограничено, но область интерпретаций потенциально бесконечна, то есть взятый в отдельности факт без учета феноменологической взаимосвязи с другими фактами, может удовлетворять различным альтернативным интерпретациям.

Отмечая наличие некоторой субъективной стороны выбора, мы в качестве критериев или, в совокупности «фильтра» выбора выделим принцип простоты: маловероятно, чтобы две гипотезы были строго эквивалентны в сложности объяснения. Мы всегда руководствуемся простыми объяснениями. По нашему мнению, это необходимо для достижения понимания сущности явления. Впоследствии объяснение исчерпывает себя в понимании, если изучаемое явление рассматривается в более широком контексте объектов физического и философского анализа. Таким образом, истина всегда проще сложного объяснения, подобно афоризму поэта и теоретика классицизма Николо Буало, который отмечал: «... кто ясно

мыслит, ясно излагает»²⁵⁹. Вместе с тем, принцип простоты обуславливает принцип эстетичности.

В известной степени каждый ученый понимает на собственном опыте, что решение научной задачи сопряжено не только с рутинным использованием методологического инструментария, но и с творчеством. Вследствие этого деятельность ученого приобретает черты духовной деятельности, обеспечивающей процессу получения новых знаний, науке в целом, эстетический окрас. Действительно, принцип красоты, о котором мы упоминали выше, базируется в том числе и на опытном обобщении, что наиболее громоздкие решения, «некрасивые», так сказать, оказываются в результате, как правило, неправильными. Эстетически подобные конструкции воспринимаются как неизящные и, даже в случае получения практического результата способны вызвать чувство глубокой неудовлетворенности у исследователя.

Вместе с тем, с практической стороны, неудовлетворенность полученным научным результатом базируется на принятии установки, что достижение цели всегда подразумевает поиск вариантов, альтернатив, всего того, что мы в совокупности можем назвать эвристикой. И если уместность эстетической красоты в науке по отношению к теориям до сих пор актуальна, то и формальная деятельность в рамках эвристики негласно подчиняется не только правилам соразмерности, но и гармонии и даже красоте. В некотором смысле это роднит науку с искусством, а потому роль концептуального знания в создании шедевров однозначно велика (фундаментальные теории – это не что иное как шедевры).

Несомненно, само открытие, например, объективно существующих законов, то есть существующих независимо от нашего сознания, должно восприниматься нами как некий Порядок вещей. И абсолютизация этого положения привела Р. Декарта к мысли о том, что бытие разумно, то есть

²⁵⁹ Квинт Гораций Флакк, Буало Никола. Поэтическое искусство. Об искусстве и поэзии / Пер. с фр. Э. Линецкой, пер. с лат. А. Артюшкова. Об искусстве поэзии / Квинт Гораций Флакк; пер. с лат. Д. Александровича. М., 2017. С.78.

порядок является атрибутом Бытия. Вместе с тем, альтернативой данного мнения, является положение о том, что данный Порядок, как мы его себе представляем в результате познания, выраженный в языке науки и облеченный, в меру понятную для нас в физико-математическую форму[лу] является не атрибутом бытия, а свойством нашего сознания воспринимать Мир определенным образом. Косвенно на подобную психологическую аллюзию, по типу «глаза смотрят, а видит мозг», указывает наличие принципиально различных концептуальных форм знания с XX века, выходящих за рамки, так называемой стандартной модели физики, а именно, – теория суперструн и теория фракталов. Примечательно, что фракталы выражаются не в первичных геометрических объектах, то есть на субстратной основе, а в алгоритмах, математических процедурах. Гармония в данном случае воспринимается в теории как соразмерность причин и следствий, как отсутствие излишних допущений как в принципах, так и в гипотезах, как согласование следствий с известными фактами. Для физика это красиво, это воздействует на его чувство прекрасного. Нередко нескладность и тяжеловесность концепций обусловлена не сложностью объекта, а отсутствием ясности его образа в научном познании.

Истинность, или достоверность гипотезы принимается путем исключения конкурирующих гипотез в процедурах опровержения. Однако преобладание конфирмационных процедур, в смысле осознанного выбора одной из гипотез в принадлежности к достоверному знанию, дают на практике лишь вероятностный характер истинности. Конкурируемые гипотезы, рассматриваемые в совокупности, с учетом их потенциальной совместимости, таким образом, обладают динамическими вероятностными характеристиками по принципу изменения степени вероятности ее достоверности: повышение вероятности одной гипотезы приводит соответственно к понижению вероятности других гипотез.

Помимо конкуренции гипотезы могут обладать свойствами комплиментарности. Основанием для этого выступает предметность в

объяснении бесконечно сложного природного объекта, рассматриваемого нами как фрагмент реальности. Предметность обусловлена психологической особенностью сознания субъекта познания, отчасти его интенцией (замысла строить высказывание в определенном научном стиле) выделять своим вниманием не объект в целом, а отдельные его аспекты в рамках характера деятельности при субъектно-объектном взаимодействии. При выявлении явления сочетаемости гипотез, их свойства конкуренции относительно друг друга нивелируются до мнимых значений. Таким образом, при сопоставлении таких гипотез, регулятивным принципом становится принцип комплиментарности (дополнительности) Н. Бора.

Достаточно подробно принцип дополнительности Н. Бора описан в научной физико-математической и философской литературе, однако не менее ярким считаются воспоминания В. Гейзенберга о своей утренней прогулке с Н. Бором к руинам старого замка. На первое впечатление от восходящего Солнца на фоне красот старого замка возникло новое, не менее яркое, после слов Н. Бора о том, что этот замок принадлежал принцу датскому Гамлету. Фактически ничего не изменилось, ни погода, ни сами руины. Изменилось лишь само восприятие уже пережитого на фоне новых реминисценций о Гамлете, об У. Шекспире и так далее, словом, относительно всего известного и ранее пережитого им в связи с этим именем. И в рациональной картине мира мы «привязываем» абстракции к определенной системе координат, системе отсчета, связанной с конвергенцией ситуативного интервала. Подобно тому как меняется картина, которую мы созерцаем в галерее, в зависимости от нашего соотнесения с ее центральной проекцией, так и осуществляется реляция абстрактных образов в физической картине мира. В известном смысле так происходит субъективация реальной действительности в рациональной картине мира. Взаимная дополнительность иногда выступает признаком потенциального слияния, синтеза гипотез с использованием смыслового ядра одной из них.

Эмпирическое обоснование гипотезы является необходимым условием изменения ее гносеологического статуса. Различие теории от гипотезы в данной связи, с точки зрения истинности, становится чисто логическим, а не смысловым. Теория как концептуальная форма знания высокого ранга существует как система номологических высказываний, выражающих наиболее существенные и общие связи между объектами, процессами и явлениями в предметной области с позиции выявления сущностей различного ранга (эмпирических, теоретических).

Основное отличие теории от эмпирического знания заключается в возможности экстраполяции объяснительной мощи на еще не изученные факты, осуществление прогноза. Кроме того, в качестве основания теории выделяются исходные посылки самого общего характера в форме принципов, из которых дедуктивным путем и выводится система номологических высказываний, логически не противоречащих друг другу. По совокупности следствий, теория подтвержденная опытными данными, получает обоснование и обладает большей достоверностью. Таким образом, теория как форма концептуального знания представляет собой аффилированную модель антропологического опыта в синтетическом знании, в рамках которого основные категории и законы утрачивают свой автономный статус и рассматриваются с позиции системного целого, непротиворечивого концепта.

В свою очередь, исследователи выделяют среди теорий, абстрактные теории, которые оперируют привычными категориями, например, пространства, в непривычном, неклассическом с точки зрения феноменологии и онтологии для нас контексте. В качестве примера отметим абстрактную теорию потенциала, где пространство обладает свойствами гармоничности и представляет собой «произвольное топологическое пространство, снабженное пучком непрерывных вещественных функций, обладающих аксиоматическими свойствами, характерными для гармонических функций»²⁶⁰.

²⁶⁰ Кондратьев Б.П. Теория потенциала. Новые методы и задачи с решениями. М., 2007. 512 с.

В таких, абстрактных теориях, а их достаточно много, принципы функционирования выявляются нагляднее, чем в феноменологических теориях, выступающих с позиции объяснения сущности первого рода, выявления корреляционных связей между эмпирическими процессами, явлениями. В абстрактных теориях слой эмпирического знания не содержится в явной форме, а потому специфика функционирования теории весьма сложна и опосредована по отношению к эмпирическому базису. Кроме того, появление подобных абстрактных теорий знаменует, на наш взгляд, особую познавательную ситуацию.

Философско-методологический анализ науки постепенно смещается в сторону социально исторического знания в его историческом развитии несмотря на то, что в конкретной познавательной ситуации исследователь может быть ориентирован не на гуманитарное знание, а на естественнонаучные тексты. Исследование сверхсложных систем, обладающих синергетическими характеристиками, понимание человека как фрагмента объективной реальности, в известных смыслах, неотделимого от нее, побуждают рассматривать в качестве компонента человека и человеческую деятельность с позиций синтаксического, семантического и прагматического ее аспектов.

Кроме того, существует деление теорий по логическому основанию с позиции теории как структуры. Традиционно выделяются четыре группы теорий: 1) эмпирические (феноменологические), 2) гипотетико-дедуктивные, 3) аксиоматизированные (содержательные) и 4) формализованные (абстрактные)²⁶¹. К числу первых относятся теории, содержащие в своей основе эмпирические обобщения, позволяющие распознавать объекты не только на перцептивном плане, но и на уровне соотнесения с определенным классом. К числу вторых, помимо эмпирических обобщений используются предметно сопряженные определения, подобно тому как химия в некоторых выводах обращается за объяснением к физике. Третья группа имеет более

²⁶¹ См.: Алексеев П.В., Панин А.В. Теория познания и диалектика. М. 1991.

четкую логическую структуру, выводы являются результатом дедуктивных умозаключений из исходных принципов, выступающих логико-гносеологическим основанием теории.

Формализованные теории возникли в рамках формалистской программы, предложенной Д. Гильбертом в отношении теорий, которые необходимо полностью формализовать путем представления ее аксиом как строчек символов, не имеющих содержания. При этом содержательная часть выполняет роль метатеории, которая дает описание структуры формализма и описание принципов логики и правил преобразования. Суть таких теорий заключается в том, что непротиворечивый формализм выступает гарантом надежности содержательной теории, что обеспечивается надежностью метатеоретического доказательства. Фактически теоретическое знание оперирует абстрактными объектами безотносительно от материальных объектов²⁶².

Теоретизация знания предполагает и его методологизацию, предотвращающую дезинтегративные процессы единого поля понимания в рамках получения «новых научных результатов». Наряду с этим, избыточная специализация знания в рамках «дробления» предметного поля приводит к негативным последствиям не только в системе образования, но и в профессиональном и социальном планах, ведь избыточная специализация становится важным предиктором трудового поведения и способна оказывать влияние на удовлетворенность работой.

Вместе с тем, для многих специалистов научного корпуса методология до сих пор остается неопределенным понятием. Немало трудов, в которых отсутствует ясность содержания многих методологических вопросов относительно физического познания. В большей степени внимание уделяется гносеологическим и онтологическим проблемам физики. Иными словами, рефлексия относительно того какова физическая реальность (содержательный аспект) и как мы ее познаем (формальный аспект).

²⁶² Швырев В. С. Теоретическое и эмпирическое в научном познании. М.: Наука, 1978. С. 188.

Философские проблемы физики группируются относительно таких объединяющих идей, как сингулярность, дополнительность, самоорганизация. В свою очередь осуществление познания в рамках данных идей подразумевает решение специфических онтологий человеческих проблем относительно того, что такое физическая реальность; каково строение мира; динамический хаос; причинность; пространство и время; закономерности и др. В данной связи совершенствуется методологический инструментарий исследователя, расширяется понятийно-терминологическая база, совершенствуется математический аппарат в физическом познании и так далее. В зависимости от разработки методологических принципов, их места в научном познании находится и разработанность самой науки, ее, так сказать, зрелость.

Образ научности в математическом контексте мы обнаруживаем в учении элеатов, хотя эпистемологическая традиция, по нашему мнению, зарождается с Аристотеля. Однако еще Парменид рефлектирует относительно процесса познания, что существует «путь истины» (истинный по определению), когда «бытие» устанавливается не противоречащим себе мышлением, и есть «путь мнения» (ложный), когда о бытии судят на основании чувственного представления. Познаваемое «бытие» у Парменида вне времени, и вневременность бытия сосредотачивается в настоящем едином и самотождественном, когда предмет и мысль о предмете тождественны. Принцип трансцендентальной дедукции гласит: что помыслил, то и есть. Разумеется, подобная «установка» с точки зрения научности, как это понимается с позиции математического закона, условно допустима, если речь идет о «числах», построении исчисления, математизации.

Формализация существенно повышает выразительные возможности содержательности смысла научной теории. Формальные методы являются основным инструментарием теоретической физики, однако и теоретический уровень познания в силу наличия известной содержательности фактического

материала не может быть в полной мере формализуем. В данной связи формальные методы с необходимостью сочетаются с содержательными, предполагающие диалектические средства восхождения от абстрактного к конкретному. Таким образом, содержательная часть физических теорий тесно связана с проблематикой ее обоснования как единства качественного и количественного анализа.

Избыточная формализация, в известной степени, способна существенно обеднить физический смысл, что приведет к потере/исключению сущности второго рода в основном содержании научной теории. В этом случае в результате замены содержательного на формальное, теория может внешне сохранять признаки теоретизации, но реальное содержание при этом размывается или порой и вовсе отсутствует. Такое явление в академических кругах стали называть наукообразием.

В то же время, как отмечает Р. А. Аронов: в таком «... театре абсурда отдельные научные исследования обнаруживают «математический фетишизм»»²⁶³. Избыток формализма, как избыток декоративной косметики, у настоящего ученого должен вызывать лишь неприятные аллюзии. Без диалектического анализа фактов эмпирической регрессии математика теряет почву и «отправляется в самостоятельное путешествие по неизвестному адресату». Говоря о математике в принципе, как таковой, и ее связи с действительностью мы, разумеется, следуем традиции, которая начинается с пифагорейцев и Платона. В рамках социокультурного подхода такая взаимосвязь математики и действительности, как пишет А. Г. Барабышев, обнаруживается как взаимосвязь «математического знания, формулировок истинных (доказуемых) математических суждений о некоторых математических (идеальных и абстрактных) объектах»²⁶⁴ и «физической реальности, объективного мира, состоящего из реальных объектов»²⁶⁵.

²⁶³ Аронов Р. А. Театр абсурда: нужен ли он современной физике? // Вопросы философии. М., 1997. №12. С.39–48.

²⁶⁴ Круглый стол «Математика и реальность» // Вестник ВятГУ. 2011. №1-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kruglyy-stol-matematika-i-realnost> (дата обращения: 26.03.2023).

²⁶⁵ Там же.

В академической среде математику прозорливо сравнивают с мельницей: на выходе всегда мука, но зерно в основе может быть разным. Если зерном станет глупость, то на выходе получится та же глупость, но еще большая. По ряду причин, как правило неблагополучных в образовании, некоторые исследователи склонны к избыточной схематизации процессов, порой настолько, насколько может в итоге быть исключена связь с действительным физическим явлением, искажается и становится недоступной гносеологическая сложность и сущностная неразделимость самого природного явления. И дело ведь не только в «математическом фетишизме», образующем бесплодный опыт ненаучного знания, но и в характерной специфике логического понятийного аппарата науки. Требование подобной содержательности понятий мы отмечаем в гегелевской логике. Кроме того, выход математической рефлексии за рамки алгоритмических конструктивных процедур, «применяя рассуждения «от противного» к объектам неопределенной природы (к бесконечности), то есть обращаясь к экзистенциальным доказательствам, [математика] порождает парадоксы»²⁶⁶.

Регулятивную роль на теоретическом уровне познания выполняют принципы. Благодаря принципам возможно формирование моделей реальности на основе теоретических конструктов как идеализированных объектов, упрощающих процесс познания. С развитием науки совершенствуются и теоретические конструкты.

На первый взгляд, парадоксально, но чем сложнее теоретический конструкт, тем «проще» и эффективнее процесс познания. В известном смысле, фактически, теоретизация науки связана с процессом совершенствования теоретических конструктов. Логическое развертывание научных принципов отчасти сопряжено с моделированием; понимаемого в том числе и как циклический процесс в силу многозначности данного

²⁶⁶ Там же.

понятия различают более двадцати видов моделирования (математического, логического и так далее).

В силу гносеологической неисчерпаемости физического объекта, к нему может быть применено множество моделей, либо, моделирование как циклический процесс. Кроме того, разные аспекты одного природного явления в истории науки порой относились к разным физическим моделям, которые по определению лишь схематизация, образ, аналогия реального явления. Подобные ограничительные меры обнаруживаются во всех научных подходах.

Однако было бы неуместным в вопросах обоснования ссылаться лишь на исторические или социокультурные сопоставления: проблематика соотношения реальностей физического и математического миров обусловлена и обращением к семантическому треугольнику Фреге, выходя, таким образом, за границы только социокультурного контекста.

Определенный предел теоретизации как перехода на более высокие уровни абстрагирования тесно сопряжен с периодически появляющимися противоречиями новых фактов. Так называемая фальсификация теории, по Попперу, становится определенным критерием демаркации науки от «метафизики».

Теория развивается на протяжении всех этапов научного познания, начиная от этапа трансформации гипотез в теорию, до ее обобщения, которое минимизирует число исходных принципов. Производя обобщение, мы стремимся с одной стороны увеличить логическое содержание теории, с другой – расширить класс возможных фальсификаторов. В данной связи, повышаются уровни идеализации и абстракции, расширяется предметное поле референтных значений. При этом Г.И. Рузавин пишет: «...гипотетико-дедуктивный метод получил наибольшее применение в тех отраслях естествознания, где имеются развитый концептуальный аппарат и

математические методы исследования»²⁶⁷. И далее, рассматривая гуманитарные науки как описательные, продолжает мысль: «В описательных науках, где преобладают изолированные обобщения и гипотезы, установление логической связи между ними наталкивается на немалые трудности»²⁶⁸.

Изменение концептуального аппарата происходит не только в содержательном ключе, могут вводиться в научный оборот новые понятия, а «старые» нивелироваться. Совершенный вид теория приобретает, когда способна объяснить эмпирически выявленную сущность изучаемых фактов (явление, процесс, объект). В этом смысле теория перестает быть только феноменологической теорией и подчиняется принципу соответствия. Иерархия теорий обуславливает проблему иерархии методов, как формальных, так и содержательных с учетом их гносеологической ценности.

Кроме того, если изменение содержания теории происходит не только на уровне понятий, но и на уровне принципов в области оснований теории, то вытекающий соответственно пересмотр теории и, соответственно, изменение ее концептуального аппарата, сходен с явлением, описываемым в научной литературе как научная революция.

Таким образом в развитии теории отмечаются как внешние факторы противоречия теории с фактами, так и внутренняя логика развития науки, обусловленная тенденциями общности, простоты и логической стройности.

Можно сделать вывод, определяющий новое приращение знания в данном параграфе нашей диссертации. Он связан с установлением особенностей теоретической концептуализации и категоризации антропологического опыта в рациональном познании как базовой основы картины мира.

²⁶⁷ Рузавин Г.И. Методология научного познания: Учеб. пособие для вузов / Г. И. Рузавин. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2012. С. 114.

²⁶⁸ Там же. С. 114.

Теоретическая концептуализация и категоризация происходит на основе антропологического опыта: объяснительный базис корреляции данных эмпирической регрессии осуществляется посредством осмысления выборки на основе классификации верифицируемых данных опыта с возможностью последующего объяснения и прогнозирования.

Основной компендиум теоретического знания содержит объяснение не только самих явлений объективной реальности, но и их группировки по областям в рамках «центральных теорий». Иными словами, речь идет о глубинных связях и тенденциях развития актуальных и потенциальных форм бытия.

Конструктивной особенностью сознания человека в процессе познания является его активный характер, обуславливающий возможность эмиссии в концептуальные структуры знания специфических понятий и терминов, не выводимых эмпирическим путем, но имеющих соответствующее эмпирическое обоснование. Учёный предписывает идеальному объекту его свойства и соотносит эту интеллектуальную конструкцию как схему с реальным объектом или с набором его свойств.

Свойства объекта являются выражением субъектно-объектных отношений, как эпистемологической репрезентацией антропологического интервала свой/чужой. В этом смысле, совокупность свойств идеального объекта в силу необходимости интеллектуального контроля антропологического опыта весьма ограничено.

Такая рациональная форма освоения действительности реализует переход от одного уровня понимания к другому, наше стремление видеть в объективном сложном невидимое простое, то есть ясное для ума («*osculi mentis*»), определяет очевидную необходимость поиска маяков в штормовом море жизни: интенция к неизменности и фундаментальности человеческой жизни проецируется на «топографию» единой картины мира.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В нашей диссертации мы, прежде всего, попытались обосновать междисциплинарность в понимании концептуализации антропологического опыта в познании реальности, как признание эквивалентности естественнонаучного и социально-гуманитарного дискурсов науки. Обосновано, что метаязыковые высказывания, к которым мы вынуждены прибегать для описания, интерпретации любой теории (выступающей объектным языком) латентно погружены в лингвистический и общекультурный контекст. При этом символический язык в научном познании (как и в случае художественного мышления) создаётся не в отрыве от естественного языка, но конструируется с учетом наличных концептуальных форм знания и процедур логического анализа рассуждений и, по сути, является формализованным. Культурно-коммуникативный и личностный контекст определяет семантические границы описания рациональной картины мира при осуществлении познания реальности. Нам важно понимать сущность понятия, его концептуальный контекст, то есть слова и термины не существуют в пустоте и вне антропологического опыта.

Познание как постижение действительности, и понимание как постижение смысла, то есть осуществление сопричастности на уровне рациональной общности собственного антропологического опыта чей-то мысли («знание о знании»), аналогично инструменту повышенной выживаемости человека в Природе как быстро меняющейся среде. Представленность и реализация антропологического опыта в концептуальных формах знания обусловлена интерпретацией на основе системы философских воззрений на сущность рационального описания действительности.

Нами выявлены теоретико-методологические и концептуальные основы функциональных элементов (категориально-понятийной системы) и структурных элементов познания (образов) в мышлении и их связи со

знаками и символами в формах ментального хронотопа с целью экспликации процедуры моделирования систем символов с пространственными характеристиками в визуально трансформируемые абстрактные научно-математические модели для повышения наглядности и достоверности антропологического опыта в научном и обыденном мышлении.

Обоснована взаимосвязь структур логико-вербального и пространственно-образного мышления, представленного в формах концептуализированного знания в рамках основных концепций философии науки, философской антропологии при обосновании теоретического знания, предполагающего дискурсивное использование концепта понятия с целью регламентации познавательной деятельности, которая обусловлена использованием норм и установок ограничительного характера при установлении связи между основанием и обосновываемым.

При установлении подобной связи, обосновываемое приобретает характеристики основания, а концептуальность знания выражает свойства объектов, процессов, явлений через понятия соответствующей области. Иными словами, любое обосновываемое положение должно совпадать с таким элементом системы концептуализированной формы знания, который оценивается с практической точки зрения в рамках выполнения им функций, определяемым характером системы. При этом, «убедительность» обоснования соответствует общей логической структуре аргументации, а различие типов обоснования определяется содержательным наполнением данной структуры. Поскольку связь представлений в суждении не может быть дана, а может быть только создана субъектом, категориальный синтез определяется структурой трансцендентального субъекта. В данной связи проблема концептуализации опыта индивида в философии содержит момент целесообразности.

Выявлено, что для научного дискурса объяснительная сила развертывания концептуальных и категориальных схем на этапе понимания реальности сопряжена с антропологическим опытом человека.

Антропологический опыт придает научному знанию колорит конкретной мыслительной ситуации, не в рамках пресловутого размышления о «национальной науке», а в том, что неизбежен процесс антропоморфизации научных данных, эмпирических и теоретических результатов, на путях оформления её *человекоразмерности*. В антропологической традиции целесообразно исходить из того, что концепт предполагает соответствие между категориальным аппаратом научной теории и алгоритмами социального поведения и социального сознания, выражающего антропологический опыт человека в рамках действующего технологического уклада с учетом конвергенции когнитивных и социально-гуманитарных наук и технологий.

Обоснованы признаки внеэмпирического содержания концептуализированных форм знания на основе взаимосвязи структур логико-вербального и пространственно-образного мышления в рамках основных концепций философии и философской антропологии, как дисциплины. В рамках научного осмысления, осуществляемого любыми формами общения, применение коммуникативной стратегии происходит за счёт амбивалентности как основного свойства психического отражения. Определена предметность мышления человека в контексте социокультурного онтогенеза сознания и признаки внеэмпирического содержания концептуальных форм знания как репрезентаций индивидом логической целостности мира в антропологическом опыте постижения реальности.

Мы показали, что эмпирическое, априорное и неэмпирическое содержание концептуальных форм человеческого знания связаны с фактами коллективной лингвокультурной деятельности сообществ и познающих индивидов на основе взаимосвязи структур логико-вербального и пространственно-образного мышления, что предполагает организацию фрагментарного антропологического опыта через декодирование первичных и вторичных знаково-символических систем в конкретно-историческом мышлении человека. Выявлена возможность экстраполяции коллективного

знания путём переноса языкового, понятийно-терминологического и категориального, аппарата из одной научной парадигмы, включающей целый спектр концептуальных моделей, в другую, что даёт нам возможность присоединять к познанию и рациональным стратегиям дополнительные принципы или осуществить их абдукцию. Таким образом, принципы часто связывают различные по природе и происхождению фрагменты знания, выполняя при этом организующую и декодирующую функцию «видения».

Во взаимодействии с окружающей действительностью предметная гносеологическая деятельность трансформируется и наполняется более богатым содержанием, то есть более истинным, чем предваряющее её сознание. При этом для сознания ученого вклады, которые вносятся его деятельностью, могут оставаться скрытыми, в следствие чего возникает ситуация, что сознание может казаться основой деятельности, то есть отражением продуктов предметной деятельности, реализующей связи, отношения общественных индивидов, которые выступают для них как явления их сознания. Однако в действительности за этими явлениями лежат объективные связи и отношения, хотя и в неявной, снятой, скрытой от индивида форме.

Однако, как феномены, так и эпифеномены сознания, представляют собой реальные моменты в движении ментальной деятельности человека, а образы сознания получают статус *идеальной меры* в рационализации антропологического опыта как учёного, так и массового потребителя научного знания. В этом и заключается их «неэпифеноменальность» (невторостепенность), то есть их существенность. Обоснована категоризация и концептуализация антропологических репрезентаций реальности, обусловленная философскими и научными принципами системы знаний о мире, которые выполняют селективную роль в отборе фактора антропологического опыта в рационализации картины мира. Именно здесь присутствует тот «метафизический осадок» (К. Поппер) в рационализации антропологического опыта, который предполагает аксиоматику научных

постулатов, основанную на «вере» и прагматической эффективности так обоснованного знания. Именно здесь кроется постоянная динамика как научного, так и обыденного знания, что связано с постоянной проверкой и принятием на веру, обоснованием или опровержением элементов антропологического опыта в рационализации как научной, так и повседневной картины мира.

С позиции философско-антропологических основ исследования взаимообусловленности принципа и контекста, явления окружающего мира имеют для нас значение в той степени, которая определяет для нас возможность действия, приводящего к некоторому изменению мира. Это *действие*, или по Бэкону, власть над природой, с необходимостью сопоставляется с явлениями, результатом отражения в голове которых мы именуем понятиями. Процедура категоризации в данном случае играет роль выбора из некоего множества «действий», формирующее понятие/категорию и приобретающего гносеологический статус сути явления, то есть становящаяся его смыслом.

Таким образом, множество сопоставлений действий с явлением становится для нас признаками явления, то есть при/знак является для нас тем, что указывает на знак, или сущность явления, то есть становится его смыслом. И само понятие/категория, являющееся результатом отражения, с необходимостью, концептуализируется, то есть приобретает в опыте концептуальную трансформацию, сопряженную с созданием контекста данного понятия. В антропологическом опыте понятие и его контекст становятся едины при дивергенции общего смысла и референта, то есть понятие обретает конкретный смысл.

Контекст понятия, являющийся впоследствии также неотъемлемой частью самого понятия, не представляет собой просто перечень того, что мы называем признаками, а является прежде всего установкой, формирующей определенное видение. Эта установка метафорически становится сутью или изнанкой бытия, то есть тем, что из нас (из/нанка) усматривается. Подобный

взгляд устраняет гипертрофированность языковой дискретности и обнаруживает связь континуального и дискретного. В научном дискурсе подобному положению вещей соотносят принципы, то есть дословно то, что лежит в основе видения, установка. Обосновано, что «антропологический опыт» выходит за пределы классического понимания «эмпирического» и формирует расширенный контекст обыденного, образного и рассудочного мышления в языковом сознании человека. Выявлено, что «антропологический опыт», рационализированный на уровне принципов, выполняет функцию гносеологической призмы, личностных установок восприятия и познания, на рациональном уровне разворачиваясь в системы логических определений и понятий, формирующих рациональные тексты и контексты, а процесс концептуализации в контексте категоризации формирует некий код, меняющийся в зависимости от расширения контекстного поля области референтных значений объектов философского анализа.

Выявлена специфика взаимосвязи философских и научных принципов в концептуальной системе знания о мире. Именован принцип обусловлен, в известной степени, спецификой его концептуализации. Принципы играют эвристическую роль селективного характера, ибо на основе взаимосвязи по своему содержанию с природными законами и посредством отбора всевозможных вариантов способны регулировать процесс познания. Анализируя постулативный характер философских принципов, с позиции постпозитивизма обосновывается вывод об непосредственной невыводимости принципов из опыта, что должно быть равносильно их недоказуемости. Иными словами, никакой индуктивный метод не может быть антецедентом фундаментальных понятий.

Исторически смена принципов в научном познании обусловлена ситуацией, которую К. Поппер описал как противоречие с точки зрения критерия фальсифицируемости, обуславливающего применение абдукции по отношению к принципам. В результате те принципы, которые не

соответствуют новым фактам в дальнейшем не рассматриваются как действующие. Существенным основанием для отбрасывания имеющихся принципов является новая мировоззренческая установка исследователя и ее роль в установлении новых принципов наиболее значительна по сравнению с любой другой деятельностью человека.

Действительно, исследователь в своём стремлении достичь «объективной истины» остаётся человеком, которому свойственно заблуждаться, быть пристрастным: научные знания являются процедурными и декларативными при постоянном взаимодействии континуально-процедурных процессов и их дискретно-декларативных продуктов²⁶⁹. Человек формирует сознательные образы действительности, коррелирует свою деятельность с исходными намерениями, переживает эмоциональные состояния и корректирует допускаемые ошибки: факты становятся конструктами интерпретационной структуры исследователя.

Значение зависит от способа их видения. Обобщения фактов в своей основе, таким образом, содержат внелогические суждения, не элиминируемые никакими формальными процедурами. Такие суждения основываются на личностном *знании*, обобщающем уникальный антропологический опыт познающего субъекта. Также нами обоснована концептуализация принципа структурности картины мира человека и осуществлена категоризация реальности в антропологическом опыте.

Выявление общих признаков организации обуславливает возможность объединения различных объектов в классы материальных систем – уровни организации материи. Для выделения различных структурных уровней используются пространственно-временные признаки, совокупности основных законов изменения и степень относительной сложности, возникшей в процессе исторического развития материи в данной области мира. Использование принципа структурности в контексте исследуемой

²⁶⁹ См.: Сали А.В., Эгнер Т. Процессы декларативного и процедурного обновления рабочей памяти взаимно облегчают друг друга. Обратите внимание на психофизику восприятия. Май 2020; 82(4): 1858-1871. doi: 10.3758/s13414-019-01887-1. PMID: 31875313; PMCID: PMC7302969.

проблемы позволяет фиксировать внимание в логической структуре уровней природной реальности на внутренней субординации, взаимосвязи понятий конструируемой системы общих логических и методологических форм знания; в перспективе обуславливать и такие специфические холотропные отношения, выражаемые посредством фундаментальных законов и принципов, как свойство системы быть единым целым. Предметный смысл экспериментально обнаруженных новых свойств (спин, чётность, изотопический спин, гиперзаряд, странность, очарование и др.) и соответствующих количественных характеристик (квантовых чисел) состоит в том, что они определяют собой одновременно и внутреннюю структуру частиц, и особенности их взаимодействия друг с другом.

Структурную бесконечность материи не следует понимать в смысле бесконечной делимости вещества. Подобный идейный денотат мы склонны рассматривать в качестве экземплификатива индоевропейского мышления, где основанием является дифференциация и редукция к первопринципам первичного хаоса (непознанного), а следствием – принципы континуальности выявленных элементов как целого. В рамках данного концепта естествознание обретает гуманитарное измерение, а субъективная реальность обретает статус научной проблемы.

Учитывая сущность рационализма, сформулированного философами Нового времени как некоего порядка как атрибута Бытия («бытие упорядочено, разумно»), в то же время мы характеризуем порядок как определенный вид симметрии, по сути, определяемое в рамках антропологического опыта и как свойство нашего сознания воспринимать мир определенным образом. Учитывая подобную постановку проблемы понимания бытия как упорядоченного единства, эксплицируя в антропологический опыт, предложим расширенную дефиницию принципа симметрии в рамках научного подхода: подход, использующий принцип симметрии, определяет логические конструкты в составе физической картины мира как мысленные образы, фиксирующие дифференцированность

объективной реальности и способствующие установлению взаимосвязей элементов целого.

Поиск симметрии имплицитно предполагает экспликацию, в результате которой осуществляется перенос научных формализмов из одной предметной области в другую. Соединение методов системного анализа с теорией информации, векторным анализом в многомерном пространстве состояния и синергетикой открывает в области структурирования рационального познания окружающего мира новые возможности. Здесь принцип системности играет определяющую роль, которая воплощается в представлении материи как структурно упорядоченного образования на основе понятия системы. в одной системе может быть несколько структур. Основными свойствами этих отношений являются рефлексивность, симметричность, функциональность транзитивность.

Кроме того, в определённых отраслях знания рассматриваются объекты с переменной, нестационарной и т.п. структурой. При этом вид связи между объектами, когда изменение одного влечёт изменение другого, называют функцией, а постоянные суммарные характеристики состава и отношений между компонентами системы называются её свойствами.

Таким образом, структурное многообразие, то есть системность, является способом существования материи. Вместе с тем углубление представления о ней, усложнение социальных форм организации науки возвращают метанаучную мысль к исследованию проблемы единства научного знания, обогащения рациональной картины мира в целом. Системно-структурный подход представляет собой когнитивное образование в качестве некоторой системы или в качестве определённого компонента более обширного когнитивного образования, которое, в свою очередь, может быть рассмотрено как система более высокого ранга. Рациональная картина мира возможна относительно некоторого условия. Этим условием выступает проблема единства научного знания, которая является по существу частным случаем проблемы системности в целом.

Обоснована нами и концептуализация историзма антропологического опыта в рамках темпоральной дивергенции, проанализирован принцип историзма в познавательных императивах человека и картине мира.

Сам процесс познания понимается исторически как процесс возникновения и развития знания из незнания, как переход от непознанного к познанному. Таким образом, представление научной деятельности как структуры основано на осмыслении её как процесса. Насколько мы сознаём самих себя, мы замечаем, что несём в себе массу представлений, реминисценций, достоверных понятий, которые соотнесены с уже не существующими событиями, в отличие от других наших представлений, которые соотносятся с ещё существующим и чувственно воспринимаемым. То, чем мы таким образом обладаем, во внешней действительности уже не существует, а существует только как воспоминание и представление в нашем сознании, участвуя тем не менее в нашей жизни. С этих позиций, с необходимостью следует различать генетический и исторический подходы в анализе имеющегося знания о Природе.

Если исторический подход не улавливает в дифференцировавшихся образах цельное признание, придавая всякой идее и теории тем большее значение, чем они раньше возникли и чем большую историю они имеют, то генетический подход к научному знанию предполагает осознание смысла каждой обособленной науки в органически целостном знании: постигая природу, мы постигаем себя. Любые попытки построения исторического знания есть не что иное, как самооценка – здесь объект и субъект исследования *конфлюэнтны* (*перетекают* друг в друга). «Естественное» движение инструментовки познания и деятельность учёного, организующего эту деятельность путём системотехнического действия, становятся компонентами единой системы. Способ функционирования такой системы непосредственно задаётся её социальной обусловленностью.

Иными словами, учёт соответствующей роли ценностных элементов науки, с необходимостью обуславливающих синтез физической картины

мира, позволяет проводить чёткое различие между природой как независимым от сознания науки объектом и рациональной картиной мира, которая связана с уровнем познавательной способности и имеет возможность быть социально обусловленной. Такое понимание можно сравнить с тем, как мы понимаем человека, говорящего с нами. Не только отдельное слово, отдельное предложение, воспринимаемое нами, но и отдельное высказывание есть для нас одно проявление его внутренней жизни; и мы принимаем это высказывание как свидетельство о его внутреннем мире. Понимающий, который сам целостность в себе, также, как и тот, кого он должен понять, дополняет себя его целостностью из единичного выражения, а единичное выражение из его целостности. Эту социальную обусловленность можно было не учитывать, когда теория была неразрывно сращена с методологией. Она входила в познавательную деятельность без особой фиксации, благодаря самому факту сращения.

Другое дело, когда, в связи с взаимным отчуждением этих двух слоёв познания, их единство приходится *специально организовывать*. Здесь необходим аппарат, социальная детерминация которого является определяющим условием функционирования самой системы. Поэтому усложняется картина взаимодействия естественнонаучного знания с философией, в связи с чем выявление субстанциональных свойств понятийной системы – философской по своим масштабам и «антифилософской» по своему генезису и логической функции – затрудняется. Понятийная система физической картины мира составляет основу для категориального аппарата логического конструирования мира как мысленной целостности. А его конкретизация при анализе объективной значимости, неотрывном от синтеза, сопряжена с системным подходом, который требует от субъекта при историческом исследовании в центр познания ставить представление о целостности.

Принцип историзма же призван расширить и углубить представление о конструктивности любой понятийной системы, в частности и при

исследовании картины мира. Реальный процесс развития картины мира является процессом синтеза её субстанциональных свойств, в ходе которого они и преобразуются. Специфика научного исследования рациональной картины мира при использовании исторического подхода определяется, на наш взгляд, фундаментальным регулятивом темпоральной дивергенции, который фиксирует расхождение признаков функционирования объекта научного исследования по временной шкале, вызванное закономерными или вероятностно-историческими предпосылками. В этом отношении изменения типа развития очень близки к изменениям типа функционирования. Принципу историзма и основанному на нём историко-генетическому подходу противопоставляли агенетический принцип и основанный на нем структурный подход.

Но если структурный подход возможен без культурно-генетического, то генетический без структурного невозможен. Ведь структура есть итог развития объекта, поэтому знание структуры помогает раскрыть те ступени, этапы, которые прошёл объект, прежде чем, утвердиться тем, чем он является. Учёт соответствующей роли ценностных элементов науки, с необходимостью обуславливающих физическую картину мира, позволяет проводить чёткое различие между природой как независимым от сознания науки объектом и физической картиной мира, которая связана с уровнем познавательной способности и имеет возможность быть социально обусловленной.

Осуществлена эмпирическая концептуализация и категоризация антропологического опыта в рациональном познании. Исследование проводится в рамках двух частей науки, а именно концептологии и методологии. Отмечается, что любая теория состоит из концептов: сущих, принципов, законов и переменных. В.А. Канке выделяет интратеоретическую и интертеоретическую методологии. Интратеоретическая методология изучает способы управления указанными концептами, которыми являются дедукция, аддукция (эксперимент), индукция и абдукция. Все вместе эти

четыре метода образуют интратеоретическую трансдукцию (В.А. Канке), которая по Канке является «управлением четырьмя концептами, а именно: переменными, законами, принципами и объектами посредством дедукции, аддукции (эксперимента), индукции и абдукции. В свою очередь, интертеоретическая трансдукция является управлением теории посредством проблематизации, инновации, символизации и интерпретации»²⁷⁰.

Индукция включает дисперсионный, регрессионный и функциональный анализ. Абдукция рассматривается как смена частично устаревших принципов новыми. Управление теориями совершается посредством интертеоретической трансдукции. Её методами являются проблематизация, инновация и интерпретация. Дифференциация уровней в структуре научного знания отражает общий вектор познания от явления к сущности. Возникающее противоречие относительно специфики рационального мышления при различении эмпирического и теоретического знания и его анализа структуры в данной работе рассматривается в абстрактно-всеобщей форме.

Контакт человека с реальной действительностью посредством наблюдения и эксперимента обуславливает формирование эмпирического знания. Такое знание характеризует факты, в качестве которых выступают объекты, процессы и явления реальной действительности, природы. Иными словами, антропологический опыт аккумулируется в различных формах знания, группировка которых обусловлена способами их получения. Как правило, субъект познания может получать знания опытным путем или используя сложные логические процедуры мышления. В таком случае группировка знаний осуществляется с учетом выделения двух уровней познания: эмпирического и теоретического. Эмпирический базис теории является первичным основанием концептуализированных форм знания. Поскольку в естественном языке невозможно описать «мир как он есть» в

²⁷⁰ Канке В. А. Компетенции в свете метанауки / Канке В. А. // Alma mater. Вестник высшей школы. Вып. 9. С. 44–48

силу субъективации языка, то и концептуализация предметных областей, представленных в научных/концептуализированных формах знания, остается, в известной степени, антропоцентричной и семантически нагруженной. Существенным образом в физическом познании это связано с такой предельной формой обобщения как физическая картина мира.

Таким образом, значимые события фиксируются нами на основе реализации философско-антропологических и методологических процедур концептуализации и категоризации путем выделения их из генеральной последовательности фрагментов объективной реальности и событий. Иными словами, если не зафиксировано, соответственно не интерпретируется, так как не является научным фактом и, наконец, не является знанием в строгом смысле слова. Поскольку факт представляет собой форму научного знания, то являясь отражением действительности в сознании человека, представляет собой конкретный результат организации познавательной деятельности, обусловленной отношением субъекта к объекту. В переходе от перцептивного плана антропологического опыта к эмпирическим обобщениям на основе выявления признаков (общих свойств) при классификации достаточно большого множества однотипных объектов формируются основания гипотез, определяющие комплекс познавательных установок, по отношению к которым в условиях концептуальных противоречий при формировании физической картины мира необходимо осуществлять определенную согласованность.

Генетически эмпирические основания являются более долговечной эпистемологической структурой, нежели компендиум деривационных гипотез, возникших на ее основе. Вместе с тем, физическая картина мира как обобщенная форма концептуального и категориального знания содержит в себе объяснение всех эмпирических закономерностей и представляет собой не просто обобщенный образ реальности, но и рассматривается в качестве системы знаний наиболее общих закономерностях и свойствах физического мира. начальный исторический период становления современных

физических теорий обусловлен большим количеством фактов и эмпирических обобщений, что позволяет говорить о сложной фактуальности при их интерпретации.

Дело в том, что смысл фактуальных предложений задается концептуальной матрицей (сеткой), основа которой обусловлена антропологическими способами абстрагирования (человеческой способности перцептивно-аффирмативного выделения существенных свойств) и антропологической спецификой деятельности (деятельностный подход) макроскопического субъекта познания (деятельность макросубъекта определяет его специфику когнитивного аппарата). Порой несоответствие обыденного и научного антропологического опыта в физике при описании фактов приводит к такой конфликтной ситуации в познании как двойственность или парадокс.

При наличии подобной ситуации в физике актуализируется задача формирования когерентности знания в зависимости от типов парадокса (эмпирико-эмпирический, внутритеоретический, межтеоретический). В этом смысле физическая теория и эмпирические обобщения взаимосвязаны в рамках процедуры нормализации, исключающей дублирование и избыточность фактических экспериментальных данных, полученных различными способами. Категориальность рациональной картины мира в научном познании выполняет функцию анализа концептуальных теоретизированных форм знания в аспекте их потенциальной ревизии при учете таких факторов как влияние культуры в научных исследованиях и развитие научных представлений о личности исследователя. Вместе с тем, происходит известная методологическая трансформация понятийно-терминологического аппарата рациональной картины мира в рамках новой концептуализации, осуществляемой на метаязыковом уровне по отношению к физическим теориям.

Иными словами, принципы теории как познавательные установки ограничены областью применимости, то есть не экстраполируются на более

широкую предметную область. В то же время принципы и ключевые понятия физической картины мира имеют максимально общий характер сродни философским идеям, выражающим максимально общее отношение субъекта к действительности и потому их область определения (основания) включает в себя области определения всех фундаментальных теорий на данном этапе.

Действительно, теоретическое исследование направлено к сущностной стороне свойств, признаков предмета, то есть делают его фактуальным и выделяют на уровне сознания его от других предметов.

Поскольку реальность есть объективная реальность, представленная в знаковых системах, то характеристики объективно-реального мира предстают посредством понятий и терминов, законов. В этом основное отличие естественнонаучной реальности от объективной реальности, поскольку последняя не зависит от того, что мы о ней думаем, то есть не зависит от концептуализированных форм знания. Взаимосвязь знака и реальности осуществляется в рамках знаковых систем, а не отдельных знаков. В результате мы имеем дело с *абдукцией* функционального бытия в рамках функционирования знаковых систем. Подобие образа рациональной картины мира реальной действительности возможно на основе морфизма в категории знаковых систем, функционально отображающих структуру реальности в знаковых гомоморфных значениях.

Вместе с тем, наглядность такого отображения посредством форм моделей с использованием символического языка с точки зрения обыденного опыта не обладает привычной образностью. Наряду с этим, на высоком уровне обобщения, на уровне рациональной картины мира, отражающей взаимосвязь и взаимоотношения объектов реальности, картина мира является рациональным образом объективной реальности. По нашему мнению, знаковая система не должна рассматриваться только как совокупность знаков, но необходимо рассматривать знаки во взаимоотношениях: трудно представить познавательную ситуацию, в которой мы рассматривали бы существование знака без учета его связей с другими знаками. В данной связи

картина мира, рассматриваемая исследователем в качестве знаковой системы, приобретает основные признаки образа, отражающего познаваемый объект (структуру, свойства) в достаточной мере.

Таким образом и рациональная картина мира становится образом реальной действительности, достаточно наглядным образом. Интенция к наглядности компонентов знаковых систем, будь то графический чертеж или структурно-логическая блок-схема, обусловлена тем, что в данной форме рациональная картина мира представляет собой пересечение науки, культуры и философии. Требование наглядности к концептуальным формам знания предъявляется на основе рациональной сопряженности перцептивным каналам познающего субъекта, то есть наглядность обусловлена возможностью восприятия органами чувств. Этот принцип лежит в основе любых структурно-функциональных моделей, описывающих и объясняющих самые сложные природные явления и процессы. Таким образом, наглядность специфических образов действительности необходима как для объяснения, так и для понимания изучаемого явления, объекта в процессе познания.

Вместе с тем, хотя наглядные образы апеллируют к чувственным формам отражения, смысловая содержательность диалектически обращена к понятийному мышлению. Диалектика единичного и общего в рациональной картине мира обнаруживается на примере сопоставления представления образа на чувственном уровне как явления и теоретическом уровне как сущности. Иными словами, рациональная картина мира представляет собой единство наглядного и абстрактного. Наряду с этим, сущность рациональной картины мира раскрывается в причинно-следственных связях, событиях: различные восприятия одного и того же события обуславливают различные типы причинно-следственных связей. В данной связи, рациональная картина мира, как и физическая картина мира представляет собой знаковую систему, в которой понятие знака является базовым элементом картины мира. При этом характер связи денотата и его субъективного образа (концепта денотата), – десигната, остается условным в отношении сходства с

предметом. Мыслительные процедуры обобщения, абстрагирования и т.п. приобретают новый эвристический потенциал для исследования. Такая точка зрения позволила создать знаковое направление, при помощи которого возможно моделирование ряда когнитивных функций (целеполагание), иных типов картин мира.

Осуществлена теоретическая концептуализация и категоризация антропологического опыта в рациональном познании.

Сопряженность теоретических и эмпирических понятий происходит на основе опыта: объяснительный базис корреляции данных эмпирической регрессии осуществляется посредством осмысления выборки на основе принципов. Данный подход предполагает классификацию верифицируемых данных опыта с возможностью последующего объяснения и прогнозирования. Основным компендиум теоретического знания представлен в рамках фундаментальных положений теоретического знания. В данном компендиуме содержится объяснение не только самих явлений объективной реальности, но и их группировки по областям в рамках, так называемых, центральных теорий. Группировка явлений по областям обусловлена тезисами детерминизма о взаимосвязи явлений объективной реальности. В природной реальности данная универсальная связь имеет статус основных законов, выражающих сущность исследуемых явлений. Иными словами, речь идет о глубинных связях и тенденциях развития актуальных и потенциальных форм бытия.

Конструктивной особенностью сознания субъекта познания является его активный характер, обуславливающий возможность эмиссии в концептуальные структуры знания специфических понятий и терминов, не выводимых эмпирическим путем, но имеющих соответствующее эмпирическое обоснование. Иными словами, ученый предписывает идеальному объекту его свойства и соотносит эту интеллектуальную конструкцию как схему с реальным объектом или, строго говоря, с набором его свойств.

Активный характер познающего субъекта в рамках практической научной задачи, в известной степени, обусловлен его антропологическим опытом, определяющим тип алгоритмизации (конструктивизации) познавательного процесса: в целом, свойства идеальных объектов все же задаются или приписываются самим исследователем, а не усматриваются полностью им в реальном объекте. Приписывание неких свойств в рамках логически непротиворечивого мышления является необходимой мерой соотнесения фактов с описанием предполагаемых условий их существования как научного объяснения.

В конечном итоге, заметим, что свойства объекта суть, прежде всего, являются выражением субъектно-объектных отношений (антропологического интервала свой/чужой). В этом смысле, совокупность свойств идеального объекта в силу необходимости интеллектуального контроля при ограниченном антропологическом опыте весьма ограничено. Существенное отличие идеального от идеализированного, то есть замещающего идеальное, например, в эксперименте, впоследствии служат для конструирования их производных, дериватов, а также комплекса отношений часть–целое во взаимосвязи транзитивных и частично упорядоченных формализованных отношений на основе интуитивных идей.

Такая рациональная форма освоения действительности, по сути, является концептуализацией, позволяющей осуществлять переход от одного уровня исследования к другому. наше стремление видеть в объективном сложном невидимое простое, то есть ясное для ума («*oculi mentis*»), определяет очевидную необходимость поиска маяков в штормовом море жизни: интенция к неизменности и фундаментальности человеческой жизни проецируется на «топографию» единой картины Природы в поиске ее неизменности и фундаментальности и привносит, таким образом, философско-антропологическую повестку. Этим, возможно отчасти, и определяется инвариантность как сущность науки, как специфическая

деятельность человека, направленная на рациональное объяснение мира человеком.

Такое объяснение посредством инвариантности, симметрии характеризует наш мир единым, а знание о мире – системным, основанным на единых принципах. При допущении у субъекта познания наличия психологической готовности понимания, Нильс Бор постулировал принцип комплиментарности (дополнительности), в соответствии с которым одна теория (квантовая механика) объясняет факты (процессы, явления, объекты), наблюдаемые в микромире, а другая теория (классическая механика) апеллирует к антропологическому опыту субъекта познания, интерпретирующего факты с целью понимания внутреннего содержания объясняемых первой теорией фактов. В этом смысле, показательно, что физики иногда говорят, что объяснение даёт им понимание. Именно имманентно присущее человеку глубинное содержание имплицитной памяти формирует необходимую установку, основанную на предыдущем опыте, а потому определяющую степень комплиментарности теорий в рамках общенаучного принципа соответствия.

С позиции целостного знания, целью [слово «цель» происходит от слова «целое»] научного исследования становится экстраполяция данных на основе смыслов [предвидение, прогноз], позволяющих осуществлять путем аппроксимации промежуточного знания конструирование познавательного процесса. По сути, именно предвидение, а не простое объяснение свершившегося факта и является высшей целью научной деятельности, науки в целом. Возможность предвидения становится существенным признаком наличия в сознании субъекта познания обобщенного образа реальной действительности, рассматриваемой им в теоретической целостности субъективного образа объективной реальности.

Таким образом, с позиции рационального, научного мировоззрения идеальная картина природы, которая формируется в физической науке, – физическая картина мира, – в качестве обобщённого/целостного образа

действительности на теоретическом уровне познания раскрывается в полной мере, то есть теоретическая наука испытывает влияние картины мира посредством исходных обобщенных положений, имеющих научный статус постулатов, принципов, начал.

Разумеется, подобное влияние мы не можем считать однозначно непосредственным, однако при этом во внимание необходимым образом принимается тот факт, что новые теории не являются простой экстраполяцией существующих теорий, то есть не могут быть результатом индуктивного обобщения в более широкой предметной области. Новизна идей, рассматриваемых в качестве нового основания для таких теорий в формате систем принципов и т.п. не выявляется посредством простых обобщений эмпирических данных. Для учёных идеи, как мысленные прообразы, обусловлены его способностью как субъекта познания осуществлять связь с философским, по сути, а потому для науки – «внеэмпирическим» источником познания.

В свою очередь, проблема обоснования, так называемого, внеэмпирического знания на данный момент не является решенной. В попытке описания новых аспектов реальности, теоретическое физическое знание всё больше противостоит абсолютизации опыта, его привязки к чувственному познанию, эмпирическим данным. Вместе с тем, даже на стадии логической обработки эмпирических данных уже применялись и совершенствовались научные абстракции, типологии, схемы, модели. В настоящее время, подобные логические формы в рамках своей концептуальности в развитии понятийного аппарата в содержательном плане существенно далеки от уровня простого обобщения эмпирических данных в виде определенных закономерностей и для начинающего исследователя играют роль внеэмпирического принципа, который выражается в словесной, либо математической формуле, имеющей статус закона.

Считается, что закон как таковой не является продуктом сознания познающего субъекта, то есть идеей в том смысле, что всё же

рассматривается в итоге как нечто отделенное от мира явлений. Иными словами, в основе рациональной картины мира существует допущение, что устойчивость мира в рамках его свойств базируется на неизменности природных законов. В этом смысле теоретическое мышление субъекта познания формулирует категории, отражающие фундаментальные законы реальной действительности, фрагментами которой является сам человек.

В известной степени каждый ученый понимает на собственном опыте, что решение научной задачи сопряжено не только с рутинным использованием методологического инструментария, но и с творчеством. Вследствие этого деятельность ученого приобретает черты духовной деятельности, обеспечивающей процессу получения новых знаний, науке в целом, эстетический окрас. Действительно, принцип красоты, о котором мы упоминали выше, базируется в том числе и на опытном обобщении, что наиболее громоздкие решения, «некрасивые», так сказать, оказываются в результате, как правило, неправильными.

Эстетически подобные конструкции воспринимаются как неизящные и, даже в случае получения практического результата способны вызвать чувство глубокой неудовлетворенности у исследователя. Вместе с тем, с практической стороны, неудовлетворенность полученным научным результатом базируется на принятии установки, что достижение цели всегда подразумевает поиск вариантов, альтернатив, всего того, что мы в совокупности можем назвать эвристикой. И если уместность эстетической красоты в науке по отношению к теориям до сих пор актуальна, то и формальная деятельность в рамках эвристики негласно подчиняется не только правилам соразмерности, но и гармонии и даже красоте.

В некотором смысле это роднит науку с искусством, а потому роль концептуального знания в создании шедевров (фундаментальные теории – это не что иное как шедевры) однозначно велика. Определенный предел теоретизации как перехода на более высокие уровни абстрагирования тесно сопряжен с периодически появляющимися противоречиями новых фактов.

Если изменение содержания теории происходит не только на уровне понятий, но и на уровне принципов в области оснований теории, то вытекающий соответственно пересмотр теории и, соответственно, изменение ее концептуального аппарата, сходен с явлением, описываемым в научной литературе как научная революция. Таким образом в развитии теории отмечаются как внешние факторы противоречия теории с фактами, так и внутренняя логика развития науки, обусловленная тенденциями общности, простоты и логической стройности.

Итак, всё же почему антропологический опыт? Действительно, на первый взгляд представляется неким конъюнктурным понятием: мол, со времен классиков всегда был просто ОПЫТ, а тут автор опровергает авторитет философской и научной классики. Дело не просто в том, что надо было просто усилить термин «опыт» в измерении философской антропологии словом «антропологический», логически подгоняя под специальность в соответствии с номенклатурой ВАК.

Когда-то нам казалось, что «философский опыт» подобен «опыту» физиков-эмпириков, экспериментаторов: опыт – сын ошибок трудных... Будущим учёным часто объясняют, что эксперимент – это не про то, как естествоиспытатель описывает, считает в лаборатории всё, что происходит в искусственно сконструированной предметной ситуации. Датский физик Х.К. Эрстед говорил, что в принципе бессмысленно просто фиксировать и измерять в лаборатории или в природных условиях все подряд, как некий «внешний и объективный опыт», так как это вовсе не наука – должна быть не только определенная идея, предвидение, гипотеза, но и жизненная целеустремлённость учёного, какой-то его «жизненный», то есть антропологический опыт.

Что нам дает формально понятие «антропологический опыт»? Формально – это сужение объема понятия. В этом и проблема, потому что содержательно антропологический опыт – это более глубокий концепт, чем

просто «объективный опыт» учёного. Действительно, бессмысленно здесь рассуждать о видах человеческого опыта: физический, мистический и так далее; и даже о типах опыта: человеческий или «нечеловеческий»...

Да, есть опыт только человеческий, но это опыт именно антропологический, экзистенциальный, который и отличает нас от животных, и от искусственного интеллекта, который скоро заменит, возможно, учёного, добывающего «внешний», «лабораторный опыт». Наш антропологический опыт – это опыт жизни и смерти. И вновь приходят на ум слова Л. Витгенштейна: «6.4311 Смерть никакое не событие жизни, – писал он. – Смерть не переживается. Если под вечностью понимают не бесконечную временную продолжительность, но, скорее, отсутствие времени, то вечно живет тот, кто живет в настоящем. Наша жизнь так же бесконечна, как безгранично наше поле зрения»²⁷¹. «Наше поле зрения» – это и есть «антропологический опыт».

Мы не знаем «других опытов», кроме своего собственного, и в этом проблема, так как «других» мы судим по себе даже тогда, когда пытаемся объяснить поведение животных с точки зрения человеческой психики, для которой эти животные – собаки, удавы и другие живые существа – просто не имеют опыта сознания, опыта целеполагания, любви и ненависти, жизни и смерти. А мы проецируем собственный антропологический опыт на них, не осознавая в обыденности, что очеловечиваем и этих «тварей господних», и мир в целом.

Что нас заставляет это делать, ведь синкретизм мифотворчества давно должен быть в прошлом? Но мы до сих пор заявляем: мы с тобой одной крови, я есть ты, или я есть мир, а мир есть я... Может быть, поэтому не случайно Л. Витгенштейн начинает свой трактат такими словами: «1 Die Welt ist alles, was der Fall ist. ... Мир – это все, чему случается быть»²⁷². Да, антропологический опыт – это огромная, специфическая дистанция от опыта

²⁷¹ Витгенштейн Л. Избранные работы. Пер. с нем. и англ. В. Руднева. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. С. 215.

²⁷² Там же. С. 18.

«собаки Павлова», и при этом огромная! Антропологический опыт – это опыт бытия, бытия в жизни и смерти, во времени и в вечности.

Сейчас мы стали более искушенными в «деталях» мозга, его морфологии по сравнению с новоевропейским временем. И понимаем разницу, порой принципиальную между вороной (у которой нет коры головного мозга – иной эволюционный путь) и человеком с его сознанием и бессознательным. Антропологический опыт выступает единством опыта внешнего и внутреннего, подобно аллегорическому ветхозаветному единству имени Бога и Бога, как СЛОВО или абсолютный контекст – результат становящегося процесса, аналогичного Абсолютной идее Гегеля, только наоборот.

Но часто слов нам и не хватает. Поэтому и хочется закончить наш текст последним тезисом Л. Витгенштейна: «7. О чем невозможно говорить, о том следует молчать»²⁷³.

²⁷³ Витгенштейн, Л. Логико-философский трактат. Сер. «Памятники философской мысли». М: Канон + РООИ «Реабилитация», 2017. С. 218.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абишев, К. К вопросу об истоках кантовского априоризма / К. К. Абишев // Вопросы философии. – 2019. – № 2. – С. 176–184.
2. Абульханова, К. А. Ретроспектива и перспектива принципа субъекта в исследованиях мышления школой С. Л. Рубинштейна / К. А. Абульханова // Вопросы философии. – 2021. – № 9. – С. 75–81.
3. Автономова, Н. С. Рассудок. Разум. Рациональность. / Н. С. Автономова. – Москва : Наука, 1988. – 287 с.
4. Авченко, О. В. О ненаблюдаемой онтологии / О. В. Авченко // Вопросы философии. – 2021. – № 1. – С. 37–44.
5. Адорно, Т. Негативная диалектика / Теодор В. Адорно ; перевод с немецкого Е. Л. Петренко. – Москва : АСТ, 2014. – 511 с.
6. Ананьев, Б. Г. О проблемах современного человекознания / Б. Г. Ананьев. – Санкт-Петербург : Питер, 2001. – 272 с.
7. Андре Конт-Спонвиль. Философский словарь = Dictionnaire philosophique [Текст] = Dictionnaire philosophique / Андре Конт-Спонвиль ; [пер. с фр. Е. В. Головиной]. – Москва : Этерна : Палимсест, 2012. – 750 с.
8. Антропологические матрицы XX века. Л. С. Выготский – П. А. Флоренский: несостоявшийся диалог : приглашение к диалогу / под общ. ред. А. И. Олексенко. – Москва : Прогресс-Традиция, 2007. – 666 с.
9. Анохин, П. К. Опережающее отражение действительности / П. К. Анохин // Вопросы философии. – 1962. – № 7. – С. 97–111.
10. Антоновский А. Ю. О ценности истины и ее генезисе // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2014. №3. С.46–54.
11. Арбиб, М. Метафорический мозг : пер. с англ. / М. Арбиб ; под ред. и с предисл. Д. А. Поспелова. – 2-е изд. – Москва : Едиториал УРСС, 2004. – 304 с.

12.Арепьев, Е. И. О связи философских категорий и фундаментальных математических понятий / Е. И. Арепьев // Великий октябрь - время перемен : сборник научных докладов Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию Октябрьской революции и 100-летию образования БАСССР, Уфа, 16 ноября 2017 года / Салихов Г.Г., Белоногов Г.Е., отв. ред.. – Уфа: Башкирский государственный университет, 2018. – С. 115-123.

13.Арепьев, Е. И. Формирование и развитие аналитической традиции в философии математики и методологии науки XX столетия : специальность 09.00.03 «История философии» : диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук / Арепьев Евгений Иванович. – Курск, 2003. – 313 с.

14. Аристотель. Метафизика / Аристотель // Сочинения : в 4 томах. – Москва : Мысль, 1975. – Том 1. – 550 с.

15.Арно, А. Логика, или Искусство мыслить, где помимо обычных правил содержатся некоторые новые соображения, полезные для развития способности суждения / А. Арно, П. Николь / [АН СССР. Ин-т философии; Пер. с фр. В. П. Гайдамака Авт. послесл.: д. филос. н. А.Л. Субботин]. – Москва : Наука, 1991. – 413 с.

16. Аронов, Р. А. Театр абсурда: нужен ли он современной физике? / Р. А. Аронов // Вопросы философии. – 1997.– № 12. – С. 39–48.

17. Аршинов, В. И. Феномен сложности и квантовая семиотика / В. И. Аршинов, В. Г. Буданов // Вопросы философии. – 2021. – № 12. – С. 67–77.

18. Атомизм: атомистический подход в физике и математике и культурный контекст : материалы «круглого стола» / Обзор подготовлен В. Г. Лысенко и М. В. Рубец // Вопросы философии. – 2015. – № 5. – С.131–157. – (Проект РГНФ № 13-03-00547 «Атомизм и мировая культура»).

19.Баландин, Р. К. Вернадский: жизнь, мысль, бессмертие / Р. К. Баландин. – Москва : Знание, 1979. – 176 с.

20. Бажанов, В. А. Число и кантианская исследовательская программа в современной нейронауке / В. А. Бажанов // Вопросы философии. – 2021. – № 7. – С. 50–60.

21. Бажанов, В. А. Деятельностный подход и современная когнитивная наука / В. А. Бажанов // Вопросы философии. – 2017. – № 9. – С. 174–181.

22. Балашов, Ю. В. Антропный принцип: содержание и спекуляции / Ю. В. Балашов, С. В. Илларионов // Глобальный эволюционизм. – Москва, 1994. – С. 108–123.

23. Бакулов, В. Д. Репродукция и творчество в науке: концептуальные идеи М. К. Петрова и современные подходы / В. Д. Бакулов, С. В. Силенко // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2023. – № 4(220). – С. 5–14.

24. Бакулов, В. Д. Эрих Фромм: критика и апология гуманизма / А. Ф. Поломошнов, В. Д. Бакулов, Е. А. Котлярова // Kant. – 2021. – № 2(39). – С. 246–252.

25. Бакулов, В. Д. Основные теоретико-методологические уровни анализа проблемы демаркации науки и квазинауки / В. Д. Бакулов, С. В. Силенко // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2019. – № 2(202). – С. 4–9.

26. Бакулов, В. Г. «Эпистемологический поворот» как условие философской концептуализации когнитивной науки / В. Г. Бакулов, С. В. Силенко // Научная мысль Кавказа. – 2017. – № 4. – С. 21–29.

27. Барулин, В. С. Человек: многогранность и целостность его отношения к общественной жизни / В. С. Барулин // Спектр антропологических учений / отв. ред. П. С. Гуревич ; ред. Л. П. Буева, Ю. В. Еремин. – Москва : ИФ РАН, 2006. – С. 52–64.

28. Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – Москва : Academia-Центр «МЕДИУМ», 1995. – 323 с.

29. Brentano Франц: критика кантовской философии : материалы круглого стола / Белоусов М. А., Блауберг И. И., Васильев В. В. и др. // Вопросы философии. – 2020. – № 9. – С. 5–40.

30. Беляев, В. А. Антропология техногенной цивилизации на перекрестке позиций / В. А. Беляев. – Москва : Издательство ЛКИ, 2007. – 413 с.

31. Бергсон, А. Опыт о непосредственных данных сознания / А. Бергсон // Собрание сочинений : в 4 томах. Том 1. – Москва : Московский клуб, 1992. – 336 с.

32. Беркли, Дж. Сочинения [Текст] / [Сост., общ. ред. и вступит. статья И. С. Нарского]. – Москва : Мысль, 1978. – 556 с.

33. Беркли, Дж. Трактат о началах человеческого знания, в котором исследуются главные причины заблуждения и трудности наук, а также основания скептицизма, атеизма и безверия / Дж. Беркли. – Москва : Либроком, 2014. – 184 с.

34. Бернал, Дж. Марксизм и наука : перевод с английского / Джон Десмонд Бернал. – Москва : URSS, 2010. – 110 с.

35. Берталанфи фон Л. Общая теория систем. Критический обзор / Людвиг фон Берталанфи // Исследования по общей теории систем : сборник переводов / общ. ред. и вступит. статья В. Н. Садовского и Э. Г. Юдина. – Москва : Прогресс, 1969. – С. 23–82.

36. Бехтерева, Н. П. О мозге человека: Размышления о главном / Н. П. Бехтерева. – Санкт-Петербург : Нотабене, 1994. – 244 с.

37. Библер, В. С. Мышление как творчество : (Введ. в логику мысл. диалога). – Москва : Политиздат, 1975. – 399 с.

38. Библер, В. С. Кант – Галилей – Кант. Разум Нового времени в парадоксах самообоснования / В. С. Библер. – Москва : DirectMEDIA, 2014. – 561 с.

39. Бланшо, М. Опыт-предел / М. Бланшо // Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века / сост., перев., коммент. С. Л. Фокин. – Санкт-Петербург : Мифрил, 1995. – С. 63–78.
40. Блауберг, И. В. Проблема целостности и системный подход / И. В. Блауберг. – Москва : Эдиториал УРСС, 1997. – 448 с.
41. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляции / Ж. Бодрийяр. – Москва : Постум, 2017. – 240 с.
42. Бодрийяр, Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр. – 4-е изд. – Москва : «Добросвет», Издательство «КДУ», 2011. – 392 с.
43. Болдырев, Н. Н. Когнитивная семантика / Н. Н. Болдырев. – 3-е изд., стер. – Тамбов : Издательство ТГУ, 2002. – 123 с.
44. Болдырев, Н. Н. Языковые категории как формат знания / Н. Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. – № 2. – С. 5–22.
45. Больцман, Л. Избранные труды / Людвиг Больцман. – Москва : Наука, 1984. – 589 с. – (Классики науки).
46. Больцман, Л. Статьи и речи / Людвиг Больцман ; отв. ред. Д. Н. Зубарев. – Москва : Наука, 1970. – 405 с.
47. Бор, Н. Избранные научные труды : в 2 томах / Н. Бор ; под ред. И. Е. Тамма. – Т. 2. – Москва : Наука, 1971. – 675 с.
48. Бор, Н. Атомная физика и человеческое познание / Н. Бор. – Москва : ИЛ, 1961. – 151 с.
49. Борн, М. Моя жизнь и взгляды / [введ. проф. Б. Коэна] ; пер. с англ. А. Арского, и В. Белокопя ; послесл. чл.-кор. АН СССР М. Э. Омеляновского. – Москва : Прогресс, 1973. – 176 с.
50. Борн, М. Размышления и воспоминания физика : сборник статей / М. Борн ; АН СССР. – Москва : Наука, 1977. – 280 с.
51. Брагина, Н. Н. Функциональные асимметрии человека / Н. Н. Брагина, Т. А. Доброхотова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Медицина, 1988. – 240 с.

52. Бреусенко-Кузнецов А. А. Проблема опыта в мировых философских традициях и отечественной метафизической психологии / А. А. Бреусенко-Кузнецов // Теоретичні дослідження у психології. 2017. Т.2 С.40
53. Бриллюэн, Л. Научная неопределённость и информация / Л. Бриллюэн. – Москва : Мир, 1966. – 271 с.
54. Бройль, Луи де. По тропам науки / Луи де Бройль ; пер. с фр. канд. филос. наук. С. Ф. Шушурина ; послеслов. и общ. ред. доктора философских наук проф. И. В. Кузнецова. – Москва : ИЛ, 1962. – 408 с.
55. Бруно, Д. Диалоги [Текст] : Перевод с итальянского / Редакция и вступительная статья М. А. Дынника; [примеч. сост. канд. философ. наук Я. Г. Емельянов] ; Акад. наук СССР. Ин-т философии. – [Москва] : Госполитиздат, 1949 (тип. «Кр. Пролетарий»). – 552 с.
56. Бряник, Н. В. Концепция структурного закона и методология структурализма в неклассической науке / Н. В. Бряник // Вопросы философии. – 2020. – № 1. – С. 74–84.
57. Бубенцов, В. Ю. Метод аналогий: поиск творческих решений / В. Ю. Бубенцов, Н. В. Бубенцов. – Москва : СОЛОН-Пресс, 2018. – 75 с.
58. Бунге, М. Философия физики / М. Бунге. – Москва : Прогресс, 1975. – 347 с.
59. Бурбаки, Н. Исторический очерк / Н. Бурбаки // Теория множеств. – Москва : Мир, 1965. – С. 298–348.
60. Бурдье, Пьер. Начала : [Сборник : Пер. с фр.] / Пьер Бурдье. – Москва : Socio-Logos : Фирма «Адапт», 1994. – 287 с.
61. Бэкон, Ф. Сочинения : в 2-х томах / Фр. Бэкон ; общ. ред. и вст. ст., А. Л. Субботина ; АН СССР ; Институт философии. – 2-е изд. испр. и доп. – Москва : Мысль, 1978. – Т. 2. – 575 с.
62. Варден, Бартел Лендерт ван дер. Пробуждающаяся наука [Текст] : Математика древнего Египта, Вавилона и Греции. Пифагорейское учение о гармонии / Бартел Лендерт ван дер, Варден ; Пер. с гол. и замечания И. Н. Веселовского. – Москва : Физматгиз, 1959. – 459 с.

63. Васильев, В. Ф. Проблемы рациональности / В. Ф. Васильев ; Министерство образования и науки Российской Федерации ; Федеральное агентство по образованию ; Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова. – Ярославль : Ярославский государственный университет, 2006. – 223 с.

64. Васильев, В. В. Трудная проблема сознания / В. В. Васильев. – Москва : Прогресс-Традиция, 2009. – 272 с.

65. Васильев, В. В. Человеческое сознание и его носители: можем ли мы превратить себя в роботов? / В. В. Васильев // Вопросы философии. – 2021. – № 9. – С. 105–117.

66. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – Москва : Русские словари, 1996. – 416 с.

67. Вейль, Г. Математическое мышление : Сборник : Пер. с англ. и нем. / Герман Вейль; Сост. Ю. А. Данилов; Под ред. [и со статьями] Б. В. Бирюкова, А. Н. Паршина. – Москва : Наука, 1989. – 400 с.

68. Величковский, Б. М. Когнитивная наука: основы психологии познания : в 2 томах. Том 1 / Б. М. Величковский. – Москва : Смысл; Издательский центр «Академия», 2006. – 448 с.

69. Величковский, Б. М. Когнитивная наука: основы психологии познания : в 2 томах. Том 2 / Б. М. Величковский. – Москва : Смысл; Издательский центр «Академия», 2006. – 450 с.

70. Велихов Е.П. Междисциплинарные исследования сознания: 30 лет спустя / Е. П. Велихов, А. А. Котов, В. А. Лекторский, Б. М. Величковский // Вопросы философии. – 2018. – № 12. – С. 5–17.

71. Вернадский, В. И. Философские мысли натуралиста : [сборник к 125-летию со дня рождения] / В. И. Вернадский ; предисл. А. Л. Яншина и др. ; АН СССР. – Москва : Наука, 1988. – 520 с.

72. Вархотов, Т. А. Воображение как граница понимания: о функции воображения в мысленных экспериментах / Т. А. Вархотов // ПРАЕНМА. Проблемы визуальной семиотики. – 2020. – Т. 24, № 2. – С. 199–224.

73. Вигнер, Е. Роль принципов инвариантности в натуральной философии / Е. Вигнер // Этюды о симметрии. – Москва : Наука, 1971. – С. 35–45.

74. Виндельбанд, В. История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками: В 2 т. Т. 1. От возрождения до просвещения: Пер. с нем. / В. Виндельбанд; Под ред. А. Введенского; вступ. ст. О. Бойцовой. — М.: Гиперборея, Кучково поле, 2007. — 640 с.

75. Виндельбанд, В. История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками: В 2 т. Т. 2. От Канта до Ницше: Пер. с нем. / В. Виндельбанд; Под ред. А. Введенского. — М.: Гиперборея, Кучково поле, 2007а. — 512 с

76. Витгенштейн, Л. Избранные работы / Людвиг Витгенштейн ; пер. с нем. и англ. В.П. Руднева. – Москва : Издательский дом «Территория будущего», 2005. – 440 с.

77. Витгенштейн, Л. Логико-философский трактат. Переведено с немецкого и сверено с авторизованным английским переводом И. С. Добронравовым и Д. Г. Лахути (1-е издание – 1958; 2-е исправленное и дополненное издание – 2008) / Людвиг Витгенштейн. Сер. «Памятники философской мысли». – М: Канон + РООИ «Реабилитация», 2017. – 288 с.

78. Выготский, Л. С. Мышление и речь / Л. С. Выготский. – Москва : Лабиринт, 1999. – 352 с.

79. Гайденок, П. П. Проблема рациональности на исходе XX века / П. П. Гайдеко // Вопросы философии. – 1991. – № 6. – С. 3–14.

80. Гайденок, П. П. Научная рациональность и философский разум / П. П. Гайденок. – Москва : Прогресс-традиция, 2003. – 521 с.

81. Гайденок, П. П. История новоевропейской философии в её связи с наукой / П. П. Гайденок. – Москва : ПЕР СЭ ; Санкт-Петербург : Университетская книга, 2000. – 456 с.

82. Гайдено, П. П. История и рациональность: социология М. Вебера и веберовский ренессанс / П. П. Гайдеко, Ю. Н. Давыдов. – Москва : Политиздат, 1991. – 367 с.

83. Галенко, С. П., Ремезова И. И. Философская антропология после «конца света» / С. П. Галенко, И. И. Ремезова // Философия в XX веке : в 2 частях : сборник обзоров и рефератов. – Москва : ИНИОН РАН, 2001. – Ч. 1. – С.168–194.

84. Ганзен, В. А. Системные описания в психологии Ганзен В. А. – Ленинград : Издательство Ленинградского университета, 1984. – 176 с.

85. Гвардини, Р. Конец нового времени / Гвардини Р. // Вопросы философии. – 1990. № 4. – С. 127–164.

86. Гваттари, Ф. Хаосмос и этико-эстетическая парадигма / Феликс Гваттари; Пер. с фр. А. Лемманн, Т. Алфёровой, А. Румеги, А. Моклаковой. – Корсаков: Производственный кооператив «Советская типография», 2023. – 209 с.

87. Гегель, Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук / Георг Вильгельм Фридрих Гегель. – Т.2 [Филос. природы] – Москва : Наука, 1975. – 695 с.

88. Гегель, Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук / Георг Вильгельм Фридрих Гегель – Т. 1 [Наука логики] – Москва : Наука, 1974. – 452 с.

89. Гегель, Г. В. Ф. Наука логики [Текст] / Георг Вильгельм Фридрих Гегель [Отв. ред. и авт. вступ. статьи, с. 5–74, М. М. Розенталь]. – Москва : Мысль, 1970–1972. – 3 т. – (Философское наследие/ АН СССР. Ин-т философии).

90. Гейтинг, А. Интуиционизм / А. Гейтинг. – Москва : Мир, 1965. – 200 с.

91. Гейзенберг, В. Роль феноменологических теорий в системе теоретической физики / Вернер Гейзенберг // Успехи физических наук, № 91, 1967. – С. 731–733.

92. Гейзенберг, В. Шаги за горизонт : [Сборник] : Пер. с нем. / Вернер Гейзенберг; Общ. ред. и вступ. ст. [с. 5–22] Н. Ф. Овчинникова. – Москва : Прогресс, 1987. – 366 с.

93. Гейзенберг В. Физика и философия. Часть и целое / В. Гейзенберг; Пер. с нем. – М.: Наука, 1989. – 399 с.

94. Гельвеций, К. А. О человеке, его умственных способностях и его воспитании / Клод Адриан Гельвеций. О человеке, его умственных способностях и его воспитании [Текст] / Акад. наук СССР, Ин-т философии. – Москва : Соцэкгиз, 1938 (Образцовая тип.). – VI, 486 с.

95. Гемпель, К. Г. Логика объяснения / Пер. с англ. / К. Г. Гемпель; сост., вступ. ст. и прил. к. ф. н. Назаровой О. А. – Москва : Дом интеллектуал. кн., 1998. – 237 с.

96. Гёдель, К. Об одном ещё не использованном расширении финитной точки зрения / Курт Гёдель / Математическая теория логического вывода. – М.: Наука, 1967. – С. 299–304.

97. Гидденс, Энтони. Устройство общества : Очерк теории структуризации / Энтони Гидденс ; [Пер.: Тюрина И.]. – Москва : Акад. проект, 2003. – 525 с.

98. Гильберт, Д. Обоснование математики // Основания геометрии [Текст] / Д. Гильберт ; Пер. с 7-го нем. изд. И. С. Градштейна ; Под ред. и с вступит. статьей [«Основания геометрии» Гильберта и их место в историческом развитии вопроса], с. 7–52] П. К. Рашевского. – Москва ; Ленинград : Гостехиздат, 1948 (Москва : Образцовая тип.) – С. 365–388.

99. Гипотеза развития // Теория развития [Текст] : сб. ст. / под ред. В. А. Фаусека. – СПб. : Тип. Акц. Общ. Брокгауз-Ефрон, 1904. – 238 с.

100. Глобальное будущее 2045: Антропологический кризис. Конвергентные технологии. Трансгуманистические проекты: Материалы Первой Всероссийской конференции, Белгород, 11–12 апреля 2013 г. / Под ред. Д. И. Дубровского, С. М. Климовой. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. – 352 с.

101. Гоббс, Т. Избранные произведения [Текст]: в 2 т.: [пер. с лат. и англ.] / Томас Гоббс. – Москва: Мысль, 1964. Т. 1 / [ред. и вступ. ст. В. В. Соколова ; пер. А. Гутермана и В. Погосского]. – 1964. – 582 с.

102. Горц, А. Нематериальное : знание, стоимость и капитал / Андре Горц ; пер. с фр. и нем. Марии Сокольской. – Москва : Изд. дом Государственного ун-та – Высшей школы экономики, 2010. – 206 с.

103. Грей, Дж. Поминки по Просвещению : Политика и культура на закате современности / Дж. Грей / Пер. с англ. Л. Е. Переяславцевой, Е. Рудницкой, М.С. Фетисова и др., под общей ред. Г. В. Каменской. Москва : Праксис, 2003. – 368 с.

104. Грушин, Б. А. Историзм // Философская энциклопедия [Текст]. – Москва : Сов. энциклопедия, 1960. [Т.] 2: Дизъюнкция-комическое. – 1962. – 575 с.

105. Губин, В. Б. Анти-«Дао физики» / В. Б. Губин // О методологии лженауки. – Москва : ПАИМС, 2004. – 172 с.

106. Гуревич, П. С. Неисчерпаемость антропологического опыта / П. С. Гуревич // Вестник российского философского общества. – Москва: ЗАО «Московские учебники – СиДиПресс». – 2(38), 2006. – С.172–179.

107. Гуревич П. С. Размежевания и тенденции современной философской антропологии [Текст] = Delimitations and tendencies of modern philosophical anthropology / П. С. Гуревич, Э. М. Спирина ; Российская акад. наук, Ин-т философии. – Москва : Ин-т философии РАН, 2015. – 160 с.

108. Гуссерль, Э. Философия как строгая наука / Э. Гуссерль; Пер. с нем. О. А. Сердюкова – Новочеркасск: Агенство Сагуна, 1994. – 357 с.

109. Давидович, В. Е. В зеркале философии / В. Е. Давидович. – Ростов н/Д : Феникс, 1997. – 443 с.

110. Давидович, В. Е. Сущность культуры / В. Е. Давидович, Ю. А. Жданов. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1979. – 264 с.

111. Даниленко, В.П. Языковая картина мира в теории Л. Вайсгербера / В.П. Даниленко // Филология и человек. – 2009. – № 1.
112. Декарт Р. Избранные произведения. К 300-летию со дня смерти (1650–1950) / Пер. с франц. и лат. Ред. и вступ. ст. В.В. Соколова. – Москва : Госполитиздат, 1950. – 712 с.
113. Декарт, Р. Рассуждение о методе с прил. «Диоптрика», «Метеоры», «Геометрия» / Рене Декарт [Текст]; Ред., пер., статьи и коммент. Г. Г. Слюсарева, А. П. Юшкевича. – М.: АН СССР, 1953. – 656 с.
114. Декарт, Р. Сочинения в 2 т.: Пер. с лат. и франц. / Рене Декарт [Текст]; Сост., ред., вступ. ст. В. В. Соловьева. – Москва : Мысль, 1989. – Т. 1. – 654 с.
115. Декарт Р. Человек / Пер. с франц. Б.М. Скуратов; составление, примечания, послесловие Т. А. Дмитриев. – Москва: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2012. – 128 с. – (Серия «Философия»)
116. Делез, Ж. Эмпиризм и субъективность: Опыт о человеческой природе по Юму : Критическая философия Канта: учение о способностях; Бергсонизм; Спиноза / Жиль Делез; [Пер. с фр. и послесл. Я. И. Свирский]. – Москва : Per Se, 2001. – 475 с.
117. Делокаров, К. Х. Философия и человек в век глобальных проблем / К. Х. Делокаров [Текст]. – Москва : ЗелО, 1998. – 243 с.
118. Деминг, Эдвард У. Выход из кризиса [Текст]: новая парадигма управления людьми, системами и процессами / Эдвардс Деминг ; пер. с англ. [Ю. Адлер, В. Шпер]. 3-е изд. – Москва : Альпина Паблишерз, 2011. – 418 с.
119. Дмитриев, И. С. От «номоса» к «фюсису» и обратно (концепция «закон природы» в философии Ф. Бэкона) / И. С. Дмитриев [Текст] // Epistemology & Philosophy of Science. – 2021. – №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-nomosa-k-fyusisu-i-obratno-kontseptsiya-zakon-prirody-v-filosofii-f-bekona> (дата обращения: 19.03.2023).

120. Дмитриева, Н. А. Сергей Рубинштейн о методе мышления у Гегеля: неокантианская критика / Н. А. Дмитриева [Текст] // Вопросы философии. – 2021. – № 9. – С. 90–102.

121. Дойч, Д. Структура реальности. Наука параллельных вселенных / Д. Дойч. – Москва : Альпина нон-фикшн, 2015. – 460 с.

122. Драч, Г. В. М. К. Петров об интеллектуальной революции XVII в. Петров М.К. Логос, язык Адама и Уорф. Лингвистические аспекты интеллектуальной революции XVII в. Подготовка текста и публикация В. Г. Драча / Г. В. Драч [Текст] // Вопросы философии. – 2019. – № 1. – С. 116–132.

123. Драч, Г.В. История одного доклада / Г. В. Драч [Текст] // Вопросы философии. – 2018. – № 5. – С. 145–156.

124. Дройзен, И. Историка [Текст] : [лекции об энциклопедии и методологии истории] / Иоганн Густав Дройзен ; пер. с нем. Г. И. Федоровой ; под ред. Скляднева Д. В.; Фонд Университет. – Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2004. – 582 с.

125. Дубровин, В.Н. М. К. Петров: жизнь и идеи / В.Н. Дубровин, Ю. Р. Тищенко // Петров, М. К. Самосознание и научное творчество. – Ростов н/Д: РГУ, 1992. – С. 253–264.

126. Дьюи, Дж. Реконструкция в философии; Проблемы человека / Джон Дьюи ; [Пер. с англ., послесл. и примеч. Л.Е. Павловой]. – Москва : Республика, 2003 (Екатеринбург : ГИПП Урал. рабочий). – 493 с. – (Мыслители XX века).

127. Дьяченко, О. Н. Вера как форма мыслительного опыта / О. Н. Дьяченко // Человек в современном мире: пандемия и новый технологический уклад : Сборник научных трудов / Сост., ред. М.В. Бахтин; Образовательно-культурный центр «Интер-Спутник»; Международный профессорский клуб; Российский государственный социальный университет. – Рагуза : Энциклопедист-Максимум, 2021. – С. 313–321.

128. Ерыгин, А. Н. «Феноменология духа» Гегеля: диалектика и проблема общественной природы сознания : монография / А. Н. Ерыгин. – Краснодар : Кубанское отд-ние РФО РАН, 2007. – 155 с.

129. Жданов, Ю. А. Человек и природа [Текст] : [сборник статей] / Ю. А. Жданов ; [редактор-составитель, вступительная статья: А. В. Белов] ; Федеральное государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Южный федеральный университет», Институт философии и социально-политических наук, Северо-Кавказский научный центр высшей школы. – Ростов-на-Дону : Фонд науки и образования, 2017. – 360 с.

130. Жданов Ю.А. Избранное. / Ю. А. Жданов ; Т. 1. – Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2001. – 368 с.

131. Жданов Ю.А. Избранное. / Ю. А. Жданов ; Т. 2. – Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 1999. – 400 с.

132. Жидков, В.С. Культурная политика России: теория и история / В. С. Жидков, К.Б. Соколов [Текст]. – Москва : Академический Проект, 2001. – 592 с.

133. Жданов, Ю.А. Проблемы теории и истории культуры; Жданов ЮА, Давидович В.Е. Сущность культуры. Изд. 2-е, перераб. / Отв. ред. Ю.Г. Волков. – Ростов-на-Дону: Наука-пресс, 2005. – 432 с.

134. Задворнов, А. Н. Категориальные формы мышления как основа трансформационного потенциала общественного сознания / А.Н. Задорнов // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2012. №4. – С.190–196.

135. Зазеркалье. Симметрия в математике [Текст] : [перевод с испанского : 12+] / Хоакин Наварро. – Москва : DeAgostini, 2014. – 159 с.

136. Залевская, А. А. Введение в психолингвистику: Учебник 2-е изд. испр. и доп. / А. А. Залевская [Текст]. – Москва : Российск. гос. гуманит. ун-т, 2007. – 560 с.

137. Записные книжки Л.С. Выготского. Избранное / Под общ. ред. Екатерины Завершневой и Рене ван дер Веера. – Москва : Издательство «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2018. – 608 с.

138. Золотухина-Аболина, Е. В. Онтология культуры: «творящее восприятие» и условия его реализации / Е. В. Золотухина-Аболина // Вестник МГУКИ. – 2023. – № 5 (115). – С. 6–16.

139. Золотухина-Аболина, Е. В. Феномен переживания: культурные грани и ракурсы / Е. В. Золотухина-Аболина // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2022. – № 1(105). – С. 6–18.

140. Золотухина-Аболина, Е. В. «Изнанка языка»: проблема соотношения континуального и дискретного / Е. В. Золотухина-Аболина // Эпистемология и философия науки. – 2018. – Т. 55, № 2. – С. 94-108.

141. Золотухина-Аболина, Е. В. Сознание, творящее реальность : гносеологические и экзистенциальные аспекты / Е. В. Золотухина-Аболина. – Москва; Берлин : ООО «Директмедиа Паблишинг», 2016. – 237 с.

142. Иванов, Д. И. Природа феноменального сознания / Д. И. Иванов [Текст]. – Москва : Либроком, 2013. – 240 с.

143. Игнатъева, И. Ф. Антропология техники: Человек как субъект мира техники: Монография. / И. Ф. Игнатъева [Текст]. – Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 1992. – 130 с.

144. Ильин, В. В. Теория познания. Философия как оправдание абсолютов. В поисках *causa finalis*. / В. В. Ильин. – Москва : Проспект, 2022. – 272 с.

145. Ильин, В. В. Теория познания. Критика инструментального разума. *Speciosa Miracula*: тотальный мировейник. / В. В. Ильин [Текст]. – Москва : Проспект, 2020. – 160 с.

146. Ильин, В. В. О природе ценностного мира (WERTSWELT) / В. В. Ильин // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – № 3 (350), 2016. – С.71–76.

147. Ильин, В. В. Человек в контексте философской антропологии / В. В. Ильин [Текст] // Живая психология. – Том 2. – № 3. – 2015. – С. 197 – 204.
148. Ильин, И. А. Постмодернизм словарь терминов / И. А. Ильин [Текст]. – Москва : Интрада, 2001. – 382 с.
149. Калинина, Г. Н. Наука. «Другое знание». Человек. / Г. Н. Калинина [Текст]; ред. К. Nesipurenko. Саарбрюкен, Palmarium Academic Publishing, 2012. – 564 с.
150. Калмыков, А. Л. Гипертекст мышления и коммуникативное пространство / А. Л. Калмыков [Текст] // Человек. — №5, 2007. – С. 122–129.
151. Канке В. А. Компетенции в свете метанауки / Канке В. А. // Alma mater. Вестник высшей школы. Вып. 9. С. 44–48.
152. Кант, И. Критика практического разума / И. Кант [Текст]; Вступ. статья Я. А. Слинина. – Санкт-Петербург: Наука, 1995. – 528 с.
153. Кант, И. О форме и принципах чувственно воспринимаемого и интеллигибельного мира / И. Кант [Текст] // Кант И. Собр. соч.: В 8 т. – Т. 2. – Москва : Чоро, 1994. – С. 277–320.
154. Кант, И. Критика способности суждения / И. Кант [Текст]; Вступ. статья и коммент. А.В. Гулыги. – Москва : Искусство, 1994. – 368 с.
155. Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант [Текст]. – Санкт-Петербург: ИКА «ТАЙМ-АУТ», 1993.– 477 с.
156. Кант, И. Сочинения в шести томах / И. Кант [Текст]; [Под общ. ред. В. Ф. Асмуса. А. В. Гулыги, Т. И. Ойзермана], Москва : Мысль, 1964. (Философское наследие. Акад. наук СССР. Ин-т философии) Т. 3. – 799 с.
157. Карнап, Р. Научное миропонимание – Венский кружок / Р. Карнап, Г. Ганн, О. Нейрат // Логос. – 2005. – № 2. – С. 13–27.
158. Катречко, С. Л. Трансцендентализм Канта как реалистическая теория опыта/познания (анализ структуры кантовского коперниканского переворота) / С. Л. Катречко [Текст] // Философия и наука: проблемы соотнесения. – Кн. 1. – Москва : РГГУ, 2017. – С. 213–226.

159. Касавин, И. Т. Энциклопедия эпистемологии и философии науки. / И. Т. Касавин [Текст]. – Москва : «Канон +» РООИ «Реабилитация», 2009. – 1248 с.

160. Касавин, И. Т. Текст. Дискурс. Контекст: введение в социальную эпистемологию языка. / И. Т. Касавин [Текст]. – Москва : Канон+: реабилитация, 2008. – 544 с.

161. Касавин, И. Т. Анализ повседневности / И. Т. Касавин, С. П. Щавелев. – Москва : Канон+, 2004. – 430 с. – (Современная философия / Российская акад. наук. Ин-т философии).;

162. Касьян, Л. А. Термин «концепт» в современной лингвистике: различные его толкования / Л. А. Касьян [Текст] // Вестник Югорского государственного университета. – 2010. – Выпуск 2 (17) – С. 50–23.

163. Кашапов, М. М. Психология творческого мышления профессионала. Монография. / М. М. Кашапов [Текст]. – Москва : ПЕР СЭ, 2006. — 793 с.

164. Квинт Гораций Флакк, Буало Никола. Поэтическое искусство. Об искусстве и поэзии / Пер. с фр. Э. Линецкой, пер. с лат. А. Артюшкова. Об искусстве поэзии / Квинт Гораций Флакк; пер. с лат. Д. Александровича. Москва : РИПОЛ классик, 2017. – 150 с.

165. Кларк, Бертон Р. Система высшего образования: академическая организация в кросс-национальной перспективе [Текст] / Бертон Р. Кларк ; [пер. с англ. Артема Смирнова]. – Москва : Издательский дом Высш. шк. экономики, 2011. – 358 с.

166. Князев, В. Н. Концепции взаимодействия в современной физике / В. Н. Князев. – Москва : МПГУ, 1991. – 127 с.

167. Князева, Е. Н. Основания синергетики [Текст] : синергетическое мировидение / Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов. - Москва : URSS : Ленанд, 2005. – 238 с.

168. Когай, Е. А. Проективная философия Н.Ф. Фёдорова и стратегическое планирование / Е. А. Когай // Научное наследие и развитие

идей К.Э. Циолковского : Материалы 54-х Научных чтений памяти К.Э. Циолковского, Калуга, 17–19 сентября 2019 года. Том Часть 1. – Калуга: АКФ «Политоп», 2019. – С. 168–171.

169. Коген, Г. Теория опыта Канта / Герман Коген; Перевод с нем. В. Н. Белова. – Москва : Академический проспект, 2012. – 618 с.

170. Кондратьев, А. С. Принцип толерантности при решении физических задач в средней школе / А. С. Кондратьев, Л. А. Ларченкова Л. А. // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – Санкт-Петербург, 2008. – С. 158–167.

171. Конт, О. Курс положительной философии = Том 1. Философия математики : Cours de philosophie positive : в 6-ти томах / Огюст Конт (Auguste Comte) ; полный перевод с последнего 5-го французского издания под редакцией, с примечаниями и статьями профессоров С.Е. Савича, С.П. Глазенапа, О.Д. Хвольсона, Д.И. Менделеева, К.А. Тимирязева, А. С. Лаппо-Данилевского, И.М. Гревса и Н.О. Лосского ; с приложением статьи профессора Н.И. Кареева. – Книжный магазин Т-ва Посредник, 1900. – 302 с. – (Библиотека положительных наук, издаваемая З.К. Гартье и Ко.).

172. Коцюба, В. И. Критический анализ философии Канта в трудах М. И. Каринского / В. И. Коцюба, Часть 2, Учение о категориях и основоположениях рассудка [Текст] // Вопросы философии. – 2018. – № 6. – С. 133–143.

173. Кречетова, М. Ю. Способность воображения в онтологии И. Канта // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2013. №4 (24). – С. 140–149.

174. Крымский, С.Б. Мировоззренческие категории в современном естествознании / С. Б. Крымский, В. И. Кузнецов. – Киев : Наук. думка, 1983. – 222 с.

175. Кузьмина, М. А. Смысл как междисциплинарный объект / М. А. Кузьмина // Вопросы философии. – 2021. – № 8. – С. 130–141.

176. Кузнецов, А. В. Что такое супервентность? // Третьи Грязновские чтения. Философия сознания: аналитическая традиция : материалы Международной научной конференции Философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, (6–7 ноября 2009 г.). – Москва : Современные тетради, 2009. – С. 165–170.

177. Кузнецов, А. В. Инвариантность «культурных констант» и фактуализация аксиологических и деривантных матриц в обыденности рационального человека. // Общество. Культура. Человек / Н. А. Балаклеец, И. А. Беляев, Е. П. Галкина [и др.]. – Тольятти : Институт судебной строительно-технической экспертизы, 2024. – 152 с.

178. Кузнецов, А. В. Концепт «антропологический опыт» в философии Д. Юма / А.В. Кузнецов // Наука. Искусство. Культура. – 2024. – №1 (41). – С. 200–206.

179. Кузнецов, А.В. Концепт «антропологический опыт» в работах Ф. Бэкона и Р. Декарта / А.В. Кузнецов // Наука. Искусство. Культура. – 2023. – № 4 (40). – С. 34–40.

180. Кузнецов, А.В. Егоров Н. С. Авторство в культурно-технологическом дискурсе / А.В. Кузнецов, Н. С. Егоров Н. С. // НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право. – 2023. – 55 (2). – С. 396–405.

181. Кузнецов, А.В. Проблема определения онтологической природы нарративов сознания в аналитической философии и психологии (К. Юнг, Д. Денет, П. Рикёр) / А.В., Кузнецов, В. О. Шелекета, И.А. Монастырская, И.С. Лагутина // Международный научно-исследовательский журнал. – 2023. – № 2 (128). – URL: <https://research-journal.org/archive/2-128-2023-february/10.23670/IRJ.2023.128.45> (дата обращения: 07.06.2023). – DOI: 10.23670/IRJ.2023.128.45.

182. Кузнецов, А.В. Человекоразмерность науки и высшего образования в контексте культурной политики / А.В. Кузнецов //

Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. – №2 (46). – 2022. – С. 20–27.

183. Кузнецов, А. В. Концептуализация рациональной картины мира в абдукции антропологического опыта / А. В. Кузнецов // *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право.* – 47(2), 2022. – С. 388–393.

184. Кузнецов, А.В. Глобальная сетевая коммуникация и человек «рациональный» / А.В. Кузнецов, Р.А. Дунаев // *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право.* – 2021. – Том 46, №4. – С. 662–668.

185. Кузнецов, А. В. Антропологический опыт в концептуальных допущениях физической картины мира / А. В. Кузнецов, О.Н. Римская // *Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого.* – №3 (39). – 2021. – С. 51–57.

186. Кузнецов, А. В. К вопросу о концептуализации антропологического опыта в неоднородной метаязыковой событийности // *Наука. Искусство. Культура.* – Белгород: БГИИК. – №2 (30), 2021. – С. 90–89.

187. Кузнецов, А. В. Оптимизация системно-объектных имитационных моделей / Жихарев А.Г., Бузов А.А., Егоров И.А., Кузнецов А.В., Жинкина Ю.В. [Текст] / Часть 1 // *Научные ведомости БелГУ. Сер. Экономика. Информатика.* – 2019. – № 2 (46). – С. 311–325.

188. Кузнецов, А. В. О гуманитарном потенциале взаимодействия философского и физико-математического знания / А. В. Кузнецов, В. В. Мороз [Текст] // *Вестник Тверского государственного университета. Серия Философия* – 2019. – №4 (50). – С. 24–32.

189. Кузнецов, А. В. Знаково-символическая парадигма в культурологическом знании / А. В. Кузнецов, А. В. Кузнецова // *Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право».* – № 24 (245). – Вып. 38. – Белгород: издательский дом «Белгород» НИУ «БелГУ», 2016. – С. 82–86.

190. Кузнецов, А.В. Мифологическое сознание романтиков в аспекте допредикативных структур архетипных состояний человеческого духа /

А. В. Кузнецов, А. В. Кузнецова // Научные ведомости Белгородского государственного университета. – Серия: Философия. Социология. Право. – Белгород : БелГУ, 2015. – №14 (211). – Выпуск 33. – С. 87–91.

191. Кузнецов, А. В. Системность в организации упорядоченных компонентов физической картины мира в методологии науки / А. В. Кузнецов, А. В. Кузнецова // Научные ведомости Белгородского государственного университета. – Серия: Философия. Социология. Право. – Белгород: БелГУ, 2015. – №8 (205). Выпуск 32. – С. 30–38.

192. Кузнецов, А. В. Императив субстанциональной ретроспективности в научном познании // Научные ведомости Белгородского государственного университета. – Серия: Философия. Социология. Право. – Белгород : БелГУ, 2013.– №23 (166). Выпуск 26. – С. 20–24.

193. Кузнецов, А. В. Семантическое пространство концептуализированного опыта в акциденции потребления / А. В. Кузнецов // Вестник философии и социологии Курского государственного университета. – №2. – «Социокультурное пространство современной России: Курск : КГУ, 2012. – С. 297–302.

194. Кузнецов, А. В. Неэпифеноменальность явлений сознания в осмыслении научной деятельности / А. В. Кузнецов, А. В. Кузнецова // Научные ведомости Белгородского государственного университета. – Серия философия. Социология. Право. – Белгород: БелГУ, 2010. – №20 (91). Выпуск 14. – С. 235–242.

195. Кузнецов, А. В. Физическая картина мира: логико-гносеологические основания и онто-гносеологическое обоснование. / А. В. Кузнецов. – Курск : Изд-во Курск. Гос. ун-та, 2008. – 198 с.

196. Кузнецов, А. В. Локальный интеракционизм. Новое решение проблемы ментальной каузальности / А. В. Кузнецов // Вопросы философии. 2016. – № 1. – С. 148–161.

197. Кузнецов, Б. Г. Этюды о меганауке / Б. Г. Кузнецов; Отв. ред. д. филос. н. М. К. Мамардашвили. – Москва : Наука, 1982. – 136 с.

198. Кузнецов, В. И. Проблема «универсалий» в физическом познании : монография / В. И. Кузнецов ; отв. ред. С. Б. Крымский ; Академия наук [АН] Украинской ССР [УССР]. Институт философии. – Киев : Наукова думка, 1987. – 171 с.

199. Культурно-историческая эпистемология: проблемы и перспективы. К 70-летию Бориса Исаевича Пружинина / Отв. ред.-сост. Н. С. Автономова, Т. Г. Щедрина; науч. ред. Т. Г. Щедрина. – Москва: Политическая энциклопедия, 2014. – 599 с. : ил. – (Humanitas).

200. Кумпф, Фридрих. Диалектическая логика [Текст] : Основные принципы и пробл. – Москва : Политиздат, 1979. – 286 с.

201. Кун, Т. Структура научных революций / Томас Кун. – Москва : ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2003. – 365 с.

202. Курдюмов, С. П. Синергетика – теория самоорганизации : Идеи, методы, перспективы / С. П. Курдюмов, Г. Г. Малинецкий. – Москва : Знание, 1983. – 64 с.

203. Курчанов, Н. А. Антропология и концепции биологии. / Н. А. Курчанов. – Санкт-Петербург : СпецЛит, 2007. — 192 с.

204. Кутырев, В. А. Апология человеческого (предпосылки и контуры консервативного философствования) // Вопросы философии. – 2003. – №1. – С. 63–75.

205. Кьеркегор, С. Беседы и размышления [Текст] / Сёрен Кьеркегор ; [перевод с датского и вступительная статья А. В. Лызлова]. – Москва : РИПОЛ классик, сор. 2018. – 510 с.

206. Кюглер П. Психические образы как мост между субъектом и объектом // Кембриджское руководство по аналитической психологии. 2-е изд. / Под ред. П. Янг-Айзендрат, Т. Даосона. — М.: Добросвет, КДУ, 2007. — С. 121–142.

207. Ладов, В. А. Возможен ли язык интенциональных контекстов? / В. А. Ладов. – (Академия). – Текст : непосредственный // Эпистемология и философия науки. – 2013. – № 3. – С. 40–56.

208. Лакатос, И. Избранные произведения по философии и методологии науки : доказательства и опровержения (как доказываются теоремы). История науки и ее рациональные реконструкции. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ / Имре Лакатос ; [пер. с англ. И.Н. Веселовского, А. Л. Никифорова, В. Н. Поруса ; сост. общ. ред. и вступ. ст. В. Н. Поруса]. – Москва : Акад. Проект, 2008. – 475 с.

209. Лакофф, Дж., Нуньес Р. Откуда взялась математика: как разум во плоти создает математику / Дж. Лакофф, Р. Нуньес // Горизонты когнитивной психологии. Москва : ЯСК: РГГУ, 2012. – С. 29–47.

210. Лаплас, Пьер Симон. Опыт философии теории вероятностей = (Essai philosophique sur les probabilités) : Попул. излож. основ теории вероятностей и ее приложений / Лаплас; Пер. А.И.В. под ред. [и с предисл.] А.К. Власова, прив.-доц. Моск. ун-та. – Москва : Типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1908. – 207 с.

211. Латур, Б. Нового времени не было : эссе по симметричной антропологии / Бруно Латур ; перевод с французского Д. Я. Калугина ; Европейский университет в Санкт-Петербурге. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Санкт-Петербург : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2021. – 294 с.

212. Левин, Г. Д. Проблема трансформации эмпирического знания в теоретическое / Г. Д. Левин // Вопросы философии. – 2018. – № 8. – С. 86–95.

213. Лейбниц, Г. В. Об универсальном синтезе и анализе, или об искусстве открытия и суждения // Лейбниц Г.В. Сочинения в четырех томах: Т. 3 /Ред. и сост., авт. вступит. статей и примеч. Г. Г. Майоров и Л. Л. Субботин; перевод Я. М. Боровского и др. Москва : Мысль, 1984. – С. 115–126.

214. Лейбниц, Г. В. Новые опыты о человеческом разумении автора системы предустановленной гармонии // Сочинения [Текст] : в 4 т. / Г. В. Лейбниц ; [редкол.: Б. Э. Быховский и др.] ; Акад. наук СССР. Ин-т философии. – Москва : Мысль, 1982 – 1989. – (Философское наследие ; т. 87).

Т. 2 / [ред., вступ. ст. и примеч. И. С. Нарского ; пер. с фр. П. С. Юшкевича]. – 1983. – С. 47–545.

215. Лекторский, В. А. Человек и культура [Текст] : избранные статьи / Владислав Лекторский ; [Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов]. – Санкт-Петербург : СПбГУП, 2018. – 639 с.

216. Лешкевич, Т. Г. Science in the making: к вопросу о методологии эффективного выполнения диссертационных исследований / Т. Г. Лешкевич // Научная мысль Кавказа. – 2012. – № 3(71). – С. 98–102.

217. Лешкевич, Т. Г. Смысл и специфика игрового познания в человеческой жизни / Т. Г. Лешкевич // Этическая мысль. – 2018. – Т. 18, № 2. – С. 155–162.

218. Лешкевич, Т. Г. «Сознание, творящее реальность». Есть ли выход из словесного лабиринта? / Т. Г. Лешкевич // Эпистемология и философия науки. – 2018. – Т. 55, № 2. – С. 220–227.

219. Лешкевич, Т. Г. Жизненный мир и теория коммуникативной рациональности / Т. Г. Лешкевич // Научная мысль Кавказа. – 2013. – №1. – С. 16.

220. Локк, Дж. Избранные философские произведения [Текст] : В 2 т. – Москва : Соцэкгиз, 1960. – 2 т.; Т. 1: [Опыт о человеческом разуме]. Т. 1 / [Примеч. И. С. Нарского и А. Л. Субботина] ; [Под ред. И. С. Нарского]. – 1960. – 734 с.

221. Локк, Дж. Избранные философские произведения [Текст] : В 2 т. – Москва : Соцэкгиз, 1960. – 2 т.; Т. 2 / Под общ. ред. и с примеч. А. А. Макаровского. – 1960. – 532 с.

222. Лосев, А. Ф. Плотин // Плотин. Соч. / Сост. М.А. Солопова. – Санкт-Петербург : АЛЕТЕЙЯ, 1995. С. 10–22.

223. Лурия, А. Р. Лекции по общей психологии. / А. Р. Лурия. – Санкт-Петербург : Питер, 2007. – 320 с.

224. Лурия, А. Р. Язык и сознание. / А. Р. Лурия. – Ростов на Дону : Феникс, 1998. – 416 с.

225. Лыткин В. В. Человек в культуре. Философские, антропологические, региональные аспекты культуры и русского космизма: монография / кол.авторов; отв.ред В.В. Лыткин. – Москва : РУСАЙНС 2024. – 178 с.

226. Лыткин В. В. Русский космизм и мировая культура [Текст] : философско-антропологические, культурные и естественно-научные источники космизма : монография / [Артамонов М. А. и др.] ; М-во образования и науки РФ, Калужский гос. ун-т им. К. Э. Циолковского, Ин-т социальных отношений, Каф. религиоведения, социально-культурной антропологии и туризма ; [отв. ред. и сост.: В. В. Лыткин]. - Калуга : Якунин Алексей Викторович, 2015. – 354 с.

227. Майданов, А. М. Возникновение парадоксов и способы их разрешения // Философия науки. Вып. 3 – Москва : ИФ РАН , 1997. – С. 170–184.

228. Майданская, И. А. Проблема цели науки в философии научного реализма / И. А. Майданская, А. В. Кузнецов // Научные ведомости Белгородского государственного университета. – Серия: Философия. Социология. Право. – Белгород: БелГУ, 2015. – №2 (199). – С. 32–36.

229. Майнонг, Алексиус. Самоизложение / Алексиус Майнонг; Пер. с нем. и послеслов. Романа Громова. – Москва : ДИК, 2003. – 80 с.

230. Мамардашвили, М. Картезианские размышления. / М. Мамардашвили. – Москва : Издательская группа «Прогресс»; «Культура», 1993. – 352 с.

231. Мануйлов В. Т. Конструктивность как принцип обоснования научного знания // Философские науки. – М.: Гуманитарий, 2003. – № 10. – С. 104–121.

232. Манхейм, К. Человек и общество в век преобразования : Специализ. информ. по общеакад. прогр. «Человек, наука, общество»: комплекс. исслед. / Манхейм К.; [Вступ. ст. П. С. Гуревича, с. 5–25]; АН

СССР, ИНИОН, Всесоюз. межвед. центр наук о человеке (при президиуме АН СССР). – Москва : ИНИОН, 1991. – 219 с.

233. Марков, Б. В. Бергсон и современная философия сознания / Б. В. Марков // А. Бергсон: pro et contra. – Санкт-Петербург : Русская Христианская Гуманитарная Академия, 2015. – С. 773–787.

234. Маркс, К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – Т. 3. – Москва : Политическая литература, 1955. – С. 1–4.

235. Масаев, Ю. А. Этапы знаменательных открытий физических явлений величайшими учеными XVIII–XIX в.в./ Масаев Юрий Алексеевич, Масаев Владислав Юрьевич, Фролова Тамара Валерьевна // Вестник КузГТУ – 2015. – №3 (109). – С. 163–171.

236. Масалова, С. И. Философские концепты как регулятивы гибкой рациональности: трансформация от античности до Нового времени / С. И. Масалова ; отв. ред. Е. Е. Несмеянов. – Ростов-на-Дону: ИПО РГПУ, 2006. – 263 с.

237. Матяш, Т. П. Сознание как целостность и рефлексия / Т. П. Матяш; Отв. ред. В. Е. Давидович; Рост. гос. ун-т. – Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 1988. – 178 с.

238. Мельник, Ю. М. Время жить и время созерцать... Экзистенциальные смыслы и философское понимание времени в классической европейской культуре / Ю.М. Мельник, В.П Римский. – Санкт-Петербург : Алетей, 2013. – 184 с.

239. Мельник, Ю. М. Экзистенциальное время: категория, понятие или концепт? / Ю.М. Мельник, В.П Римский // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – № 16 (71). – Вып. 10. – Белгород, 2009. – С. 24–36.

240. Менделеев, Д. И. Периодический закон [Текст] / Ред., статья [с. 771–820] и примеч. Б. М. Кедрова. – Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. – 830 с.

241. Мерзон, Л. С. Проблема научного факта. / Л. С. Мерзон – Ленинград : Наука, 1972. – 188 с.

242. Меркулов, И. П. Когнитивные способности. / И. П. Меркулов. – Москва : ИФ РАН, 2005. – 182 с.

243. Мертон Р. К. Социальная теория и социальная структура / Пер. с англ. Е. Н. Егоровой, и др.; науч. ред. З. В. Коганова. — М.: АСТ, Хранитель, 2006. — 873 с.

244. Мид М. Преемственность в культурной эволюции / Мид Маргарет

245. Микешина, Л. А. Философия познания. Полемиические главы. / Л. А. Микешина. – Москва : Прогресс–Традиция, 2002. – 623 с.

246. Микешина, Л. А. Диалог когнитивных практик [Текст] : из истории эпистемологии и философии науки : [монография] / Людмила Микешина. – Москва : РОССПЭН, 2010. – 574 с.

247. Многомерный образ человека : на пути к созданию единой науки о человеке / [науч. ред. и сост.: В. Г. Борзенков, С. М. Малков]. – Москва: Прогресс-Традиция, 2007. – 364 с.

248. Моисеев, Н. Н. Модели экологии и эволюции / Н. Н. Моисеев. – Москва : Знание, 1983. – 64 с.

249. Молчанов, В. И. Парадигмы сознания и структуры опыта / В. И. Молчанов // Логос. – 1992. – № 3. – С. 7–36.

250. Мотрошилова, Н. В. Работы разных лет: избранные статьи и эссе / Н. В. Мотрошилова ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – Москва : Феноменология-Герменевтика, 2005. – 574 с.

251. Мордухай-Болотовской, Д. Д. Философия. Психология. Математика. / Д. Д. Мордухай-Болотовской; [Сост., предисл., библиогр. А.В. Родин]. – Москва : Серебряные нити, 1998. – 551 с. - (Философы России XX в.)

252. Мороз, В. В. Философско-математический синтез: опыт историко-методологической рефлексии. / В. В. Мороз. – Москва : МГУ, 2005. – 308 с.

253. Мороз, В. В. На пути к пониманию природы геометрии: И. Кант и П. Флоренский // *Философия Иммануила Канта и цивилизационные вызовы нашего времени. Сборник статей.* – Москва : Изд-во РАГС, 2004. – С. 159–169.

254. Мороз, В. В. Математика в истории русской философии: философско-математический синтез : монография / В. В. Мороз ; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Курский государственный университет». – Курск : Курский гос. ун-т, 2019. – 223 с.

255. Моторина, Л. Е. Философская антропология / Л. Е. Моторина. – Москва : Высшая Школа. – 2003. – 256 с.

256. Мусс, А. И. Особенности когнитивной науки и философской антропологии как подходов к изучению человека / А. И. Мусс // *Интеллект. Инновации. Инвестиции.* – 2018. – № 1. – С. 46–48.

257. Найссер, У. Познание и реальность. / У. Найссер. – Москва : Прогресс, 1981. – 230 с.

258. Наука и квазинаука [Текст] : [монография] / [В. М. Найдыш и др.]. – Москва : Альфа-М, 2008. – 318 с.

259. Нидхэм, Дж. Общество и наука на Востоке и на Западе / Джозеф Нидхэм // *Наука о науке.* М., 1966. С. 155–160.

260. Низовцев, В. В. Время и место физики XX века. / В. В. Низовцев. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 208 с.

261. Огурцов, А. П. Эквивиальность и человекоразмерность: опыт ретроспективного анализа / А. П. Огурцов // *Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований.* – 2012. – № 2. – С. 181–188.

262. Огурцов, А. П. От натурфилософии к теории науки. / А. П. Огурцов. – Москва : ИФРАН, 1995. – 317 с.

263. Осипов, Г.С. Знаковая картина мира субъекта поведения [Текст]: [монография] / Г. С. Осипов, Н. В. Чудова, А. И. Панов, Ю. М. Кузнецова. – Москва : Физматлит, 2018. – 263 с.
264. Панин, С. А. История эзотерических учений в перспективе истории философии // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – Орел, 2012. – С. 142–146.
265. Пенроуз, Р. Новый ум короля: О компьютерах, мышлении и законах физики / Р. Пенроуз ; пер. с англ. под общ. ред. В. О. Малышенко. – М.: Едиториал УРСС, 2003.– 384 с.
266. Петров, М. К. Философские проблемы «науки о науке» ; Предмет социологии науки [Текст] / М. К. Петров. – Москва : РОССПЭН, 2006. – 623 с. – (Философы России XX века).
267. Петров, М. К. Искусство и наука ; Пираты Эгейского моря и личность [Текст] / М. К. Петров ; [вступ. ст. С. С. Неретиной]. – Москва : РОССПЭН, 1995. – 238 с. – (Науч. философия).
268. Петров, М. К. Историко-философские исследования [Текст] / М. К. Петров ; [сост., введ. ст. В. Н. Дубровина, Ю. Р. Тищенко] – Москва : РОССПЭН, 1996. – 511 с. – (Науч. философия).
269. Петров, М. К. История европейской культурной традиции и ее проблемы [Текст] / М. К. Петров. – Москва : РОССПЭН, 2004. – 775 с. – (Философы России XX века).
270. Петров, М. К. Самосознание и научное творчество [Текст] / М. К. Петров. – Ростов-на-Дону : Изд-во Ростов. ун-та, 1992. – 272 с.
271. Петров, М. К. Некоторые проблемы организации науки в эпоху научно-технической революции [Текст] / М. К. Петров // Вопросы философии. – 1968. – № 10. – С. 36–45.
272. Петров, М. К. Социально-культурные основания развития современной науки [Текст] / М. К. Петров ; РАН, ВНИИ систем. исслед. – Москва : Наука, 1992. – 232 с.

273. Петров, М. К. Человекоразмерность и мир предметной деятельности / М.К. Петров // Человек. – 2003. – № 1. – С. 5–18.

274. Петров, М. К. Язык и категориальные структуры [Текст] / М. К. Петров // Науковедение и история культуры : [сб. ст.] / отв. ред. Е. Я. Режабек ; Сев.-Кавказ. науч. центр высш. шк. – Ростов-на-Дону, 1973. – С. 58–82.

275. Петров, М. К. Язык, знак, культура [Текст] / М. К. Петров ; АН СССР, Ин-т философии. – Москва : Наука, 1991. – 328 с.

276. Печенкин, А. А. Антиметафизическая философия второй половины XX века: конструктивный эмпиризм Баса ван Фраасена / А. А. Печенкин // Границы науки / Ответств. ред. Л. А. Маркова ; Предисловие от ред-ции . – 2000. – 104–120.

277. Пирожкова, С. В. Предвидение как эпистемологическая проблема [Текст] / С.В. Пирожкова ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – Москва : ИФРАН, 2015. – 247 с.

278. Писарчик, Л. Ю. Р. Декарт и классицизм // Вестник оренбургского государственного университета. – 2005, №1 (39). – С. 41–57.

279. Планк, М. Единство физической картины мира. Сб. ст. / Пер. сост. и авт. коммент. У. Ф. Франкфурт. – Москва : Наука, 1966. – 287 с.

280. Плотинский, Ю. М. Модели социальных процессов : Учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по гуманитар. специальностям / Ю. М. Плотинский. – 2. изд., перераб. и доп. – Москва : Логос, 2001. – 293 с.

281. Подвойский, Д. Г. Предметно-методологическое самоопределение новой науки о человеческом обществе: Огюст Конт и его теория / Д. Г. Подвойский // Вестник РУДН. Серия: Социология. – 2002. – №1. – С.100–115.

282. Полак, Л. С. М. Избранные труды [Текст] / [Отв. ред. Л. С. Полак]. – Москва : Наука, 1975. – 788 с.

283. Полани, М. Личностное знание : На пути к посткритич. философии. Пер. с англ. / М. Полани; Общ. ред. В. А. Лекторского,

В. И. Аршинова; Предисл. В. А. Лекторского. – Москва : Прогресс, 1985. – 344 с.

284. Поляков С. Э. Феноменология психических репрезентаций. / С.Э. Поляков. – Санкт-Петербург : Питер, 2011. – 688 с.

285. Попова О. В., Тищенко П. Д., Шевченко С. Ю. Нейроэтика и биополитика биотехнологий когнитивного улучшения человека // Вопросы философии – 2018. – Выпуск №7 – С. 96–108.

286. Поппер, К. Открытое общество и его враги. / Карл Поппер. – Москва : Феникс, 1992. – Т.2. – 528 с.

287. Порус, В. Н. Рыцарь Ratio / В. Н. Порус // Вопросы философии. – Москва, 1995. – №4. – С.127–134.

288. Порус, В. Н. Рациональность / В. Н. Порус // Эпистемология и философия науки. – 2004. – № 2. – С. 203–208.

289. Пром, Н. А. Фактуализация знания как когнитивная система адаптации реальности // Вестник Московского государственного областного университета. – Серия: Лингвистика, №4, 2019. – С.50–62.

290. Пром, Н. А. Фактуализация реальности в медиадискурсе: характеристики, типы, способы выражения. Дис. ... доктора филологических наук по спец. 10.02.19. / Пром Наталья Александровна; [Место защиты: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина]. – Москва, 2020. – 393 с.

291. Пружинин, Б. И. Воспроизводимость эксперимента как инструмент познания (эпистемологический анализ) // Вопросы философии. – 2021. – №10. – С. 18–28.

292. Пуанкаре, А. Ценность науки. // О науке: [Сборник]. / Анри Пуанкаре; Пер. с франц. Л. С. Понтрягина; [Послесл. М.И. Панова и др.]. – М.: Наука, 1983. – С. 197–367.

293. Пуанкаре А. О науке: [Сборник]. Пер. с франц. Л. С. Понтрягина; [Послесл. М.И. Панова и др.]. – М.: Наука, 1983. – 560 с.

294. Разеев, Д. Н. Когнитивная машинерия и феноменальный поток сознания / Д.Н. Разеев // Логос. – 2014. – № 2. – С. 1–14.

295. Разумовский, О. С. Современный детерминизм и экстремальные принципы в физике. / О. С. Разумовский. – М.: Наука, 1975. – 248 с.

296. Райл, Г. Понятие сознания [Текст] : [Пер. с англ.] / Гилберт Райл; общ. науч. ред. В. П. Филатов. – Москва : Идея-пресс : Дом интеллектуал. кн., 2000. – 406 с.

297. Рассел, Б. История западной философии. / Бертран Рассел. – Новосибирск : НГУ, 1994. – Т. 2. – 400 с.

298. Рациональность на перепутье. В 2-х книгах. / Отв. ред. В.А. Лекторский; Кн. 1. Москва : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН). 1999. – С. 368.

299. Режабек, Е. Я. В поисках рациональности (статьи разных лет): научное издание / Е. Я. Режабек. – Москва : Академический Проект, 2007. – 383 с. – (Gaudeamus).

300. Режабек, Е.Я. Мифомышление [Текст] : когнитивный анализ / Е. Я. Режабек. – Изд. 3-е. – Москва : Едиториал УРСС, 2017. – 302 с.

301. Режабек, Е. Я., Филатова А.А. Когнитивная культурология: Учебное пособие / Е.Я. Режабек, А.А. Филатова. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2010. – 316 с.

302. Рейхенбах, Г. Философия пространства и времени. Изд. 2-е, стереотипное. – Москва : Едиторил УРСС, 2003. – 320 с.

303. Риман Б. Сочинения [Текст] / Бернгард Риман ; Пер. с нем. под ред., с предис., обзорной статьей [«О научных работах Римана», с. 7–41] и примеч. проф. В. Л. Гончарова. Москва ; Ленинград : Гостехиздат, 1948 (Ленинград : тип. им. Евг. Соколовой). – 543 с.

304. Робинсон, Уильям. Эпифеноменализм // Стэнфордская философская энциклопедия: переводы избранных статей / под ред. Д.Б. Волкова, В.В. Васильева, М.О. Кедровой. URL = <<http://philosophy.ru/epiphenomenalism/>>.

305. Родина, А. В. Трансцендентальное обоснование физики на примере «замкнутой теории» К. Ф. фон Вайцзеккера и В. Гейзенберга // Вопросы философии. – 2019. – № 12. – С. 101–105.

306. Руднев В. П. «Логико-философский трактат» с параллельным философско-семиотическим комментарием // Логос. 1999. #1 (11). С.101–129; # 3 (13). С.147– 173; # 8(18). С. 68– 87.

307. Рузавин, Г. И. Методы научного исследования [Текст]. – Москва : Мысль, 1974. – 237 с.

308. Рузавин, Г. И. О природе математического знания [Текст] : (Очерки по методологии математики). / Г. И. Рузавин. – Москва : Мысль, 1968. – 302 с.

309. Рябцева, И. Н. Язык и естественный интеллект : И. Н. Рябцева. – Москва : Academia, 2005 (ОАО Можайский полигр. комб.). – 639 с. – (Монографические исследования: лингвистика).

310. Свирский, Я. И. Концептуальные особенности сложностного видения мира // Вопросы философии. – 2021. – № 10. – С. 49–52.

311. Секацкая, М. А. Исследование сознания в философии и когнитивных науках: почему трудная проблема сознания не нуждается в решении / М.А. Секацкая // Вопросы философии. – 2015. – № 4. – С. 185–194.

312. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир; Пер. с англ. под ред. и с предисл., [с. 5–22] А. Е. Кибрика. – Москва : Прогресс : Изд. группа «Универс», 1993. – 654 с.

313. Серов, В. В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. – Москва : «Локид-Пресс». – 2005. – 677 с.

314. Сколимовски, Х. Философия техники как философия человека: пер. Савицкой Т.Е. // Новая технократическая волна на Западе : [сборник статей : переводы] / АН СССР, Ин-т философии, Науч. совет при Президиуме АН СССР по филос. и социал. пробл. науки и техники ; сост. и вступ. ст. [с. 3–31] П. С. Гуревича. – Москва : Прогресс, 1986. – С. 240–249.

315. Скрипник, К. Д. "ΣΗΜΙΩΤΙΚΗ" Дж. Локка: историко-философская ретроспектива / К. Д. Скрипник // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2017. – № 2(30). – С. 172–182.

316. Слинин, Я. А. Трансцендентальный субъект : Феноменол. исслед. / Я. А. Слинин. – Санкт-Петербург : Наука, 2001. – 524 с.

317. Смит, Р. История гуманитарных наук / Роджер Смит ; [пер. с англ. Ю. В. Горбатова и др.] ; Гос. ун-т – Высш. шк. экономики. – Москва : ГУ ВШЭ, 2007. – 391 с.

318. Сноу, Ч. П.. Две культуры [Текст] : Сборник публицист. работ / Сокр. пер. с англ. Ю. С. Родман ; Ред. и предисл. д-ра философ. наук А. И. Арнольдова. – Москва: Прогресс, 1973. – 140 с.

319. Солсо Р. Когнитивная психология / Роберт Солсо; [пер. с англ. С. Комаров]. – 6-е изд. – М. [и др.] : Питер, 2006. – 588 с.

320. Соссюр, Фердинанд де. Курс общей лингвистики : Изд. Ш. Балли и А. Сеше при участии А. Ридлингера / Ф. де Соссюр ; Пер. со 2-го фр. изд. А.М. Сухотина ; Под ред. и с примеч. Р.И. Шор. – 2. изд., стер. – Москва : УРСС, 2004 (Тип. ООО Рохос). – 271 с.

321. Стевинсон, Л. Десять теорий о природе человека / Лесли Стевенсон, гл. 2 и 3 написаны Дэвидом Хаберманом; [пер. с англ. В. В. Васильев]. – Москва : Слово, [2004] (Издат.-полигр. комплекс Звезда). – 230 с.

322. Степин, В.С. Научная рациональность в техногенной культуре: типы и историческая эволюция / В. С. Степин // Вопросы философии. – № 5. – 2012. – С. 18–26.

323. Степин В. С. Теоретическое знание : Структура, ист. эволюция / В. С. Степин. – Москва : Прогресс-Традиция, 2003. (Люберцы (Моск. обл.) : ПИК ВИНТИ). – 743 с.

324. Стёпин В. С., Философия науки и техники : Учеб. пособие для вузов / В. С. Степин, В. Г. Горохов, М. А. Розов; Ин-т «Открытое о-во». – Москва : Фирма «Гардарика», 1996. – 399 с.

325. Стёпин, В. С. Философская антропология и философия науки / В. С. Степин; Респ. центр гуманит. образования. – Москва : Высш. шк., 1992. – 188 с.

326. Субботин, А. И. Эписистемные характеристики антропологического опыта сознания в рационалистической философии : диссертация ... доктора философских наук : 09.00.13 / Субботин Александр Ильич; [Место защиты: ГНУ «Южный федеральный университет»]. – Ростов-на-Дону, 2007. – 373 с.

327. Субботский, Е. В. Строящееся сознание / Е. В. Субботский. – Москва : Смысл, 2007. – 422 с.

328. Сущин, М. А. В защиту гипотезы внутренних репрезентаций в современных исследованиях восприятия и познания // Вопросы философии. – 2018. – № 4. – С. 27–40.

329. Сущин М.А. Фальсифицируемость как регулятивный принцип: границы применимости Научноисследовательские исследования, 2021: ежегодник, С. 25–42.

330. Табула раса. Tabula Rasa // Струнино – Тихорецк. – Москва : Советская энциклопедия, 1976. – С. 162. – (Большая советская энциклопедия: [в 30 т.] / гл. ред. А. М. Прохоров; 1969–1978, т. 25).

331. Тайлор, Э. Первобытная культура / Э. Тэйлор; пер. Д. А. Коропчевский, А. Ивин; под ред. В. К. Никольского. — Москва : Издательство Юрайт, 2019. — 742 с. — (Серия: Антология мысли).

332. Теория познания. В 4 т. Т. 1. Домарксистская теория познания / АН СССР. Ин-т философии: Под ред. В. А. Лекторского, Т. И. Ойзермана. – Москва : Мысль, 1991. – 303 с.

333. Теория познания. В 4 т. Т. 2. Социально-культурная природа знания / АН СССР. Ин-т философии: Под ред. В. А. Лекторского, Т. И. Ойзермана. – Москва : Мысль, 1991. – 481 с.

334. Теория познания. В 4 т. Т.3. Познание как исторический процесс / АН СССР. Ин-т философии : Под ред. В. А. Лекторского, Т. И. Ойзермана. – Москва : Мысль, 1993. – 400 с.

335. Теория познания. В 4 т. Т.4. Познание социальной реальности / Российская Академия наук. Ин-т философии: Под ред. В. А. Лекторского, Т. И. Ойзермана. – Москва : Мысль, 1995. – 431 с.

336. Тернер, Фрэнк М. Европейская интеллектуальная история от Руссо до Ницше [Текст] : [пер. с англ.] / Фрэнк М. Тёрнер ; под редакцией Ричарда А. Лофтхауса. – Москва : Кучково поле, 2016. – 382 с.

337. Тимофеева, М. К. Язык с позиций философии, психологии, математики : учебное пособие / М. К. Тимофеева. – Москва : Флинта : Наука, 2009. – 173.

338. Торубарова, Т. В. Концепция времени в энциклопедической системе Гегеля / Т. В. Торубарова // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2023. – Т. 12, № 1-1. – С. 97-107.

339. Торубарова, Т. В. Знак как выражение слова в контексте средневекового сознания (на примере риторического слова Августина) / Т. В. Торубарова // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. – 2022. – № 3. – С. 166-173.

340. Торубарова, Т. В. Проблема опыта в философии Дж. Локка / Т. В. Торубарова // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2021. – Т. 10, № 1А. – С. 165-175.

341. Торубарова, Т. В. Метафизическим основаниям человеческого присутствия в мире / Т. В. Торубарова // Человек в современном мире: кризис и глобализация : Международная междисциплинарная коллективная монография, Москва, 01–05 июля 2020 года / Составитель, редактор М. le Chanceaux, И.Э.Соколовская. – Москва: Энциклопедист-Максимум, 2020. – С. 48-58.

342. Торубарова, Т. В. Об опыте человеческого познания в метафизике Иммануила Канта / Т. В. Торубарова // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. – 2019. – № 3(90). – С. 94-99.

343. Торубарова, Т. В. Экзистенциальное измерение мысли Ф. Бэкона / Т. В. Торубарова // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2014. – № 1(29). – С. 59-72.

344. Торубарова, Т. В. К вопросу понимания сущности мышления / Т. В. Торубарова // Образование и воспитание гражданина в контексте церковно-общественного сотрудничества : материалы VIII научно-образовательных Знаменских чтений (Электронный ресурс), Курск, 12–15 марта 2012 года. – Курск: Курский государственный университет, 2012.

345. Трофимов В.В. Человекоразмерность науки и культурные парадоксы трансгуманизма : дис. ... кандидата философских наук : 09.00.13 / Трофимов Виктор Владимирович; [Место защиты: Белгород. гос. нац. исслед. ун-т]. – Белгород, 2018. – 151 с.

346. Тулмин, Ст. Человеческое понимание / Ст. Тулмин; Пер. с англ. З. В. Качановой; под ред. П. Е. Сивоконя. – Москва : Прогресс, 1984. – 328 с.

347. Уорф, Б. Л. Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в зарубежной лингвистике. / Под ред. В. А. Звегинцева. Москва : Издательство иностранной литературы, 1960. Вып. 1. С. 157–201.

348. Фатенков А. Н. Внутренний опыт философии и внешний опыт науки: антропологический ракурс / А.Н. Фатенков // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2012. №1 (25). – С. 117–125.

349. Феизов, Э.З. Мозг, психика, физика. / 2-е изд., доп. Э. З. Феизов. – Москва : Изд-во «Б.и.», 1995. – 532 с.

350. Фейерабенд, П. Избранные труды по методологии науки / Пол Фейерабенд; Перевод с англ. и нем. А. Л. Никифорова; Общ. ред. и вступ. ст. [с. 5–28] И. С. Нарского. – Москва : Прогресс, 1986. – 543 с.

351. Фейербах, Л. История философии [Текст] : собрание произведений : в 3 т. : [пер. с нем.] / [под общ. ред. и со вступ. статьей М. М. Григорьяна]. – Москва : Мысль, 1967. – Т. 1. – 1967. – 544 с.; Т. 2. – 1967. – 479 с.; Т. 3. – 1967. – 484 с.

352. Фейнман, Ф. Фейнмановские лекции по физике [Текст] : [Пер. с англ.] / Р. Фейнман, Р. Лейтон, М. Сэндс ; [Предисловия Я. Смородинского и Р. Фейнмана]. – Москва : Мир, 1965–1967. – 9 т.; Вып. 4 : Кинетика. Теплота. Звук. – 1965. – 261 с.

353. Фейнман, Р. Характер физических законов / Р. Фейнман; Пер. с англ. В. П. Гольшева, Э. Л. Наппельбаума; Предисл. Я. А. Смородинского. – 2-е изд., испр. – Москва : Наука, 1987. – 158 с.

354. Физический энциклопедический словарь / Гл. ред. А. М. Прохоров. – Москва : Сов. энцикл., 1983. – 928 с.

355. Филатов, В. П. Научное познание и мир человека / В. П. Филатов. – Москва: Политиздат, 2004. – 270 с.

356. Философия и прогресс науки: практический аспект : / Е. И. Арепьев, Д. Н. Букин, В. Э. Войцехович [и др.]. – Курск : Курский государственный университет, 2023. – 270 с.

357. Философский энциклопедический словарь [Текст] / гл. ред. Л. Ф. Ильичев и др. – Москва : Сов. энциклопедия, 1983. – 839 с.

358. Фихте, И. Г. Сочинения [Текст] = Werke : в двух томах : [перевод] / Иоганн Готлиб Фихте ; [сост. и примеч. В. Волжского]. – Санкт-Петербург : Мифрил, 1993. – Т. 1. – 686 с.

359. Флиер, А. Я. Культура как репрессия / А. Флиер. – Москва : Диаграмма, 2006 (Можайск : Можайский полиграфкомбинат). – 319 с.

360. Фок, В. А. Квантовая физика и строение материи / В. А. Фок. – Изд. 2-е, испр. – Москва : Кн. дом «Либроком», 2010. – 69 с.

361. Фокин, А. Р. Учение Плотина о мышлении и сознании Единого и его ближайшие аналоги // Вопросы философии. – 2020. – № 9. – С. 178–189.

362. Франк, С. Л. Непостижимое [Текст] : Онтологическое введение в философию религии / С. Л. Франк. – Париж : Дом книги : Современ. записки, 1939. – 323 с.

363. Фреге Г. Избранные работы : [Пер. с нем.] / Готлоб Фреге; [Сост. В. В. Анашвили, А. Л. Никифоров]. – Москва : Дом интеллектуал. кн. : Анашвили, 1997. – 159 с.

364. Черниговская, Т. В. «До опыта приобрели черты». Мозг человека и породивший его язык / Т.В. Черниговская // Логос. – 2014. – № 1. – С. 79–96.

365. Хабермас, Ю. Будущее человеческой природы / Юрген Хабермас. – Москва: Весь Мир, 2002. – 144 с.

366. Хайдеггер, М. Время и бытие [Текст] : статьи и выступления / Мартин Хайдеггер ; [сост., пер., вступ. ст., коммент. и указ. В. В. Библихина]. - Москва : Республика, 1993. – 445 с.

367. Хейзинга, Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. Пер. с нидерланд. – М.: Прогресс-Академия, 1992. – 459 с.

368. Хомский, Н. Язык и мышление / Серия переводов под общей редакцией В. А. Звегинцева / Н. Хомский. – Москва : Издательство Московского Университета, 1972. – 124 с.

369. Хокинг, С. Природа пространства и времени / Стивен Хокинг; [пер. с англ. Н. Смородинской]. – Москва : АСТ, 2018. – 232 с.

370. Черниговская, Т. В. Нейронаука в поисках смыслов: мозг как барокко? / Т. В. Черниговская // Вопросы философии. – 2021. – №1. – С.17–27.

371. Шалак, В. И. Алгоритмические явления в природе: модель объяснения // Вопросы философии. – 2020. – № 11. – С. 120–124.

372. Шапошников, В. А. Математическая мифология и пангеометризм // Стили в математике: социокультурная философия математики [Текст] / Ин-т гос. упр. и соц. исслед., МГУ

им. М. В. Ломоносова и др. ; под ред. А. Г. Барабашева. – Санкт-Петербург : РХГИ, 1999. – С. 139–161.

373. Швырев, В. С. Теоретическое и эмпирическое в научном познании [Текст]. – Москва : Наука, 1978. – 382 с.

374. Шевченко, С. Ю., Тухватулина, Л. А. Несвятая простота: эпистемология добродетелей и три стратегии отрицания научного знания // Вопросы философии. – 2020. – № 11. – С. 109–119.

375. Шеллинг, Ф. В. Й. Сочинения: [Пер. с нем.] / Фридрих Вильгельм Шеллинг; [Авт. вступ. ст. А. В. Гулыга, с. 5–46]. – Москва : Мысль, 1998. – 1661 с.

376. Шеллинг, Ф. В. Й. Система трансцендентального идеализма [Текст] / Ф. В. И. Шеллинг ; Пер. и комментарии И. Я. Колубовского ; Ред. и вступ. статья П. Л. Кучерова. – [Ленинград] ; [Москва] : Соцэкгиз. Ленингр. отд-ние, 1936. – 455 с.

377. Шельски, Г. Человек в научной цивилизации // Политическая философия в Германии : сб. ст. / [сост. Миронова Дагмар] ; [пер. с нем. Мироновой Д., Погорельской С.]. – Москва : Современ. тетради, 2005. – 518 с.

378. Шеманов, А. Ю. Самоидентификация человека и культура [Текст] / А. Ю. Шеманов. – Москва : Академический проект, 2007. – 479 с.

379. Шеннон Р. Имитационное моделирование систем – искусство и наука [Текст] / Шеннон, Роберт Ю.; Пер. с англ. / Под ред. Е.К. Масловского. – Москва : Мир, 1978. – 418 с.

380. Шер, Я. А. Происхождение знакового поведения / А. Я. Шер, Л. Б. Вишняцкий, Н. С. Бледнова ; Кемер. гос. ун-т, Ин-т истории матер. культуры РАН. – Москва : Науч. мир, 2004. – 279 с.

381. Шерман, Н. С. Формирование равномерно-темперированного строя [Текст]. / Н. С. Шерман. – Москва: Музыка, 1964. – 120 с.

382. Шилков, Ю. М. Феноменологические поиски аподиктического знания // Альманах «Vita Cogitans», Vita Cogitans. – Выпуск 2, №2. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество, 2003. – С. 47–55.

383. Шлегель, Ф. Эстетика. Философия. Критика [Текст] : вступ. ст., сост., пер. с нем. Ю. Н. Попова. – Москва : Искусство, Т. 2 [Текст]. – 1983. – 447 с. – (История эстетики в памятниках и документах).

384. Шлик, М. Поворот в философии. / Мориц Шлик // Аналитическая философия. Избранные тексты. – Москва : Издательство Московского университета, 1993. – С. 28–33;

385. Шопенгауэр, А. Мысли и размышления [Текст] : [перевод с немецкого] / Артур Шопенгауэр. – Москва : Э, 2017. – 255 с.

386. Шуталева, А. В. Нейроантропология: биогенетическая структуралистская теория как теоретико-методологическое основание нейрофеноменологического исследования сознания // Вопросы философии. 2020. – № 7. – С. 104–112.

387. Щавелев С. П. Мудрость, глупость и хитрость как социально-философские категории / С. П. Щавелев // Философия. История. Культура. Книга для высших и средних учебных заведений. – Курск, 1995. – С. 307–315.

388. Щеглов, Б. С. Фактор рациональности в постнеклассическом дискурсе / Б. С. Щеглов. – Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та. – 2004. – 255 с.

389. Эйзенштадт, Шмуэль Н. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций / Ш. Эйзенштадт; Пер. с англ. А. В. Гордона; Науч. ред. пер. Б. С. Ерасов. – Москва : Аспект Пресс, 1999. – 415 с.

390. Эйнштейн, А. Физика и реальность. Сб. популярных работ / Пер., сост. и коммент. У. Ф. Франкфурта. – Москва : Наука, 1965. – 359 с.

391. Эйнштейн, А. Основы общей теории относительности // Эйнштейн А. Собрание научных трудов. – Т.1. – Москва : Наука, 1965. – 700 с.

392. Эйнштейн, А. Собрание научных трудов: в 4 т. / Пер., под ред. И. Е. Тамма и др. – Т. 4. – М.: Наука, 1967. – 599 с.

393. Эйнштейн, А., Подольский Б., Розен Н. Можно ли считать квантовомеханическое описание полным? // Эйнштейн А. Собр. науч. трудов. – Москва : Наука, 1966. – Т.3.
394. Эйнштейн, А. Собрание научных трудов: в 4 т. / Пер., под ред. И. Е. Тамма и др. – Т. 2. – Москва : Наука, 1966. – 878 с.
395. Эйнштейн, А. Собрание научных трудов: в 4 т. / Пер., под ред. И. Е. Тамма и др. – Т. 3. – Москва : Наука, 1966. – 632 с.
396. Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 20. – С. 345–625.
397. Юдин, Б. Г. О человеке, его природе и его будущем / Б. Г. Юдин // Вопросы философии. – Москва, 2018. – №13. – С. 235–250.
398. Юдин, Б. Г. Технонаука и «улучшение» человека // Эпистемология и философия науки. – 2016. – Т. XLVIII. – № 2. – С. 18–27.
399. Юлина, Н. С. Физикализм: дивергентные векторы исследования сознания // Вопросы философии. – 2011. – № 9. – С. 153–166.
400. Юм, Д. Трактат о человеческой природе // Сочинения. В 2 т. Т. 1. – Москва : Мысль, 1996. – С. 53–655 (Hume, David, A Treatise of Human Nature, Russian Translation).
401. Яковлев, А. А. Языковое сознание – часть индивидуального сознания или часть теории? // Вопросы психолингвистики. – Москва, 2019. – № 2. – С. 157–171.
402. Ясперс, К. Кант: жизнь, труды, влияние [Текст] / Карл Ясперс ; [пер. с нем. А. К. Судакова]. – Москва : Канон, 2014. – 415 с.
403. Ясперс, К. Смысл и назначение истории : [Пер. с нем.] / Карл Ясперс. – Москва : Политиздат, 1991. – 527 с.
404. Яцино, М. Культура индивидуализма. / М. Яцино; Пер. с польск. А. Комаристова. – Харьков: Гуманитарный центр, 2012. – 280 с.
405. Apel K.-O. Dilthey's Distinction Between «Explanation» and «Understanding» and the Possibility of Its «Mediation» // Journal of the History of Philosophy. 1987. Vol. 25, No. 1. P. 131–149.

406. Block N. On a confusion about a function of consciousness // Behavioral and Brain Sciences. 1995. №18. P. 227–247.
407. Breitkopf A. Untersuchungen uber den Begriff des finiten Schlissens. – Munchen, 1968.
408. Bueno O., Busch J., Shalkowski S. A. The nocategory ontology // The Monist, 2015. №98 (3). P. 233–245.
409. Bruzina R. Edmund Husserl & Eugen Fink: Beginning and ends in phenomenology, 1928-1938 (Yale Studies in Hermeneutics). New Haven, London: Yale University Press, 2004. – 658 s.
410. Chalmers D. J. The Character of Consciousness. N.Y.: Oxford: Oxford University Press, Oxford UK, 2010. 624 p.
411. Dax M. Lsions de la moiti gauche de l'encphale coincident avec l'oubli des signes de la pense (lu Montpellier en 1836) [= Повреждения левой половины головного мозга совпадают с забвением знаков мысли (прочитано в Монпелье в 1836)] // Bulletin hebdomadaire de mdecine et de chirurgie, 2me srie. — 1865. — № 2. — P. 259–262.
412. Dirac P.A.M. Development of the physicist's conception of nature // The physicist's conception of nature. – Dordrecht; Boston, 1973.
413. Domínguez Duque JF, Turner R, Lewis ED, Egan G. Neuroanthropology: a humanistic science for the study of the culture-brain nexus. Soc Cogn Affect Neurosci. 2010 Jun; 5(2–3):138–47. doi: 10.1093/scan/nsp024. Epub 2009 Aug 4. PMID: 19654141; PMCID: PMC2894669.
414. Glaserfeld E. von. Radical Constructivism. L.: Falmer Press, 1996.
415. Grodzicki, M. (2021). Grodzicki, Michael. (2021). Theory and Experience. https://doi.org/10.1007/978-3-030-74579-0_4.
416. Hanegraaff W. Beyond the Yates Paradigm: the Study of Western Esotericism between Counterculture and New Complexity // Aries, Vol. 1, Issue 1. Brill, 2001. Pp. 5–37.

417. Husserl E. Formale und transzendente Logik: Versuch einer Kritik der logischen Vernunft / Text nach Husserliana XVII. Hamburg: Meiner, 1992. 320 s.

418. Kuznetsov, A.V. Stress-strain state of the short eccentrically compressed reinforced concrete columns with nonlinear creep / Chepurenko, Anton & Dubovitskaya, Ludmila & Vanja, Vladimir & Ortega, Damian & Kuznetsov, Andrey. (2021). Stress-strain state of the short eccentrically compressed reinforced concrete columns with nonlinear creep. E3S Web of Conferences. 281. 01049. 10.1051/e3sconf/202128101049

419. Kuznetsov A. V., Alina Kuznetsova, Olga Kurganskaya, Etery Kaishaury. Conceptualization of Romanticism in Music as Gnoseo-Axiological Problem of Personality // DILEMAS CONTEMPORANEOS-EDUCACION POLITICA Y VALORES. Year VI, Publication no.3, May 2019 Year-VI-Publication no. 3, May 2019 Title 64 ISSN: 2007-7890 E-ISSN: 2007–7890.

420. Kuznetsov, A.V. The problem of aim of science in the philosophy of scientific realism / Maidanskaya I.A., Kuznetsov A.V., Rimsky V.P., Reznik S.V., Mariasova E.A. // Journal of History Culture and Art Research. – 2017. – Vol. 6, №3. – P. 1480–1489. (Web of Science) – 0,57 (личный вклад автора – 0,22 п.л.) - DOI: <https://doi.org/10.7596/taksad.v6i3.1019>

421. Kuznetsov A.V. Anthropogenic activity: risks and protection safety of human life / Andrei V. Kuznetsov, Mikhail V. Beilin, Lidiia M. Gazniuk, Mikhail V. StruchaeV, Dmitriy K. Manohin, Ekaterina Yu. Chistyakova // / Revista Publicando, 5 No 16. (1). 2018, 598–605.

422. Kuznetsov, A.V. Ontology of the nanoworld: system approach and the concept of evolutionism / Beilin M.V., Gazniuk L.M., Kuznetsov A.V., Lipich T.I., Reznik S.V. // Amazonia Investiga. – 2018. – Vol. 7, № 13. – P. 50–57 / Marzo – Abril 2018.

423. Kuznetsov A.V., Zhikharev A.G., Matorin S.I., Buzov A.A., Chekanov N.A. Methodological and practical aspects of developing the unit objects pools in

system-object models // International Journal of Innovative Technology and Exploring Engineering. – Volume-8. – Issue-6S3. – April 2019. – pp. 582–585.

424. Kuznetsov, A.V. Conceptualization of the experience of the individual in the educational space in the light of scientific rationality as a problem of professional identity in global and sociocultural dynamic / Kuznetsov A.V., Ivashina R.A., Chistyakova E.Y., Reznik S.V. // Revista San Gregorio. – 2019. – Vol. 32, spec. is., August. – P. 182–188. – ISSN: 1390-7247; EISSN: 2528–7907.

425. Kuznetsov, A.V. Characteristic features of relationships between intelligence and imagination in the synthesis of conceptualized forms of knowledge / Andrey Kuznetsov, Alexander Zhikharev, Olga Kurganskaya, and Alina Kuznetsova // SHS Web of Conferences. – EDP Sciences, 2019. – T. 72. (01020)

426. Kuznetsov Andrey V., Alexander G. Zhikharev, Sergey I. Matorin, Sergey V. Zherebtsov and Nikolay A. Tchekanov. To the Problem of the Coefficient Calculus of the Nodal Object In the System-Object Models // Journal of Advanced Research in dynamical and Control Systems eISSN: 1943-023X

427. Kuznetsov, A.V. The problem of aim of science in the philosophy of scientific realism / Maidanskaya I.A., Kuznetsov A.V., Rimsky V.P., Reznik S.V., Mariasova E.A. // Journal of History Culture and Art Research. – 2017. – Vol. 6, №3. – P. 1480 –1489. (Web of Science) – 0,57 (личный вклад автора – 0,22 п.л.) – DOI: <https://doi.org/10.7596/taksad.v6i3.1019>

428. Planck Collaboration. Planck 2015 results: XIII. Cosmological parameters: [англ.] // Astronomy and Astrophysics. — 2016. — Т. 594 (September). – С. 31, строки 7 и 18, последняя колонка. — doi:10.1051/0004-6361/201525830.

429. Popper K. R. The open universe. An argument for indeterminism. – Totowa, 1982. – 181 p.

430. Quine W.V. Ontological relativity and other essays. – New York: Columbia University Press, 1969. – 165 p.

431. Searle J. *Rationality in Action*. Cambridge (MA): MIT Press, 2001. – 319 p.
432. Thomasson A. *Artifacts and human concepts // Creations of the Mind: Essays on Artifacts and Their Representation / Laurence S, Margolis E. (eds.)*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 52–73.
433. Weizsacker K. *Die Tragweite der Wissenschaft*. – Stuttgart. – 1966.
434. Watzlawick P. *How Real is Real?* – New York, 1977.
435. Zibertowicz A. *Konstruktywizm jako orientacja metodologiczna w badaniach społecznych // Ask. – W-wa, 1999. – № 8.*